3 1761 05411897 1

מספרי יעקב פאָרמֶן ת״א

EX LIBRIS JACOB PEREMEN

Presented to the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

by

DR. LEONID MAXIMENKOV

ИЗД.
ШИПОВНИКЪ

ЛЕВЪ ШЕСТОВЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШИПОВНИКЪ“ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ЛЕВЪ ШЕСТОВЪ

АПОѲЕОЗЪ БЕЗПОЧВЕННОСТИ

(ОПЫТЪ АДОГМАТИЧЕСКАГО МЫШЛЕНІЯ)

ТОМЪ IV

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШИПОВНИКЪ“ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

LIBRARY
DEC 1 4 2000
UNIVERSITY OF TORONTO

Тип. Шт. Отд. Корп. Погр. Стражи.
(Спб., В. О., Тучк. наб. у Бирж. м.).

ЛЕВЪ ШЕСТОВЪ

АПОѲЕОЗЪ БЕЗПОЧВЕННОСТИ

(ОПЫТЪ АДОГМАТИЧЕСКАГО МЫШЛЕНІЯ)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Нужно оправдываться—сомнѣнія быть не можетъ. Вопросъ лишь, съ чего начинать: съ оправданія формы или содержанія настоящей работы. На Западѣ афористическая форма изложенія—явленіе довольно обычное. Иное дѣло у насъ. У насъ полагаютъ, что книга должна представлять изъ себя послѣдовательно развитую систему мыслей, объединенныхъ общей идеей—иначе она не оправдываетъ своего назначенія... И точно, если бы книга не могла имѣть никакого другого назначенія,—то афоризмъ былъ бы этимъ самымъ навсегда осужденъ. Разрозненныя, не связанныя между собой мысли въ лучшемъ случаѣ могли бы разсматриваться, какъ сырой матеріалъ, который можетъ получить нѣкоторую цѣнность лишь послѣ соотвѣтствующей обработки. Но по мѣрѣ того, какъ растетъ недовѣріе къ послѣдовательности и сомнѣніе въ пригодности всякаго рода общихъ идей, не должно ли явиться у человѣка отвращеніе и къ той формѣ изложенія, которая наиболѣе приспособлена къ существующимъ предразсудкамъ? Говорю по опыту. Настоящей работѣ я менѣе всего предполагалъ придать ту форму, которую она сейчасъ приняла. Во мнѣ уже до извѣстной степени успѣла вкорениться привычка къ послѣдовательному и систематическому изложенію, и я

началъ писать, даже довелъ до половины работу, по тому же приблизительно плану, по которому составлялъ и свои предыдущія сочиненія. Но, чѣмъ дальше подвигалась работа, тѣмъ невыносимѣе и мучительнѣе становилось мнѣ продолжать ее. Нѣкоторое время я и самъ не могъ отдать себѣ отчета, въ чемъ тутъ собственно дѣло. Матеріалъ давно готовъ—осталась только чуть ли не внѣшняя скомпановка. Но то, что я принималъ за внѣшнюю обработку, оказалось гораздо болѣе существеннымъ и важнымъ дѣломъ, чѣмъ мнѣ казалось. Съ удивленіемъ и недоумѣніемъ я сталъ замѣчать, что, въ концѣ концовъ, „идеѣ“ и „послѣдовательности“ приносилось въ жертву то, что больше всего должно оберегать въ литературномъ творчествѣ—свободная мысль. Иногда незамѣтное, пустячное на видъ обстоятельство — напримѣръ мѣсто, отведенное той или другой мысли, или случайное сосѣдство уже придавали ей нежелательный оттѣнокъ отчетливости и опредѣленности, на которыя я не имѣлъ никакого права и которыхъ менѣе всего желалъ. А всѣ „потому что“, заключительные „итакъ“, даже простые „и“ и иные невинные союзы, посредствомъ которыхъ разрозненно добытыя сужденія связываются въ „стройную“ цѣпь размышленій—Боже, какими безпощадными тиранами оказались они! Я увидѣлъ, что такъ писать—для меня, по крайней мѣрѣ—невозможно. Вѣдь всѣ мои собственныя воспоминанія читателя говорили мнѣ, что самое обременительное и тягостное въ книгѣ, это общая идея. Ее нужно всячески вытравлять, если только не хочешь стать ея данникомъ и безсловеснымъ рабомъ, а межъ тѣмъ до тѣхъ поръ, пока сохраняется принятая форма

изложенія, идея не только будетъ главенствовать—но и подавлять собой все содержаніе книги. Ибо какимъ инымъ путемъ можетъ быть достигнуто единство и цѣльность въ сочиненіи? Я убѣдился, что другого исхода нѣтъ, что нужно вновь разобрать по камнямъ на половину уже выстроенное зданіе, и, рискуя возбудить противъ себя негодованіе читателей и въ особенности критики, которая, разумѣется, въ нарушеніи традиціонной формы не захочетъ увидѣть ничего, кромѣ странной причуды, представить работу въ видѣ ряда внѣшнимъ образомъ ничѣмъ не связанныхъ межъ собой мыслей... Нѣтъ идеи, нѣтъ идей, нѣтъ послѣдовательности, есть противорѣчія, но вѣдь этого именно я и добивался, какъ, можетъ быть, читатель уже и угадалъ изъ самаго заглавія. Безпочвенность, даже апоѳеозъ безпочвенности,—можетъ ли тутъ быть разговоръ о внѣшней законченности, когда вся моя задача состояла именно въ томъ, чтобъ разъ навсегда избавиться отъ всякаго рода началъ и концовъ, съ такимъ непонятнымъ упорствомъ навязываемыхъ намъ всевозможными основателями великихъ и не великихъ философскихъ системъ. Современный законодатель мысли устанавливаетъ незыблемый принципъ: умѣть кончать. Но, попробуйте допросить его: что даетъ ему право съ такой увѣренностью провозглашать свой законъ—и вы увидите, что у него, въ сущности, ничего кромѣ „доказательствъ по аналогіи“ нѣтъ за душой. Домъ безъ крыши никуда не годится,—ergo размышленія безъ начала и конца должны быть отвергнуты. Но, вѣдь домъ и безъ печей не удовлетворяетъ своему назначенію—неужели же изъ-за этого писателямъ

обзаводиться дымовыми трубами и заслонками? Да и вообще вѣдь доказательства по аналогіи самыя бѣдныя и неубѣдительныя доказательства, собственно говоря, даже совсѣмъ и не доказательства. А межъ тѣмъ, сколько я ни напрягаю память, я не могу припомнить въ пользу законченности больше ни одного серьезнаго довода. Домомъ съ крышей исчерпывается все. Вѣдь нельзя же въ данномъ случаѣ ссылаться на стремленія нашего разума!? Къ чему только не стремился уже нашъ бѣдный разумъ и чего только уже не оправдывали его стремленіями! Когда-то по крайней мѣрѣ на него возлагали большія надежды—и тогда было естественно потакать его потребностямъ, даже дурнымъ привычкамъ, вкусамъ и капризамъ. Но теперь, когда всѣ такъ ясно сознали его безсиліе, когда даже метафизики взялись за естественныя науки и ни на минуту не спускаютъ глазъ съ теоріи познанія—неужели и теперь имѣетъ смыслъ считаться съ потребностями разума?! Не наоборотъ ли? Не является ли главной задачей нашего времени научиться искусству обходить (а то и разрушать) всѣ тѣ многочисленныя заставы, которыя, подъ разными предлогами, выстраивались въ старину могущественными феодалами духа и лишь въ силу вѣчнаго консерватизма трусливой и близорукой человѣческой природы и донынѣ продолжаютъ еще считаться непреодолимыми, даже „естественными“ преградами для движенія нашей мысли? Зачѣмъ кончать? Зачѣмъ послѣднее слово? Зачѣмъ міровоззрѣніе?... Разумѣется, я говорю о философіи и о философахъ, о людяхъ, стремящихся какъ можно болѣе увидѣть, узнать, испытать

въ жизни. Для обыкновенной житейской практики законченность попрежнему останется неизмѣннымъ догматомъ. Домъ безъ крыши, точно, никуда не годится... Но незаконченныя, безпорядочныя, хаотическія, не ведущія къ заранѣе поставленной разумомъ цѣли, противорѣчивыя, какъ сама жизнь, размышленія—развѣ они не ближе нашей душѣ, нежели системы, хотя бы и великія системы, творцы которыхъ не столько заботились о томъ, чтобъ узнать дѣйствительность, сколько о томъ, чтобъ „понять ее“? „Если моя теорія не согласуется съ фактами,—то тѣмъ хуже для фактовъ“, сказалъ Гегель. Мнѣ кажется, что вслѣдъ за нимъ и многіе другіе могли бы повторить эти „гордыя“ слова—но не всѣ успѣваютъ при жизни добиться гегелевской славы, при которой только и разрѣшается роскошь такой самоувѣренной откровенности. Философы естественно цѣнятъ свои системы очень высоко: нелегко онѣ имъ даются, на нихъ ухлопывается цѣлая жизнь. Да и спросъ на міровоззрѣнія великъ. Человѣкъ, дѣйствительно, хочетъ „понять“ міръ—и иногда такъ сильно хочетъ, что желаніе заглушаетъ въ немъ всякую способность критически относиться къ представляемымъ доводамъ, и онъ съ восторгомъ привѣтствуетъ даже слабую аргументацію. Теперь никто не скажетъ: credo, quia absurdum—но это не значитъ еще, что мы вполнѣ эмансипировались отъ средневѣковаго суевѣрія, что у насъ нѣтъ своего credo и своего absurdum, только разумѣется приспособленныхъ къ духу раціоналистически настроеннаго вѣка желѣзныхъ дорогъ и электричества. Впрочемъ, не нужно даже обманывать себя иллюзіей новизны. Если порыться въ памяти, то для нашего

символа вѣры мы можемъ найти готовую формулу въ пережиткахъ далекой старины. Какъ ни дисциплинируйте человѣческій умъ, онъ все же ухитрится подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ забраться подъ какую-нибудь „сѣнь“, чтобъ на досугѣ вволю предаться своимъ порочнымъ наклонностямъ, главнымъ образомъ, dolce far niente. На что, кажется, безпощадно поступаетъ современная методологія! „Вѣрѣ“ строжайше воспрещено на выстрѣлъ приближаться къ областямъ, гдѣ царитъ строгое научное изслѣдованіе. Были приняты самые разнообразные способы предупрежденія, дабы коварная обольстительница какъ-нибудь тайкомъ не нашла себѣ пріюта не только въ умѣ, но и въ „сердцѣ“ человѣка. „Вѣра не научна“—теперь это знаетъ даже ребенокъ, и съ школьнаго возраста насъ пріучаютъ оберегаться отъ сближенія съ особой, навсегда скомпрометировавшей себя такими изобрѣтеніями, какъ астрологія, алхимія и т. д. И, если вы ознакомитесь съ современными ученіями о методахъ, вы уйдете отъ нихъ совершенно успокоеннымъ: сквозь частую сѣть настроенныхъ ими охранныхъ постовъ, повидимому, никакая вѣра не проберется въ душу современнаго человѣка, будь она даже незамѣтнѣе булавочной головки. Въ положительности современнаго знанія никто не сомнѣвается, даже самые подозрительные и искушенные люди. Когда Толстой или Достоевскій начинали воевать съ наукой, они всѣми силами старались перенести споръ на моральную почву. Наука права, права, объ этомъ разговору быть не можетъ, но она служитъ богатымъ, а не бѣднымъ, она развиваетъ въ людяхъ дурныя страсти. Даже Нитше

не всегда имѣлъ достаточно смѣлости предъ лицомъ современной науки, и его смущала занятая ею неприступная позиція.

Но, къ счастью, все, что есть дѣло человѣческихъ рукъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается несовершеннымъ. Столѣтія прогрессивной научной работы дали блестящіе практическіе результаты, но въ области теоретической мысли новое время почти ничего не сдѣлало, хотя мы и насчитываемъ длинный рядъ громкихъ именъ, начиная съ Декарта и кончая Гегелемъ. Наука покорила человѣческую душу не тѣмъ, что разрѣшила всѣ ея сомнѣнія, и даже не тѣмъ, что она, какъ это думаетъ большинство образованныхъ людей, доказала невозможность удовлетворительнаго ихъ разрѣшенія. Она соблазнила людей не своимъ всевѣдѣніемъ, а житейскими благами, за которыми такъ долго бѣдствовавшее человѣчество погналось съ той стремительностью, съ какой измученный продолжительнымъ постомъ нищій набрасывается на предложенный ему кусокъ хлѣба. Вѣнцомъ положительныхъ наукъ считается соціологія, обѣщающая выработку такихъ условій общежитія, при которыхъ нужда, горе и страданія навсегда исчезнутъ съ земли. Это ли не соблазнъ? И развѣ ради такихъ заманчивыхъ перспективъ не стоитъ отказаться отъ призрачныхъ надеждъ, которыми въ прежнія времена жило человѣчество? И на смѣну стараго credo, quia absurdum явилось новое, вѣрнѣе обновленное и неузнанное credo, ut intelligam. Нужно только понять окружающій міръ—и величайшій идеалъ, когда либо рисовавшійся человѣческой фантазіи, будетъ осуществленъ. На радостяхъ никто и не

замѣтилъ, что бѣдный человѣческій разумъ, руководимый на этотъ разъ самой наукой, этой воплощенной осторожностью и недовѣрчивостью, снова попалъ впросакъ, и что вѣра въ „пониманіе“ не имѣетъ рѣшительно никакихъ преимуществъ, сравнительно съ другими, раньше властвовавшими надъ людьми вѣрами. Да къ тому же еще идеалъ, слово, предъ которымъ человѣчество чуть ли не съ колыбели своей привыкло гнуть колѣни. Гдѣ ужъ тутъ повѣрять, подозрѣвать, допрашивать! Нѣтъ ни одного философски образованнаго человѣка, которому не было бы памятно схоластическое credo, ut intelligam—но всѣ убѣждены, что къ намъ оно никакого отношенія не имѣетъ, и что мы далеки отъ того младенческаго состоянія, при которомъ вѣра опредѣляетъ характеръ и направленіе умственныхъ интересовъ. Мы до того убѣждены, что научное воспитаніе предохранило насъ навсегда отъ возможности несообразныхъ увлеченій, что въ послѣднее время даже вновь разрѣшили открыто приблизиться къ себѣ бѣдной изгнанницѣ. „Это нашимъ предкамъ опасно было знаться съ вѣрой. Невышколенные и некультурные люди они не умѣли пользоваться огнемъ и всегда становились его жертвой. Мы же спокойно будемъ наслаждаться тепломъ и свѣтомъ, ибо знаемъ всѣ свойства опасной стихіи и не боимся ихъ разрушительнаго дѣйствія“. Такія и имъ подобныя разсужденія усыпили подозрительность человѣческой мысли и привели къ неслыханному дотолѣ торжеству науки. Кому придетъ теперь охота повторить старый вопросъ: въ чемъ истина? Кто не знаетъ, что этотъ вопросъ не имѣетъ никакого смысла съ научной точки зрѣнія,

ибо какой бы ни получился на него отвѣтъ, это нисколько не повліяетъ на ходъ и характеръ научныхъ изысканій? Наука впередъ знаетъ, чего она хочетъ и свои стремленія формулируетъ въ видѣ положеній, которыя она называетъ аксіомами или не требующими доказательствъ предпосылками.

II.

Въ послѣднее время, когда вѣчные теоретическіе споры особенно обострили вопросъ о происхожденіи аксіомъ, въ философской литературѣ наблюдается чрезвычайно важное, на мой взглядъ даже знаменательное явленіе. Въ Германіи цѣлый рядъ ученыхъ философовъ выступаютъ съ попыткой такъ называемой нормативной теоріи закона причинности. Существенно новаго въ этомъ нѣтъ. Нормативная теорія есть только своеобразная форма кантіантства. Но здѣсь важно, что современные ученые считаютъ необходимымъ особенно рѣзко подчеркнуть тѣ стороны кантовскаго ученія, которыя самъ знаменитый основатель трансцендентальнаго идеализма не находилъ нужнымъ выдвигать на первый планъ. Связь науки съ этикой у Канта ясна для всякаго и помимо изслѣдованій его новѣйшихъ учениковъ. Но у него, хоть онъ и признавалъ приматъ практическаго разума, закономѣрность явленій природы никогда не изображалась находящейся въ прямой зависимости отъ нашихъ этическихъ требованій. У него „законъ“ деспотически царилъ и надъ явленіями внѣшняго міра и надъ человѣческой душой. Но этимъ вся связь исчерпывается. Природа и человѣкъ повинуются— Канту этого было вполнѣ достаточно. Современные

же мыслители—захотѣли ли они большаго, или почувствовали, что сохранить позицію Канта въ неприкосновенномъ видѣ уже невозможно—пошли дальше. Они не признаютъ независимаго закона для теоретическаго разума—они его ставятъ подъ начало и контроль практическаго разума и дѣлаютъ попытки этическаго обоснованія самостоятельной у Канта категоріи причинности. Вмѣстѣ съ Кантомъ, они утверждаютъ, что закономѣрность не свойственна явленіямъ внѣшняго міра, что ее туда привноситъ съ собой человѣческій разумъ, но привноситъ не потому, что, по неисповѣдимымъ судьбамъ онъ принужденъ волей - неволей выступать въ этой, быть можетъ, и очень низменной и двусмысленной полицейско-административной роли, а потому что эта роль есть высшая, самой моралью оправданная и освященная роль. А разъ мораль появилась на сцену—шапки долой, дальнѣйшихъ разговоровъ не полагается.

Теперь, быть можетъ, читатель пойметъ, какой смыслъ и какое великое значеніе имѣлъ походъ Нитше противъ морали. Нѣмецкіе философы, создавшіе этическое обоснованіе закона причинности, шли своимъ путемъ и, вѣроятно, даже не подозрѣвали о существованіи Нитше. Въ свою очередь Нитше, еще въ 70-хъ годахъ оторвавшійся отъ университетской жизни, да и вообще мало интересовавшійся современными философскими ученіями, вѣроятно, и не слышалъ ничего о новѣйшихъ теченіяхъ въ нѣмецкой философіи и менѣе всего могъ думать, что занимается однимъ дѣломъ съ оффиціальными представителями этой науки. Правда, онъ занимался по своему. Въ то время, когда

въ Германіи напрягались всѣ силы, чтобъ поддержать падающій престижъ закономѣрности и бросали на карту послѣднюю и самую драгоцѣнную ставку, мораль— больше уже нечѣмъ было разсчитываться,—Нитше высказалъ неожиданное сужденіе, что расплата производится фальшивой монетой, что мораль сама требуетъ оправданія и, стало быть, не можетъ отвѣчать за науку. Этой мысли Нитше съ желательной полнотой и отчетливостью нигдѣ не формулировалъ. Я не увѣренъ даже, что онъ ясно сознавалъ ее. Повидимому, онъ скорѣй инстинктомъ чуялъ, что съ наукой до тѣхъ поръ невозможно бороться, пока не будетъ свалена ея вѣчная и могучая союзница, мораль. Инстинктъ, какъ мы видѣли, не обманулъ его. Теперь наиболѣе осторожные люди убѣждаются, что основныя предпосылки, аксіомы научнаго знанія держатся только моралью. Такое признаніе было съ ихъ стороны преждевременнымъ? Они не могли думать, что ихъ тысячелѣтняя мораль потеряетъ когда-либо свое обаяніе? Весьма возможно— но слово сказано и врядъ ли когда-нибудь забудется. Толстой, Достоевскій и др. пытались возстановить противъ науки мораль — но ихъ усилія въ этомъ направленіи оказались безплодными. Нравственность и наука родныя сестры, родившіяся отъ одного общаго отца, именуемаго закономъ или нормою. Временами онѣ могутъ враждовать межъ собой и даже ненавидѣть одна другую, какъ это часто бываетъ между родными, но рано или поздно кровь скажется, и онѣ примирятся непремѣнно. Нѣмцы это знаютъ хорошо. У нихъ вездѣ—въ школѣ, въ арміи, въ морали, въ полиціи, въ философіи одинъ высшій принципъ: поря-

докъ прежде всего. И, спору нѣтъ, принципъ полезный: стоитъ только вспомнить, какія блестящія побѣды на всевозможныхъ поприщахъ одержали наши дисциплинированные сосѣди за самое короткое время. Еще недавно они стояли въ хвостѣ европейской культуры, теперь они заявляютъ, и совершенно основательно, притязанія на гегемонію. И если бы наука и мораль ставили себѣ только утилитарныя задачи, нужно было бы признать, что онѣ своего достигли. Но онѣ, какъ извѣстно, добиваются большаго. Онѣ хотятъ себѣ суверенныхъ, верховныхъ правъ надъ человѣческой душой, и тутъ снова является старый вопросъ, котораго, несмотря на всѣ теоріи познанія, человѣчество никогда не забывало и никогда не забудетъ. Снова спрашиваютъ: въ чемъ истина? Наука безмолвствуетъ. Мораль, по привычкѣ, оглушительно выкрикиваетъ старыя, потерявшія смыслъ слова. Но имъ уже мало кто вѣритъ.

III.

Мораль научна—наука моральна. Ясно, что теорія познанія проглядѣла нѣчто чрезвычайно существенное. Предпосылка критической философіи: разумъ, въ изслѣдованіи способности котораго она полагаетъ свою главную задачу, есть нѣчто неизмѣнное, всегда себѣ равное, — совершенно произвольна и ни на чемъ не основана. Вся увѣренность Канта держалась только на его готовности объединить математику съ естествознаніемъ подъ однимъ общимъ именемъ науки. Но, откуда такая готовность? Для человѣка безпристрастнаго, для человѣка принужденнаго быть безпристрастнымъ—ибо кто добровольно захочетъ отказаться отъ

своихъ страстей и желаній?—тутъ только открывается во всей своей несомнѣнности одно чрезвычайно важное обстоятельство. Всякій философъ-изслѣдователь рано или поздно сбрасываетъ съ себя намозолившую ему спину вязанку чистыхъ идей и дѣлаетъ привалъ, чтобы зачерпнуть живой воды изъ эмпирическаго источника, — хотя бы онъ и далъ вначалѣ самое торжественное обѣщаніе не прикасаться къ эмпиризму. Канту нужно было остановиться, Канту больше всего въ жизни нуженъ былъ отдыхъ и конецъ—послѣ того труднаго перехода, на который вынудилъ его своимъ скептицизмомъ Юмъ. Но прямо признаться въ своей человѣческой слабости и сказать, какъ говоритъ всякій истомившійся путникъ: „я усталъ и хочу отдохнуть, хотя бы на заблужденіи, хотя бы на воображаемой вѣрѣ въ достигнутую цѣль“—съ тѣхъ поръ какъ существуетъ философія, развѣ кто-либо изъ основателей великихъ системъ разрѣшалъ себѣ такую откровенность? Но и то сказать: кто хочетъ пріобрѣсть славу Александра Македонскаго и покорить міръ, не распутываетъ, а разрубаетъ гордіевы узлы. Когда человѣкъ теряетъ способность и силы двигаться впередъ, онъ начинаетъ утверждать, что дошелъ до конца, что дальше итти некуда и не нужно, что пора остановиться и начать строить міровоззрѣніе. Здѣсь, быть можетъ, и кроется разгадка того, что каждое новое поколѣніе выдумываетъ свои истины, ни мало не похожія на истины предыдущихъ поколѣній и даже не имѣющія съ ними никакой преемственной связи—хотя историки изъ силъ выбиваются, чтобы доказать противное. Какая можетъ быть связь и взаимное пониманіе между

бодрымъ юношей, вступающимъ въ жизнь и усталымъ старикомъ, подводящимъ итоги своему прошлому? Да и усталость усталости рознь. Иной разъ сонъ бѣжитъ отъ измученнаго непосильнымъ трудомъ и долгимъ бдѣніемъ человѣка и, наоборотъ, какъ часто это капризное божество даритъ своими благами лѣниваго и досужаго бездѣльника. Вотъ тутъ-то и поди съ разсужденіями о благотворности отдыха и необходимости концовъ! Какія бы строгія доказательства вы ни приводили, съ какою бы увѣренностью вы ни становились въ позу Александра Македонскаго, въ извѣстныхъ случаяхъ вся ваша аргументація и весь паѳосъ декламаціи будутъ потрачены даромъ. По волѣ судьбы этому человѣку не до отдыха, не до сна. Прославлять сонъ и покой, говорить о нравственной обязательности сна и покоя предъ человѣкомъ, для котораго непрерывная безсонница и вѣчная внутренняя тревога стали почти второй природой—развѣ можетъ быть болѣе безцѣльный и плоскій видъ издѣвательства? Всякіе концы и послѣднія слова, даже прославленныя метафизическія утѣшенія покажутся ему праздной и раздражающей болтовней. Если бы спросили его: „куда ты идешь, на что ты надѣешься?“— онъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы вамъ словами поэта:

Je vais sans savoir où, j'attends sans savoir quoi.

Неужели вы думаете, что этотъ человѣкъ захочетъ вмѣстѣ съ Кантомъ и кантіанцами возвести въ перлъ созданія норму, законъ, порядокъ, или, чтобъ понять міръ, онъ допуститъ какую-нибудь предпосылку, предлагаемую ему этикой? Да онъ вовсе и не ищетъ „пониманія“. Понять—это значитъ свести неизвѣстное къ

извѣстному, но вѣдь все извѣстное онъ видѣлъ, испыталъ, допросилъ и отъ извѣстнаго онъ бѣжалъ безъ оглядки. Если у него можетъ быть какая-нибудь надежда—то только въ предположеніи, что неизвѣстное ничего общаго съ извѣстнымъ имѣть не можетъ, что даже извѣстное не такъ ужъ извѣстно, какъ это принято думать, и что, слѣдовательно, всѣ предпосылки и безчисленныя вѣры, которыми утѣшались отдѣльныя лица и цѣлые народы, были только обманчивыми иллюзіями, быть можетъ, и не лишенными красоты, но недолговѣчными и далекими отъ дѣйствительности. Въ его терминологіи слово „понять", а вмѣстѣ съ нимъ и слово „конецъ", вѣроятно, совсѣмъ отсутствуетъ. Развѣ нужно понять міръ, развѣ нужно ограничивать наше познаніе міра тѣмъ, что мы уже испытали и узнали раньше? У него одно желаніе—итти впередъ. Куда онъ придетъ, гдѣ найдетъ пріютъ? Эти вопросы потеряли для него смыслъ. Онъ все больше и больше убѣждается, что слова покой, пріютъ и другія, имъ равнозначущія, далеко не имѣютъ той цѣнности, по какой они котируются въ философіи. Какое право имѣютъ люди—въ виду того, что происходитъ на ихъ глазахъ, утверждать, что послѣдней цѣлью нашего существованія являются успокоенность и самоудовлетворенность? И что человѣческій языкъ и тотъ человѣческій опытъ, для котораго мы нашли уже соотвѣтствующія слова, достаточенъ для выясненія всѣхъ тайнъ жизни?..

Все это можетъ показаться не относящимся къ дѣлу. Мнѣ замѣтятъ, что когда возбуждаются философскіе вопросы, всякія лирическія отступленія несвое-

временны, что ихъ нужно отвести въ область поэзіи, что когда рѣчь идетъ о законѣ причинности, то даже самъ Шекспиръ долженъ умолкнуть и только слушать, что ему говорятъ свѣдущіе люди. Это было бы справедливо, если бы философы имѣли въ своемъ распоряженіи самостоятельные и независимые пріемы изслѣдованія, если бы философы состояли изъ однихъ идей, а не изъ нервовъ и мускуловъ... Вошедшая въ поговорку невозмутимость духа большинства представителей науки породила не только въ публикѣ, но и среди посвященныхъ убѣжденіе, что рѣшающимъ моментомъ въ сужденіи философа всегда являются сухіе, объективные доводы. Да и темы его на видъ таковы, что никакая „душа“ не заинтересуется ими, хоть обѣщайте ей въ награду личное безсмертіе и магометанскій рай со всѣми его конкретными прелестями... Но, какъ я уже говорилъ, это чистѣйшее заблужденіе. Философъ знаетъ усталость, которая какой угодно конецъ предпочитаетъ слишкомъ продолжительному скитанію. Философъ больше чѣмъ кто-нибудь другой боится неясности и неопредѣленности и за одно отчетливое заблужденіе отдастъ вамъ цѣлый десятокъ трансцендентныхъ, но шатающихся истинъ. А какъ боится онъ колеблющейся, невѣрной почвы! Помните вы страстныя мечтанія Гейне на кораблѣ, во время качки, о родной Германіи?

...Immerhin, mag Thorheit und Unrecht
Dich ganz bedecken, o Deutschland!
Ich sehne mich dennoch nach dir:
Denn wenigstens bist du doch festes Land.

Не приходили ли тѣ же мысли Канту, когда онъ читалъ разсужденія Юма, колебавшія основные принципы науки? Философъ—человѣкъ, и ничто человѣческое ему не чуждо. Онъ любитъ большія, хорошо утоптанныя дороги, на которыхъ легко и свободно движется теоретическая мысль, гдѣ нѣтъ ни деревца, ни травки даже, гдѣ царитъ прямая линія. Лучше всего онъ чувствуетъ себя на широкомъ, выравненномъ плацу. Здѣсь, подъ ударъ барабана, можно смѣло пройтись торжественнымъ церемоніальнымъ маршемъ, не глядя впередъ, не озираясь назадъ, съ одной заботой не сбиться съ такта и давать какъ можно больше „ноги". Философъ цѣнитъ только логическое мышленіе, т. е. безпечное движеніе по разъ принятому направленію, ибо такимъ образомъ сила инерціи не растрачивается на вѣчныя оглядки, исканія путей, на борьбу съ „свободой воли" и ея постоянными спутниками, сомнѣніями. Правда, обыкновенно философъ охотнѣе говоритъ о пареніи, чѣмъ о маршировкѣ, и никогда не выставляетъ на видъ, что логика, главный источникъ его силъ, только по забывчивости до сихъ поръ еще не сведена на очную ставку съ закономъ инерціи, однимъ изъ выраженій котораго она есть, была и будетъ. Но, давно извѣстно, что всѣ люди питаютъ слабость къ высокимъ словамъ...

Я далеко не исчерпалъ всѣхъ привычекъ и вкусовъ ученаго человѣка, но, полагаю, сказаннаго достаточно. Очевидно, онъ клевещетъ на себя, утверждая, что у него нѣтъ „души" и страстей, что онъ весь воплощенное стремленіе къ отвлеченной истинѣ, что его „убѣжденія" не коренятся въ его психологіи, и что

Шекспиръ не долженъ быть привлеченъ къ обсужденію вопроса о законѣ причинности. Философъ боится, радуется, любитъ, ненавидитъ, устаетъ, потягивается, дремлетъ, даже спитъ—совсѣмъ, какъ обыкновенные смертные, хотя имѣетъ привычку употреблять слова и термины, непонятные и какъ будто бы даже чуждые непосвященнымъ, даже для обозначенія самыхъ повседневныхъ, чуть ли не физіологическихъ своихъ отправленій. Основныя предпосылки философіи, ея аксіомы, стало быть, отнюдь не должны быть принимаемы за объективныя утвержденія. Спокойствіе, ровность, холодность, равнодушіе—тоже человѣческія черты, которыя, можетъ быть, и способствуютъ приближенію къ истинѣ, а, можетъ быть, порождаютъ неповоротливость и тяжеловѣсность, навсегда прикрѣпляющія человѣка къ привычному мѣсту и заранѣе осуждающія его на прочныя и почтенныя, но близорукія и ошибочныя сужденія. Настоящій изслѣдователь жизни не въ правѣ быть осѣдлымъ человѣкомъ и вѣрить въ опредѣленные пріемы исканія. Онъ долженъ быть готовъ ко всему: умѣть во-время заподозрѣть логику и вмѣстѣ съ тѣмъ не бояться прибѣгнуть, когда нужно, хотя бы и къ заклинаніямъ, какъ дѣлали Достоевскій и Нитше. Онъ долженъ умѣть держаться прямо и глядѣть на небо, но онъ же долженъ, когда нужно, не побрезгать согнуться въ три погибели и искать истину на землѣ. Если человѣкъ вамъ скажетъ: scire est per causas scire, можете больше не сомнѣваться: онъ уже не существуетъ для философіи, и философія не существуетъ для него. Давно пора бросить старые предразсудки и открыто заявить: per causas scire est nes-

cire. И тутъ, пожалуй, Шекспиръ пригодится. Онъ разскажетъ вамъ, что есть неизвѣстное, которое никоимъ образомъ не можетъ и не должно быть сведено къ извѣстному. Что порядокъ, о которомъ мечтаютъ философы, существуетъ только въ классныхъ комнатахъ, что твердая почва рано или поздно уходитъ изъ-подъ ногъ человѣка, и, что, послѣ того, человѣкъ все-таки продолжаетъ жить безъ почвы или съ вѣчно колеблющейся подъ ногами почвой, и что тогда онъ перестаетъ считать аксіомы научнаго познанія истинами, не требующими доказательствъ, что онъ перестаетъ ихъ считать истинами и называетъ ложью. И что мораль, если только можно, не играя словами, назвать моральнымъ его отношеніе къ міру и людямъ, называетъ знаніе по причинамъ самымъ несовершеннымъ знаніемъ. Его девизъ: апоѳеозъ безпочвенности... Но „философъ“ давно уже не слушаетъ. Все лучше, чѣмъ безпочвенность. Много грязи, пошлости, гадости и глупости въ тебѣ, Германія, —

Wenigstens bist du doch festes Land.

Л. Ш.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Zu fragmentarisch ist Welt und Leben.

H. Heine.

1.

Дальнія улицы жизни не представляютъ тѣхъ удобствъ, которыми привыкли пользоваться обитатели городскихъ центровъ. Нѣтъ электрическаго и газоваго освѣщенія, даже керосиновыхъ фонарей, нѣтъ мостовыхъ—путнику приходится итти наугадъ и въ темнотѣ ощупывать дорогу. Если хочешь огня, нужно ждать молніи, либо самому добыть искру тѣмъ первобытнымъ способомъ, какой существовалъ у нашихъ отдаленныхъ предковъ: выбить ее изъ камня. При мгновенномъ свѣтѣ вдругъ изъ темноты выступятъ очертанія незнакомыхъ мѣстъ: что увидѣлъ въ одно мгновеніе—старайся удержать въ памяти, ошибочно или правильно было твое впечатлѣніе. Второй разъ не скоро удастся добыть свѣтъ—развѣ ушибешься лбомъ о стѣну и изъ глазъ искры посыпятся. Что можно при такомъ свѣтѣ увидѣть? И какъ можно требовать отчетливости и ясности въ сужденіяхъ отъ тѣхъ людей, которыхъ любознательность (будемъ думать, что любознательность достаточно въ насъ сильна) осудила странствовать по окраинамъ жизни? И какъ можно ихъ дѣло приравнивать къ дѣлу обитателей центровъ?

2.

Закономѣрность явленій природы считается чѣмъ-то столь понятнымъ, само собой разумѣющимся, что

находятъ возможнымъ искать ея корни не въ реальности дѣйствительной жизни, а въ характерѣ нашего разума. На самомъ дѣлѣ, закономѣрность явленій природы—самое загадочное изъ всего того, что намъ приходится наблюдать въ жизни. Откуда порядокъ? Почему порядокъ, а не хаосъ и безпорядочность? И, если бы гипотеза закономѣрности не приносила съ собой столько практическихъ выгодъ, люди никогда бы не соблазнились возводить ее въ санъ вѣчной и непререкаемой истины. Но, благодаря ей, оказалось возможнымъ предвидѣніе, savoir pour prévoir, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, господство надъ природой, и философы, всегда преклонявшіеся предъ успѣхомъ, стали наперерывъ заискивать у нея и первымъ дѣломъ предложили ей высшій титулъ, какимъ они располагали—титулъ вѣчной истины. Но и этого ей показалось мало: l'appétit vient en mangeant. Какъ старуха въ сказкѣ о золотой рыбкѣ, причинность захотѣла, чтобъ сама рыбка была у нея на посылкахъ... Этого уже кой-кто не стерпѣлъ—но только кой-кто...

3.

Осѣдлый человѣкъ говоритъ: „какъ можно жить безъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, какъ можно ночевать безъ крова!“ Но вотъ случай навсегда выгналъ его изъ дому—и онъ ночуетъ въ лѣсу. Не спится ему: онъ боится дикаго звѣря, боится своего же брата, бродяги. Но въ концѣ концовъ онъ все таки ввѣрится случаю, начнетъ жить бродягой и даже, можетъ быть, спать по ночамъ.

4.

Писатель, особенно молодой и неопытный писатель, воображаетъ, что онъ обязанъ дать своему читателю самые полные отвѣты на всевозможные вопросы. И такъ какъ добросовѣстность обыкновенно мѣшаетъ ему закрывать глаза и игнорировать наиболѣе мучительныя сомнѣнія, то онъ волей-неволей начинаетъ трактовать о „первыхъ и послѣднихъ вещахъ". И не умѣя сказать на эти темы ничего путнаго—не молодое это дѣло вмѣшиваться въ философскіе споры — онъ начинаетъ горячиться и кричать до хрипоты, до изнеможенія. Накричавшись до сыта, онъ устаетъ и умолкаетъ, и потомъ, если его слова имѣли успѣхъ у публики, самъ удивляется, какъ это ему удалось такъ легко сдѣлаться пророкомъ. Въ душѣ посредственнаго человѣка рождается при этомъ только желаніе до конца дней своихъ сохранить свое вліяніе на людей. Болѣе же чуткія и даровитыя натуры начинаютъ презирать и толпу, не умѣющую отличать крикуновъ отъ пророковъ, и самихъ себя за то, что хоть разъ въ жизни глупая и позорная роль паяца высокихъ идей могла соблазнить ихъ.

5.

Какъ тяжело читать разсказы Платона о предсмертныхъ бесѣдахъ Сократа! Его дни, часы уже сочтены, а онъ говоритъ, говоритъ, говоритъ... Критонъ приходитъ къ нему чуть свѣтъ и сообщаетъ, что священные корабли не сегодня-завтра вернутся въ Аѳины: Сократъ сейчасъ же готовъ разговаривать, доказывать...

Правда, можетъ быть, не совсѣмъ слѣдуетъ довѣрять Платону. Передаютъ, что Сократъ, по поводу записанныхъ Платономъ діалоговъ своихъ, замѣтилъ: „сколько этотъ юноша налгалъ на меня“. Но вѣдь всѣ источники согласно показываютъ, что мѣсяцъ послѣ своего осужденія Сократъ провелъ въ непрерывныхъ бесѣдахъ со своими учениками и друзьями. Вотъ что значитъ быть любимымъ и имѣть учениковъ! Даже умереть спокойно не дадутъ... Самая лучшая смерть это та, которая почитается самой худшей: когда никого нѣтъ при человѣкѣ—умереть далеко на чужбинѣ, въ больницѣ, что называется, какъ собака подъ заборомъ. По крайней мѣрѣ въ послѣднія минуты жизни можно не лицемѣрить, не учить, а помолчать: приготовиться къ страшному, а можетъ быть, и къ великому событію. Паскаль, какъ передаетъ его сестра, тоже много говорилъ передъ смертью, а Мюссе плакалъ, какъ ребенокъ. Можетъ быть, Сократъ и Паскаль оттого такъ много говорили, что боялись разрыдаться? Ложный стыдъ!

6.

Безполезность и ненужность какой-нибудь мысли, или даже цѣлаго ряда, системы мыслей, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ, чтобы отвергнуть ихъ. Разъ мысль явилась—открывай ворота. Ибо, если ты закроешь ей легальный входъ, она ворвется силой, или, какъ крыловская муха, проползетъ тайкомъ: мысль не считается съ законами чести и морали. Примѣръ: реализмъ въ литературѣ. При своемъ появленіи онъ вызвалъ всеобщее негодованіе. Зачѣмъ намъ знать

грязь жизни? И точно—не за чѣмъ; реализмъ не умѣлъ честно оправдать себя. Но, такъ какъ пройти ему все таки нужно было, то онъ, не задумываясь, солгалъ: сравнилъ себя съ патологіей, назвался полезнымъ—и добился господства въ литературѣ. Теперь уже всѣ видятъ, что реализмъ безполезенъ, даже вреденъ, очень вреденъ, и ничего общаго съ паталогіей не имѣетъ—но согнать его съ насиженнаго мѣста не такъ легко. Давность прошла, и есть justus titulus владѣнія.

7.

Графъ Толстой проповѣдуетъ недѣланіе... Но, кажется, тутъ онъ старается безъ всякой нужды. Мы въ достаточной мѣрѣ „не дѣлаемъ". Праздность и именно та праздность, о которой мечтаетъ гр. Толстой, вольная, сознательная, презирающая всякій трудъ праздность, есть характернѣйшая черта нашего времени.—разумѣется, я говорю о высшихъ, обезпеченныхъ классахъ общества, объ аристократіи духа, къ которой преимущественно и обращается со своимъ словомъ гр. Толстой. Мы „пишемъ книги, рисуемъ картины, сочиняемъ симфоніи"—но, развѣ это трудъ? Это только видимость труда, развлеченіе отъ праздности. Такъ что гр. Толстой гораздо правѣе, когда, забывая проповѣдь недѣланія, онъ начинаетъ требовать отъ насъ, чтобъ мы по крайней мѣрѣ часовъ 8 въ день ходили за плугомъ. Это требованіе имѣетъ смыслъ. Праздность портитъ насъ. Мы возвращаемся къ первобытнѣйшему состоянію нашихъ предковъ, Адама и Евы, и, не имѣя нужды въ потѣ лица заботиться о дневномъ пропитаніи, все норовимъ рвать плоды съ запретныхъ де-

ревьевъ. И, разумѣется, несемъ соотвѣтственное наказаніе. Божескіе законы неизмѣнны: въ раю разрѣшается все, кромѣ любознательности,—даже трудъ, хоть тамъ онъ не обязателенъ, такъ какъ предназначается собственно для изгнанниковъ изъ рая. Гр. Толстой это понялъ: о недѣланіи онъ заговорилъ только на минуту—и сталъ трудиться. Ибо въ правильномъ, постоянномъ, ровномъ, ритмическомъ трудѣ, производителенъ ли онъ, или только кажется производительнымъ, какъ у гр. Толстаго его хлѣбопашество, залогъ душевнаго мира. Примѣромъ тому могутъ служить нѣмцы, которые не только начинаютъ, но и кончаютъ день благословеніемъ. Въ раю же, гдѣ нѣтъ труда и, соотвѣтственно этому, нѣтъ потребности въ послѣтрудовомъ отдыхѣ и долгомъ снѣ, всѣ соблазны становятся заманчивыми. Тамъ опасно жить... Можетъ быть, современные праздные люди предугадываютъ райское состояніе? Тамъ, гдѣ не будетъ труда, не будетъ правильности, ровности, спокойствія, удовлетворенія. Тамъ нельзя будетъ предвидѣть даже знающему, тамъ savoir pour prévoir никому не будетъ нужно, тамъ наша наука будетъ предметомъ насмѣшекъ? Уже и теперь ей многіе, разумѣется изъ нетрудящихся, праздныхъ людей — удивляются. Но многіе, преимущественно нѣмцы, еще защищаютъ апріорныя сужденія на томъ основаніи, что безъ нихъ невозможна совершенная наука, правильная смѣна явленій и предвидѣніе...

8.

Для того, чтобы вырваться изъ власти современныхъ идей, рекомендуется знакомиться съ исторіей:

жизнь иныхъ народовъ, въ иныхъ странахъ и въ иныя времена, научаетъ насъ понимать, что считающіяся у насъ вѣчными идеи суть только наши заблужденія. Еще одинъ шагъ: нужно представить себѣ человѣчество живущимъ не на землѣ, и всѣ земныя вѣчныя идеи потеряютъ свое обаяніе.

9.

Мы не можемъ ничего знать о послѣднихъ вопросахъ нашего существованія и ничего о нихъ знать не будемъ: это—дѣло рѣшенное. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что каждый человѣкъ обязанъ принять, какъ modus vivendi, какое бы то ни было изъ существующихъ догматическихъ ученій или даже имѣющій такой скептическій видъ позитивизмъ. Отсюда только слѣдуетъ, что человѣкъ воленъ такъ же часто мѣнять свое „міровоззрѣніе", какъ ботинки или перчатки и, что прочность убѣжденія нужно сохранять лишь въ сношеніяхъ съ другими людьми, которымъ вѣдь необходимо знать, въ какихъ случаяхъ и въ какой мѣрѣ они могутъ на насъ разсчитывать. И потому „какъ принципъ", уваженіе къ порядку извнѣ и полнѣйшій внутренній хаосъ. Ну, а для тѣхъ, кому трудно выносить такую двойственность, можно учреждать порядокъ и внутри себя. Только не гордиться этимъ, а всегда помнить, что въ этомъ сказывается человѣческая слабость, ограниченность, тяжесть.

10.

Уже пиѳагорейцы предполагали, что солнце неподвижно и что земля движется. Какъ долго пришлось истинѣ ждать своего подтвержденія!

11.

Вопреки Эпикуру и его негодованію, мы въ концѣ концовъ принуждены сказать себѣ, что все, что угодно, можетъ произойти изъ всего, чего угодно. Это не значитъ, что и въ самомъ дѣлѣ камень когда-либо обращался въ хлѣбъ, или, что изъ туманныхъ пятенъ могъ „естественно“ возникнуть видимый міръ. Но мы въ своемъ умѣ и въ своемъ опытѣ не находимъ рѣшительно ничего, что бы давало намъ основаніе хоть сколько-нибудь ограничивать произволъ въ природѣ. Если бы дѣйствительность была иной, чѣмъ теперь, она бы оттого не стала намъ казаться менѣе естественной. Иными словами: можетъ быть, въ человѣческихъ сужденіяхъ о явленіяхъ есть элементы и необходимые и случайные, но, несмотря на всѣ попытки, мы до сихъ поръ не нашли и, повидимому, никогда не найдемъ способа отдѣлять первые отъ послѣднихъ. Сверхъ того, мы не знаемъ, какіе изъ нихъ болѣе существенны и важны. Отсюда выводъ: философія должна бросить попытки отысканія veritates aeternae. Ея задача научить человѣка жить въ неизвѣстности—того человѣка, который больше всего боится неизвѣстности и прячется отъ нея за разными догматами. Короче: задача философіи не успокаивать, а смущать людей.

12.

Когда человѣкъ замѣчаетъ въ себѣ какой-нибудь недостатокъ, отъ котораго онъ никакими способами не можетъ избавиться—ему ничего больше не остается,

какъ объявить этотъ недостатокъ качествомъ. И чѣмъ серьезнѣе и значительнѣе недостатокъ, тѣмъ настоятельнѣе сказывается потребность облагородить его. Отъ смѣшного до великаго тоже только одинъ шагъ, и неискоренимый порокъ у сильныхъ людей всегда переименовывается въ добродѣтель.

13.

Метафизика, въ сущности, мало чѣмъ отличается отъ позитивизма. И тутъ, и тамъ закрытые горизонты, только иначе разрисованные и раскрашенные. Позитивизмъ любитъ сѣрую безцвѣтную краску и простой, ординарный рисунокъ; метафизика предпочитаетъ свѣтлыя, блестящія краски, сложный узоръ и всегда разрисовываетъ свое полотно подъ безконечность, что, при знаніи законовъ перспективы, ей нерѣдко удается. Но полотно ея достаточно прочно, и черезъ него никакими ухищреніями не пробраться въ „иной міръ". Тѣмъ не менѣе художественныя перспективы сами по себѣ очень заманчивы, такъ что все таки у метафизиковъ есть изъ-за чего ссориться съ позитивистами.

14.

Задача писателя: итти впередъ и дѣлиться съ читателями своими новыми впечатлѣніями. Такъ что въ сущности, вопреки принятому мнѣнію, онъ совсѣмъ и не обязанъ доказывать что-либо. Но, въ виду того, что по пути къ нему пристаютъ всякаго рода полицейскіе агенты—въ родѣ морали, логики, науки и т. п., — нужно имѣть всегда наготовѣ извѣстнаго

рода аргументацію, чтобъ отвязаться отъ назойливыхъ охранителей. При чемъ о качествѣ аргументаціи можно и не слишкомъ заботиться. Вѣдь нѣтъ никакой надобности быть „внутренно правымъ“. Вполнѣ достаточно, если заготовленныя соображенія покажутся убѣдительными тѣмъ, которые поставлены охранять пути.

15.

Тайна „внутренней гармоніи“ Пушкина.—Для Пушкина не было ничего безнадежно дурного. Даже больше: все было для него пригоднымъ. Хорошо согрѣшить, хорошо и раскаяться. Хорошо сомнѣваться — еще лучше вѣрить. Весело „обувъ желѣзомъ ноги“ мчаться по льду, уйти побродить съ цыганами, помолиться въ храмѣ, поссориться съ другомъ, помириться съ врагомъ, упиться гармоніей, облиться слезами надъ вымысломъ, вспомнить о прошломъ, заглянуть въ будущее. Пушкинъ умѣлъ плакать, а кто умѣетъ плакать, тотъ умѣетъ и надѣяться. „Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать“ — говоритъ онъ, и кажется, что слово страдать, такъ украсившее стихотвореніе, появилось случайно, въ виду того, что не нашлось болѣе подходящей риѳмы къ слову „умирать“. Дальнѣйшіе стихи, предназначенные объяснить слова „мыслить и страдать“ служатъ тому доказательствомъ. Пушкинъ могъ бы повторить за древнимъ героемъ: „опасность опасна для другихъ, а не для меня“. Въ этомъ тайна его гармоническихъ настроеній.

16.

Нужно взрыть убитое и утоптанное поле современной мысли. Потому во всемъ, на каждомъ шагу,

при случаѣ и безъ всякаго случая, основательно и неосновательно слѣдуетъ осмѣивать наиболѣе принятыя сужденія и высказывать парадоксы. А тамъ — видно будетъ.

17.

Что такое міровоззрѣніе? — Какъ извѣстно, Тургеневъ былъ реалистомъ и съ первыхъ же своихъ произведеній стремился возможно правдиво изображать жизнь. Хотя у насъ не было настоящихъ теоретиковъ реализма, но, послѣ Пушкина, русскому писателю нельзя было слишкомъ далеко уноситься отъ жизни. Даже тѣмъ, кто рѣшительно не зналъ, что можно сдѣлать изъ „дѣйствительности", приходилось говорить о ней и только о ней. Для того же, чтобъ впечатлѣніе отъ нарисованныхъ картинъ не было слишкомъ тягостнымъ — писатель старался припасти заблаговременно міровоззрѣніе, которое въ литературѣ еще до сихъ поръ играетъ роль волшебнаго жезла: съ его помощью все, что угодно, можетъ обратиться во все, что угодно.

Большинство тургеневскихъ произведеній въ этомъ смыслѣ чрезвычайно любопытны. Но особенно интереснымъ представляется „дневникъ лишняго человѣка". Тургеневъ впервые ввелъ въ русскую литературу выраженіе „лишній человѣкъ". Потомъ о лишнихъ людяхъ говорили много, безконечно много, хотя и до настоящаго времени такъ же мало до чего договорились, какъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Лишніе люди есть — и сколько еще, а что съ ними дѣлать — неизвѣстно. Остается одно: изобрѣтать по поводу нихъ міровоз-

зрѣнія. Въ 1850 году Тургеневъ, тогда еще молодой человѣкъ, такъ именно и разрѣшилъ представившуюся ему задачу. Свой разсказъ онъ заканчиваетъ юмористической припиской отъ имени неизвѣстнаго читателя рукописи:

Сѣю рукопись читалъ
И содержаніе Онной не одобрилъ
Пѣтръ Зудотѣшинъ
М М М М
Милостивый Государь
Пѣтръ Зудотѣшинъ
Милостивый Государь Мой.

Очевидное дѣло, Тургеневъ держался того мнѣнія, что за каждой трагедіей долженъ слѣдовать водевиль и что въ этомъ сущность міровоззрѣнія. Не менѣе очевидно, что въ своемъ сужденіи Тургеневъ не стоитъ одиноко, а имѣетъ за собой всю европейскую философію, точнѣе всю европейскую цивилизацію. Тургеневъ былъ образованнѣйшимъ, культурнѣйшимъ изъ русскихъ писателей. Почти всю жизнь свою онъ провелъ за границей и впиталъ въ себя все, что могло дать западное просвѣщеніе. Онъ самъ это зналъ, хотя по свойственной ему преувеличенной скромности, иногда даже раздражающей своей демонстративностью, никогда объ этомъ прямо не говорилъ. Онъ глубоко вѣрилъ, что только знаніе, т. е. европейская наука, можетъ открыть человѣку глаза на жизнь и объяснить все, требующее объясненія. Съ этимъ критеріумомъ онъ подходитъ и къ гр. Толстому: „самый печальный примѣръ отсутствія истинной свободы,“ пишетъ уже почти

60-лѣтній Тургеневъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ, „отсутствія истинной свободы, проистекающаго отъ отсутствія истиннаго знанія, представляетъ намъ послѣднее произведеніе графа Л. Н. Толстого („Война и Миръ"), которое въ то же время по силѣ творческаго, поэтическаго дара, стоитъ едва ли не во главѣ всего, что появилось въ нашей литературѣ съ 1840 г. Нѣтъ! Безъ образованія, безъ свободы въ обширнѣйшемъ смыслѣ—въ отношеніи къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ, даже къ своему народу, къ своей исторіи, — немыслимъ истинный художникъ; безъ этого воздуха дышать нельзя". Послушать Тургенева — и въ самомъ дѣлѣ подумаешь, что онъ добылъ на Западѣ великую тайну, дававшую ему право бодро и спокойно держаться въ тѣхъ случаяхъ, когда другіе люди приходятъ въ отчаяніе и теряютъ голову... Черезъ годъ послѣ того, какъ были написаны литературныя воспоминанія, изъ которыхъ взяты мною вышеприведенныя строки о Толстомъ и образованіи, Тургеневу пришлось лично присутствовать при казни знаменитаго когда-то убійцы Тропмана. Свои впечатлѣнія онъ безподобно передаетъ въ большой статьѣ, называющейся „Казнь Тропмана". Статья производитъ потрясающее дѣйствіе — мнѣ кажется, я не преувеличу, если скажу, что это одна изъ лучшихъ, по крайней мѣрѣ, сильнѣйшихъ его вещей. Правда, гр. Толстому удалось съ не меньшей же силой описать сцены на бойнѣ, такъ что, можетъ быть читателю, имѣя это въ виду, не слѣдуетъ слишкомъ отдаваться во власть художнику. Но все таки, когда Тургеневъ разсказываетъ, что въ рѣшительный моментъ, когда

палачи, точно пауки на муху, набросились на Тропмана и повалили его, когда онъ разсказываетъ, что въ этотъ моментъ у него „земля тихо поплыла подъ ногами“— не вѣрить ему нельзя. Люди мало умѣютъ отзываться на происходящіе вокругъ нихъ ужасы, но бываютъ минуты, когда дикая, вопіющая несообразность и обидность нашего положенія вдругъ предстаетъ предъ нами съ неотразимой ясностью и заставляетъ насъ смотрѣть на себя. И тогда почва уходитъ изъ-подъ нашихъ ногъ. Но не надолго. Ужасъ отъ чувства безпочвенности быстро отрезвляетъ человѣка. Забыть все — только бы вернуться къ родной землѣ! Тургеневъ, 60-лѣтній старикъ, оказался въ этомъ смыслѣ столь же пугливымъ, какъ и въ молодые годы, когда писалъ свой „дневникъ лишняго человѣка“. Описаніе казни Тропмана онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „кому неизвѣстно, что вопросъ о смертной казни есть одинъ изъ очередныхъ, неотлагаемыхъ вопросовъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудится современное человѣчество? Я буду доволенъ... если разсказъ мой доставитъ хоть нѣсколько аргументовъ защитникамъ отмѣны смертной казни или, по крайней мѣрѣ, отмѣны ея публичности“. Снова гора родила мышь! Послѣ трагедіи дается водевиль, міровоззрѣніе вступаетъ въ свои права, и почва возвращается подъ ноги. Повторяю и подчеркиваю: Тургеневъ не является единственно отвѣтственнымъ лицомъ за свои сужденія. Его устами говоритъ вся европейская цивилизація. Она принципіально отвергетъ всякаго рода неразрѣшимые вопросы и выработала своимъ тысячелѣтнимъ опытомъ пріемы, посредствомъ которыхъ человѣкъ научается извлекать

пользу изъ всего, даже изъ крови своего ближняго. Словомъ „польза“ объясняются какіе угодно ужасы и даже преступленія. А Тургеневъ былъ, какъ извѣстно, мягкимъ, „гуманнымъ“ человѣкомъ и несомнѣннымъ идеалистомъ: въ молодости онъ даже прошелъ школу Гегеля. Отъ Гегеля узналъ, какое громадное значеніе имѣетъ образованіе и какъ необходимо образованному человѣку имѣть полное и законченное, непремѣнно законченное, „міровоззрѣніе“.

18.

Хвалить самого себя считается предосудительной нескромностью, хвалить свою партію, свою философію, свое міросозерцаніе—почитается чуть ли не высшимъ долгомъ. И даже лучшіе писатели по крайней мѣрѣ столько же заботились о прославленіи своего міросозерцанія, сколько объ его „обоснованіи“—при чемъ въ первомъ дѣлѣ всегда успѣвали больше, чѣмъ во второмъ. Доказаны или не доказаны ихъ идеи—онѣ самое нужное, что бываетъ въ жизни: въ горѣ онѣ утѣшительницы, въ трудномъ положеніи—умныя совѣтчицы. Съ ними и умирать не страшно—онѣ пойдутъ и за могилу съ человѣкомъ, въ качествѣ единственнаго на землѣ нетлѣннаго богатства. Все это философы говорили о своихъ идеяхъ—и очень краснорѣчиво говорили, не хуже, чѣмъ адвокаты о своихъ кліентахъ, ворахъ и мошенникахъ. А между тѣмъ о философахъ еще никто ни разу не сказалъ: нанятая совѣсть. Почему?

19.

Нѣкоторые дикари вѣрятъ, что ихъ цари не нуждаются въ пищѣ и никогда ничего не ѣдятъ и не пьютъ. На самомъ дѣлѣ, цари ѣдятъ и пьютъ, и даже любятъ поѣсть и попить больше, чѣмъ обыкновенные смертные, такъ что имъ не хочется даже ради приличія слишкомъ долго воздерживаться, и они не рѣдко прерываютъ затянувшіяся религіозныя церемоніи, чтобъ подкрѣпить свое бренное тѣло. Но, этого никто не долженъ видѣть, объ этомъ никто не долженъ знать, и потому царя, каждый разъ, когда ему захочется ѣсть, закрываютъ отъ глазъ народа пурпуровымъ покрываломъ. Метафизики напоминаютъ мнѣ этихъ дикихъ царей. Они хотятъ, чтобъ всѣ думали, что эмпиризмъ, т. е. вся дѣйствительность, для нихъ не существуетъ, что имъ нужны однѣ только чистыя идеи. И, чтобъ поддержать эту фикцію, они являются на-люди не иначе, какъ облаченные въ пурпуръ высокихъ словъ. Толпа отлично знаетъ, что ее обманываютъ, но такъ какъ ей нравятся пышныя зрѣлища и яркіе цвѣта, съ одной стороны, а, съ другой, у ней мало тщеславія и желанія прослыть проницательной, то она рѣдко показываетъ, что понимаетъ смыслъ комедіи. Наоборотъ, она охотно прикидывается одураченной, чуя инстинктомъ, что актеры тѣмъ старательнѣй исполняютъ свои роли, чѣмъ прочнѣй въ нихъ живетъ убѣжденіе, что ихъ игра принимается за серьезное и настоящее дѣло. Только неопытные юноши и дѣти, непонимающіе всего великаго значенія условности въ этомъ мірѣ, отъ времени до времени начинаютъ съ негодованіемъ стыдить

и обличать актеровъ—подобно ребенку въ извѣстной андерсеновской сказкѣ, такъ неожиданно и некстати разрушившему всеобщую добровольную иллюзію своимъ крикомъ „да король вѣдь голъ“. Вѣдь и безъ него всѣ знали, что король голъ, что метафизики не только не умѣютъ ничего объяснить, но до сихъ поръ не придумали ни одной, свободной отъ противорѣчія, гипотезы. Но говорить объ этомъ вслухъ не полагается. Нужно вѣрить, что цари дикарей ничего не ѣдятъ, что философы проникли въ тайны міра, что идеи цѣннѣй эмпирическихъ благъ и т. д., и т. д. Остается вопросъ: взрослыхъ можно склонить къ условной лжи, но какъ быть съ дѣтьми? Тутъ единственное средство—столь прославленная Гегелемъ пиѳагорейская система воспитанія. Дѣти до тѣхъ поръ должны молчать и не возвышать голоса, пока не поймутъ, что не обо всемъ можно говорить. У насъ такъ и практикуется. У насъ ученики молчатъ, долго молчатъ, не пять лѣтъ, какъ того требовали пиѳагорейцы, а десять и болѣе—до тѣхъ поръ, пока не научатся говорить, какъ ихъ учителя. Потомъ имъ предоставляется свобода, которой они не хотятъ, да и не умѣютъ уже воспользоваться. Можетъ быть, у нихъ и были, или по крайней мѣрѣ могли вырости крылья, но они всю жизнь свою, подражая учителямъ, ползали по землѣ—гдѣ ужъ имъ теперь мечтать о полетѣ! Культурнаго, много учившагося человѣка мысль о возможности оторваться хотя бы на мгновеніе отъ земли приводитъ въ ужасъ — какъ будто бы ему было заранѣе извѣстно, къ какимъ это приведетъ результатамъ.

20.

Лучшій и убѣдительнѣйшій способъ доказательства—начать свои разсужденія съ безобидныхъ, всѣми принятыхъ утвержденій. Когда подозрительность слушателя достаточно усыплена, когда въ немъ даже родилась увѣренность, что вы собираетесь подтвердить любимѣйшія его идеи—тогда наступилъ моментъ открыто высказаться, но непремѣнно какъ ни въ чемъ не бывало, спокойнымъ тономъ, тѣмъ же, которымъ говорились раньше трюизмы. О логической связи можно не заботиться. На человѣка обыкновенно гораздо болѣе дѣйствуетъ послѣдовательность въ интонаціи, чѣмъ послѣдовательность въ мысляхъ. Такъ что, если вамъ только удастся, не нарушивъ тона, вслѣдъ за рядомъ банальностей и общихъ мѣстъ, высказать заготовленное ранѣе подозрительное и не принятое мнѣніе, ваше дѣло сдѣлано. Читатель не только не забудетъ вашихъ словъ—онъ будетъ ими терзаться, мучаться, пока не согласится съ вами.

21.

Привычка къ логическому мышленію убиваетъ фантазію. Человѣкъ убѣждается, что есть только одинъ путь къ истинѣ черезъ логику, и свернуть съ него значитъ итти навѣрняка къ нелѣпости. Внѣ логики все—заблужденіе, которое становится тѣмъ болѣе роковымъ, чѣмъ ближе мы подходимъ къ послѣднимъ вопросамъ бытія. Здѣсь Аріаднинъ клубокъ логики уже давно весь размотался, но нить крѣпко держитъ человѣка, не пуская его впередъ. Онъ начинаетъ топ-

таться на одномъ мѣстѣ, ни мало не подозрѣвая, что попалъ въ такое глупое положеніе, благодаря принятымъ имъ излишнимъ мѣрамъ предосторожности. Онъ боялся заблудиться! Но тогда лучшій способъ — оставаться дома. Разъ вышелъ въ путь, хочешь быть Тезеемъ и убить Минотавра, нужно перестать слишкомъ дорожить безопасностью и быть готовымъ никогда не выйти изъ лабиринта. Правда, рискуешь потерять Аріадну,—оттого-то въ дальній путь слѣдуетъ собираться лишь послѣ того, когда семейныя радости успѣли уже опостылѣть. Тогда нарочно порвешь нить, которая привязываетъ тебя къ очагу, чтобъ имѣть предъ совѣстью законный предлогъ не возвращаться домой. Философія съ логикой не должна имѣть ничего общаго; философія есть искусство, стремящееся прорваться сквозь логическую цѣпь умозаключеній и выносящее человѣка въ безбрежное море фантазіи, фантастическаго, гдѣ все одинаково возможно и невозможно. Разумѣется, съ привычками къ домосѣдству трудно быть хорошимъ философомъ — и то обстоятельство, что судьбы философіи всегда находились въ рукахъ профессоровъ можетъ быть объяснено исключительно нежеланіемъ завистливыхъ боговъ дать смертнымъ всевѣдѣніе. Пока осѣдлые люди будутъ искать истины—яблоко съ дерева познанія не будетъ сорвано. За это дѣло должны взяться бездомные авантюристы, природные кочевники, для которыхъ ibi patria, ubi bene. Я думаю, что, если бы не семья и семейныя привычки, гр. Толстой, дожившій до такой глубокой старости, разсказалъ бы намъ много важнаго и интереснаго... А можетъ быть, если бы онъ не женился, онъ, какъ

Нитше, дошелъ бы до безумія. Направо поѣхать—женатому быть, налѣво—убитому быть. Средней дороги философъ никогда не избираетъ, богатство ему не нужно, онъ не знаетъ, что дѣлать ему съ деньгами. Но пойдетъ ли онъ направо или налѣво, въ обоихъ случаяхъ его не ждетъ добро.

22.

Поскребите русскаго, и вы найдете татарина. Культурность — наслѣдственный даръ, и сразу привить ее себѣ почти никогда не удается. Къ намъ, въ Россію, цивилизація явилась вдругъ, когда мы были еще дикарями, и сразу стала въ позиціи укротительницы, дѣйствуя сперва приманками, а потомъ, когда почувствовала свою власть, и угрозами. Мы поддались быстро и въ короткое время огромными дозами проглотили то, что европейцы принимали въ теченіе столѣтій, съ постепенностью, пріучающей ко всякаго рода ядамъ, даже самымъ сильнымъ. Благодаря этому, пересадка культуры въ Россіи оказалась совсѣмъ не невиннымъ дѣломъ. Стоило русскому человѣку хоть немного подышать воздухомъ Европы, и у него начинала кружиться голова. Онъ истолковывалъ по своему, какъ и полагалось дикарю, все, что ему приходилось видѣть и слышать объ успѣхахъ западной культуры. Ему говорили о желѣзныхъ дорогахъ, земледѣльческихъ машинахъ, школахъ, самоуправленіи, а въ его фантазіи рисовались чудеса: всеобщее счастье, безграничная свобода, рай, крылья и т. д. И чѣмъ несбыточнѣй были его грезы, тѣмъ охотнѣе онъ принималъ ихъ за дѣйствительность. Какъ разочаровался западникъ Герценъ въ

Европѣ, когда ему пришлось много лѣтъ подрядъ прожить за границей! И вѣдь онъ, несмотря на всю остроту своего ума, нисколько не подозрѣвалъ, что Европа менѣе всего повинна въ его разочарованіи. Европа давнымъ-давно забыла о чудесахъ: она дальше идеаловъ не шла; это у насъ въ Россіи до сихъ поръ продолжаютъ смѣшивать чудеса съ идеалами, какъ будто бы эти два, ничего общаго межъ собой не имѣющія понятія, были совершенно однозначущими. Вѣдь наоборотъ: именно оттого, что въ Европѣ перестали вѣрить въ чудеса и поняли, что вся человѣческая задача сводится къ устроенію на землѣ, тамъ начали изобрѣтать идеалы и идеи. А русскій человѣкъ вылѣзъ изъ своего медвѣжьяго угла и отправился въ Европу за живой и мертвой водой, ковромъ-самолетомъ, семимильными сапогами и т. п. вещами, полагая въ своей наивности, что желѣзныя дороги и электричество— это только начало, ясно доказывающее, что, старая няня никогда не говорила неправды въ своихъ сказкахъ... И какъ разъ это случилось въ то время, когда Европа навсегда покончила съ астрологіей и алхиміей и вышла на путь положительныхъ изысканій, приведшихъ къ химіи и астрономіи.

23.

Общее предположеніе всякой метафизики: діалектическимъ развитіемъ какого-нибудь понятія можно притти къ построенію цѣлой системы. На самомъ дѣлѣ уже первый выводъ бываетъ обыкновенно ложнымъ—о дальнѣйшихъ и говорить нечего. Но, такъ какъ ложь въ области отвлеченныхъ понятій чрезвы-

чайно трудно отличить отъ истины, то часто метафизическія системы имѣютъ очень убѣдительный видъ. Ихъ главный недостатокъ вскрывается только случайно: когда у человѣка притупляется вкусъ къ діалектической игрѣ ума—онъ, какъ Тургеневъ, подъ конецъ жизни, внезапно убѣждается въ ненужности философскихъ построеній. Разсказываютъ, что какой-то математикъ, прослушавши музыкальную симфонію, спросилъ: „что она доказываетъ?“ Разумѣется, ничего не доказываетъ, кромѣ того, что у математика не было вкуса къ музыкѣ. Тому, у кого нѣтъ вкуса къ діалектикѣ, метафизика тоже не можетъ ничего доказать. Поэтому, людямъ, заинтересованнымъ въ успѣхахъ метафизики, нужно всегда поддерживать въ обществѣ убѣжденіе, что вкусъ къ діалектикѣ дѣлаетъ честь человѣку, свидѣтельствуя о возвышенности его души.

24.

Человѣкъ привыкъ имѣть убѣжденія, это — фактъ. Всѣ мы не можемъ обойтись безъ приживальщиковъ, хотя въ глубинѣ души и презираемъ ихъ.

25.

Сократъ и Платонъ стремились подъ вѣчно измѣняющейся видимостью найти постоянную, неизмѣнную сущность. Въ платоновскихъ „идеяхъ“ и воплотилось это стремленіе. Видимая, никогда себѣ не равняющаяся, принимающая милліоны разнообразныхъ формъ дѣйствительность—не есть истинная реальность. То, что реально, должно быть постоянно. Оттого-то идеи предметовъ реальны, сами же предметы фиктивны.

Такимъ образомъ, корнемъ платоновскаго міровоззрѣнія является основной недостатокъ человѣческаго мышленія — недостатокъ, признанный за высшее достоинство. Философу трудно услѣдить за волнующеюся, капризной жизнью, и онъ рѣшаетъ, что это не жизнь, а фикція. Діалектика властна только надъ общими понятіями — и общія понятія возведены въ идеалъ. Со временъ Платона и Сократа наибольшій успѣхъ имѣли именно тѣ философы, которые учили людей отдавать преимущество неизмѣнному, всегда себѣ равному предъ измѣнчивымъ и постояннымъ. Обыкновенные люди, живущіе безсознательно, т. е. никогда не подводящіе итоговъ своимъ душевнымъ расходамъ и приходамъ, всегда смотрѣли на философовъ, какъ на своихъ добровольныхъ бухгалтеровъ. Еще аѳинское юношество съ любовнымъ интересомъ слѣдило за тѣмъ, какъ искусно Сократъ доискивался посредствомъ своей діалектики затерянныхъ всѣми „послѣднихъ основаній" человѣческихъ поступковъ. Въ бухгалтеріи, какъ извѣстно ни одна копейка не должна исчезать безслѣдно, и Сократъ оправдывалъ возлагавшіяся на него надежды. Равенство между активомъ и пассивомъ человѣка получалось у него идеальное. Можетъ быть, въ этомъ и секретъ того страннаго обстоятельства, что столь безпорядочныя и неуравновѣшенныя натуры, какъ Алкивіадъ, всей душой привязывались къ Сократу. Алкивіадъ давно потерялъ счетъ своему состоянію, и оттого отъ времени до времени ему приходилось обращаться къ Сократу, который своими рѣчами и разсужденіями вносилъ въ душевный хаосъ своего молодого друга порядокъ и гармонію: Алки-

віадъ отдыхалъ съ Сократомъ. Разумѣется, отдыхалъ съ тѣмъ, чтобы потомъ опять начать свою бурную жизнь: отдыхъ бываетъ такъ сладокъ утомленному человѣку! Но выводить отсюда, что отдыхъ нуженъ всѣмъ и, главное, всегда, развѣ можетъ быть что-нибудь болѣе нелѣпое? Сократъ же именно такъ смотрѣлъ на свои идеи. Онъ хотѣлъ, чтобы люди всегда отдыхали и видѣли въ отдыхѣ высшую цѣль жизни. Намъ легче судить о Сократѣ, благодаря тому, что у насъ есть гр. Толстой. Вѣроятно, физіономистъ Зопиръ сказалъ бы о Толстомъ то же, что онъ говорилъ о Сократѣ, что въ немъ кроется много дурныхъ наклонностей. Зопира не было, но Толстой самъ разсказалъ о себѣ, какой онъ дурной человѣкъ и какъ ему приходилось бороться съ собой. Толстой, по своей природѣ, человѣкъ не слишкомъ смѣлый; только долгимъ упражненіемъ воли онъ пріучилъ себя къ храбрости. Какъ боялся онъ въ молодости смерти! И какъ онъ умѣлъ скрывать свою боязнь! И потомъ, въ зрѣломъ возрастѣ, когда онъ писалъ свою исповѣдь, главнымъ вдохновителемъ его былъ страхъ смерти. Онъ побѣждалъ въ себѣ этотъ страхъ и всѣ другіе страхи, и думалъ, что, такъ какъ побѣдить въ себѣ страхъ очень трудно, то умѣть не бояться опасности много лучше, чѣмъ бояться. А между тѣмъ — кто знаетъ? можетъ быть, „трусость“, бѣдная, жалкая, такъ оклеветанная, подпольная трусость, вовсе уже не такой порокъ. Можетъ быть даже добродѣтель! Вспомните Достоевскаго и его героевъ, вспомните Гамлета. Если бы подпольный человѣкъ ничего не боялся, если бы Гамлетъ по своей природѣ былъ гладіаторомъ, у насъ бы

до сихъ поръ не было бы ни трагической поэзіи, ни философіи. Какъ извѣстно, страхъ смерти былъ всегда вдохновителемъ философовъ, — если бы нужно было, я бы могъ въ доказательство привести сколько угодно цитатъ изъ древнихъ и новыхъ авторовъ. Можетъ быть, поэтическій демонъ Сократа, сдѣлавшій его мудрецомъ, былъ только олицетвореннымъ страхомъ. Или его предостерегающіе сны! То, чѣмъ онъ переволновался и перемучился днемъ, не оставляло его и ночью. Уже послѣ приговора Сократу приснилось, что ему слѣдуетъ заниматься искусствами, и, чтобы не возстановить противъ себя боговъ, онъ въ 70 лѣтъ началъ сочинять стихи. Толстой тоже въ 50 лѣтъ сталъ заниматься добрыми дѣлами, о которыхъ прежде не хотѣлъ и думать. Если бы въ наше время было принято выражаться миѳологически, онъ бы тоже, можетъ быть, разсказалъ намъ о своемъ демонѣ или снахъ. Но Толстой говоритъ научнымъ языкомъ и сводитъ счеты съ моралью, а не съ богами и демонами. Многіе современные Алкивіады, въ теченіе шести дней недѣли купающіеся въ мутныхъ волнахъ жизни, приходятъ по воскресеньямъ омываться въ чистой водѣ незапятнанныхъ толстовскихъ идей. Бухгалтерія довольствуется этимъ скромнымъ успѣхомъ и воображаетъ, что, если разъ въ недѣлю она обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, то значитъ, что она есть сущность жизни и что, кромѣ нея, больше ничего человѣку не нужно. Съ такимъ же правомъ содержатели бань могли бы изъ того, что къ нимъ по субботамъ собирается такъ много народа, заключить, что въ теченіе недѣли не нужно дѣлать никакихъ движеній,

чтобъ не потѣть и всегда оставаться чистымъ — точно сейчасъ изъ бани.

26.

У одного стариннаго французскаго писателя, современника Паскаля, я встрѣтилъ слѣдующія замѣчательныя слова: „L'homme est si misérable que l'inconstance avec laquelle il abandonne ses desseins, est, en quelque sorte, sa plus grande vertu; parce qu'il temoigne par là qu'il y a encore en lui quelque reste de grandeur qui le porte à se dégoûter de choses qui ne méritent pas son amour et son estime". Какъ далеко ушла современная мысль даже отъ возможности такого рода предположеній! Считать непостоянство высшей человѣческой добродѣтелью! Вѣдь чтобъ добиться чего-нибудь на землѣ — нужно умѣть всего себя, всю жизнь свою отдать служенію одной цѣли. Чтобъ стать виртуозомъ, артистомъ, мастеромъ своего дѣла, нужно съ истинно ангельскимъ или ослинымъ терпѣніемъ десятки, сотни, тысячи разъ перепробовать разные пріемы выраженія своихъ мыслей и настроеній и не жалѣть ни труда, ни времени, ни здоровья. Все должно быть на второмъ планѣ — на первомъ искусство. У Гончарова превосходно разсказано въ „Обрывѣ" о томъ, какъ віолончелистъ цѣлый день бился, точно рыба объ ледъ, чтобъ потомъ, къ вечеру сыграть хорошо. И это обыкновенная вещь. Постылый, скучный, раздражающій трудъ — есть условіе развитія генія. Оттого вѣрно люди такъ рѣдко добиваются чего-нибудь. Геній долженъ согласиться культивировать въ себѣ осла — это условіе такъ унизи-

тельно, что на него человѣкъ идетъ только въ крайнемъ случаѣ. Большинство предпочитаетъ середину между посредственностью и геніемъ—талантъ. Не всякому охота мѣнять всю жизнь свою на искусство. А сколько разъ геній, подъ конецъ своей карьеры, раскаивается въ своемъ выборѣ! „Лучше было не удивлять міръ и жить въ этомъ мірѣ,“ говоритъ Ибсенъ въ послѣдней своей драмѣ. Геній — жалкій и слѣпой маньякъ, которому прощаются всѣ его странности въ виду приносимой имъ пользы. И все таки мы всѣ поклоняемся настойчивости и генію — единственному богу, въ котораго еще вѣритъ современность, и похвальное слово непостоянству врядъ ли найдетъ въ комъ-либо изъ нашихъ современниковъ, сочувствіе. Вѣроятно, даже не примутъ его въ серьезъ.

27.

Очень часто мы высказываемъ представляющееся намъ сомнительнымъ сужденіе въ категорической формѣ и даже настаиваемъ на его несомнѣнности. Мы хотимъ посмотрѣть, въ какой степени вызоветъ оно возраженія у людей,—а это можно узнать только въ томъ случаѣ, если сужденія предъявляются не какъ предположенія, съ которыми никто не считается, а какъ истина, непререкаемая и общеобязательная. И чѣмъ большее значеніе имѣетъ для насъ какое-нибудь предположеніе, тѣмъ тщательнѣе скрываемъ мы отъ другихъ его проблематичность.

28.

Литература трактуетъ всегда труднѣйшіе и важнѣйшіе вопросы нашей жизни, и на этомъ основаніи ли-

тераторы считаютъ себя самыми значительными людьми. Съ такимъ же основаніемъ могли бы прислужники банкира, всегда снующіе около денегъ, считать себя милліонерами. Значительность непонятыхъ и неразрѣшенныхъ вопросовъ скорѣй должна была бы дискредитировать въ нашихъ глазахъ писателей, но они такъ хорошо умѣютъ говорить о себѣ и о своей высокой миссіи, что въ концѣ концовъ убѣждаютъ всѣхъ, и, главное, себя самихъ. Тутъ, впрочемъ, не послѣднюю роль играетъ и душевная ограниченность. Римскіе авгуры имѣли болѣе тонкій и гибкій умъ, чѣмъ современные литераторы: чтобъ обманывать другихъ, имъ не нужно было обманывать себя. Они въ своемъ кругу не боялись говорить о своей тайнѣ и даже забавляться ею—въ полной увѣренности, что предъ другими, если потребуется, имъ не трудно будетъ оправдаться и сдѣлать соотвѣтственное случаю торжественное лицо. А теперь писатель, какую бы невѣроятность онъ ни вздумалъ разсказывать публикѣ, предварительно старается убѣдить себя. Иначе онъ не можетъ говорить (лгать).

29.

„Писатель пописываетъ, читатель почитываетъ“— Щедрина очень обижало такое положеніе вещей. Онъ бы хотѣлъ, чтобъ было иначе: чуть только писатель сказалъ слово—читатель сейчасъ же на стѣну. Но читатель вовсе не такъ простъ, какъ это принято думать: онъ предпочитаетъ оставаться спокойнымъ и требуетъ, чтобъ самъ писатель на стѣну лѣзъ. Оттого-то у публики имѣютъ обыкновенно успѣхъ только

тѣ авторы, которые пишутъ „кровью своего сердца“. Условные турниры, даже самые пышные, никогда не привлекаютъ ни большой публики, ни тѣмъ паче знатоковъ искусства. Люди бѣгутъ смотрѣть на бой гладіаторовъ, гдѣ ихъ ждетъ зрѣлище настоящей, горячей, дымящейся крови, гдѣ будутъ дѣйствительныя, а не воображаемыя жертвы.

И многіе писатели, какъ истинные гладіаторы, проливаютъ свою кровь, чтобъ угодить Цезарю—толпѣ: salve, Caesar, morituri te salutant!

30.

А. П. Чеховъ говоритъ правду не изъ любви или уваженія къ „истинѣ“ и не въ силу того, что долгъ повелѣваетъ намъ, какъ думалъ Кантъ, никогда не лгать, даже если бы грозила смерть.

Нѣтъ у него и побужденія, столь часто толкающаго на безумную дерзость молодыя и пылкія души: выпрямиться во весь ростъ, высоко нести голову. Наоборотъ: Чеховъ всегда ходитъ сгорбившись, понуривъ голову и никогда не обращаетъ взоровъ къ небесамъ, ибо тамъ для него не начертаны знаменія. Если онъ говоритъ правду, то только потому, что самая крѣпкая ложь уже не опьяняетъ его, хотя бы онъ ее принималъ не въ тѣхъ скромныхъ дозахъ, въ какихъ ее предлагаетъ идеализмъ, а въ самомъ непомѣрномъ количествѣ—бочками сороковыми.

Онъ бы только чувствовалъ ея горечь, но она не могла бы ему вскружить голову, какъ Шиллеру, Достоевскому или даже Сократу, который, какъ извѣстно,

могъ пить сколько угодно вина, но хмелѣлъ отъ самой обыкновенной лжи.

31.

Noblesse oblige. Моментъ обязательности, принудительности, долга, выдвинутый Кантомъ, какъ существенный, чуть-ли не единственный предикатъ моральныхъ понятій, въ концѣ концовъ служитъ лишь указаніемъ на то, что онъ въ себѣ самомъ и въ людяхъ, къ которымъ онъ обращался — Кантъ былъ скромнымъ человѣкомъ и даже въ глубинѣ души не дѣлалъ различія межъ собой и другими —видѣлъ только существа, подлежащія облагораживающему дѣйствію нравственности. Noblesse oblige — формула не для родового дворянства, умѣющаго видѣть въ своихъ обязанностяхъ свои главныя привилегіи, а для образованныхъ, разбогатѣвшихъ выскочекъ, алчущихъ пріобрѣсти знатный титулъ. Они привыкли лгать, трусить, обманывать, скаредничать, и ихъ пугаетъ необходимость „безкорыстно“ говорить правду, смѣло итти навстрѣчу опасности, расточать богатства. И они, чтобъ не забыть, ежечасно повторяютъ себѣ и своимъ дѣтямъ, въ жилахъ которыхъ еще течетъ кровь ихъ лгавшихъ и пресмыкавшихся отцовъ: „ты не долженъ лгать, ты не долженъ трусить, ты долженъ быть великодушнымъ, щедрымъ. И все это непремѣнно безкорыстно, такъ, чтобы никому ничего не было извѣстно. Это глупо, непонятно, нелѣпо — но „noblesse oblige“.

32.

Homo homini lupus—одна изъ незыблемѣйшихъ предпосылокъ вѣчной морали. Въ каждомъ изъ своихъ

ближнихъ мы подозрѣваемъ опаснаго врага и потому боимся его. „Этотъ человѣкъ легкомысленъ — если мы не обуздаемъ его закономъ, онъ насъ погубитъ“, такая мысль является у насъ каждый разъ, когда кто нибудь выходитъ изъ освященной традиціей колеи.

Опасеніе справедливое: мы такъ бѣдны, такъ слабы, насъ такъ легко раззорить и погубить! какъ же намъ не бояться? А между тѣмъ нерѣдко подъ опасными и грозными поступками кроется нѣчто значительное и важное, что слѣдовало бы внимательно и сочувственно разсмотрѣть. Но у страха глаза велики, мы видимъ опасность, и только опасность—и строимъ мораль, за которой, какъ за крѣпостной стѣной, отсиживаемся всю жизнь отъ враговъ. Только поэты брались воспѣвать опасныхъ людей—Донъ Жуановъ, Фаустовъ, Тангейзеровъ. Но съ поэтами никто не считается. Здравый смыслъ цѣнитъ гораздо выше комивояжера или приватъ-доцента, чѣмъ Байрона, Гёте и Мольера.

33.

Возможности, открывающіяся человѣку въ жизни, сравнительно очень ограничены. Нельзя всего увидѣть, нельзя все понять, нельзя подняться слишкомъ высоко надъ землей, ни проникнуть въ ея глубину. Что было — навсегда скрыто, что будетъ — мы не умѣемъ предугадать и навѣрное знаемъ, что у насъ никогда не вырастутъ крылья. Закономѣрность, неизмѣнная закономѣрность явленій полагаетъ предѣлъ нашимъ стремленіямъ, загоняетъ насъ на узкій, избитый путь обыденности. Но даже и этотъ путь не дано намъ исходить вдоль и поперекъ. Мы должны

зорко глядѣть себѣ подъ ноги и на каждомъ шагу останавливаться, ибо малѣйшая неосторожность въ жизни грозитъ намъ гибелью. Но вѣдь мыслима и иная жизнь. Жизнь, въ которой слово „гибель“ не существуетъ, гдѣ отвѣтственность за поступки, если и не отмѣнена совсѣмъ, то не имѣетъ столь роковаго и случайнаго характера, какъ у насъ, и гдѣ, съ другой стороны, нѣтъ „закономѣрности“, а стало быть есть безконечное количество возможностей. Тамъ чувство страха — позорнѣйшее чувство — исчезаетъ. Тамъ, стало быть, и добродѣтели совсѣмъ не тѣ, что здѣсь. Безстрашіе предъ опасностью и щедрость, даже расточительность и у насъ почитаются добродѣтелями, но почитаются безъ всякихъ основаній. Сократъ былъ совершенно правъ, когда доказывалъ, что не всякая храбрость, а только храбрость, измѣряющая впередъ опасность и шансы побѣды, имѣетъ свое оправданіе. Въ такой же мѣрѣ правы и тѣ экономные, расчетливые люди, которые осуждаютъ расточительность. Безстрашіе и расточительность не къ лицу смертнымъ, которымъ прилично, въ виду ихъ безсилія и бѣдности, всегда трепетать и считать каждый свой грошъ. Оттого-то эти двѣ добродѣтели такъ рѣдко встрѣчаются между людьми и въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчаются, вызываютъ въ толпѣ суевѣрное благоговѣніе къ ихъ носителямъ. „Этотъ человѣкъ ничего не боится и ничего не жалѣетъ: онъ, вѣрно, не человѣкъ, а полубогъ, даже, быть можетъ, богъ“. Сократъ не вѣрилъ въ боговъ и потому хотѣлъ оправдать расчетомъ добродѣтель. Кантъ тоже не вѣрилъ въ Бога и потому выводилъ свою мораль изъ „закона“. Но,

если есть Богъ, если всѣ люди—дѣти Бога, то, значитъ, можно ничего не бояться и ничего не жалѣть.

Тогда безумно расточающій свою и чужія жизни и благосостояніе, даже свое дарованіе, свой геній человѣкъ правѣе расчетливыхъ философовъ, тщетно ищущихъ устроенія человѣчества на землѣ.

34.

Нравственные люди—самые мстительные люди, и свою нравственность они употребляютъ, какъ лучшее и наиболѣе утонченное орудіе мести. Они не удовлетворяются тѣмъ, что просто презираютъ и осуждаютъ своихъ ближнихъ, они хотятъ, чтобъ ихъ осужденіе было всеобщимъ и обязательнымъ, т. е. чтобъ вмѣстѣ съ ними всѣ люди возстали на осужденнаго ими, чтобъ даже собственная совѣсть осужденнаго была на ихъ сторонѣ. Только тогда они чувствуютъ себя вполнѣ удовлетворенными и успокаиваются. Кромѣ нравственности, ничего въ мірѣ не можетъ привести къ столь блестящимъ результатамъ.

35.

Закоренѣлость во злѣ. Еретиковъ часто преслѣдовали за ничтожнѣйшія отступленія отъ господствующихъ вѣрованій. Именно ихъ упорство въ пустякахъ болѣе всего и раздражало „Отчего они не соглашаются на такую пустую уступку? Серьезныхъ основаній у нихъ не можетъ быть. Они только хотятъ огорчать насъ, дѣлать намъ на зло“. Постепенно вражда шла crescendo, и появлялись костры и пытки, все противъ закоренѣлости во злѣ...

36.

Не помню, гдѣ я вычиталъ, у Тургенева или у Толстого, что люди, побывавшіе подъ судомъ, всегда пріобрѣтаютъ особенно благородное выраженіе лица. Хотя логика и рекомендуетъ осторожность въ обратныхъ заключеніяхъ, но, куда ни шло, на этотъ разъ позволю себѣ рискнуть и сдѣлать выводъ: благородное выраженіе въ лицѣ есть признакъ того, что человѣкъ побывалъ подъ судомъ—разумѣется, не за политическое преступленіе, а за воровство или взяточничество.

37.

Самыя важныя и значительныя мысли, откровенія, являются на свѣтъ голыми, безъ словесной оболочки: найти для нихъ слова — особое, очень трудное дѣло, цѣлое искусство. И наоборотъ: глупости и пошлости сразу приходятъ наряженными въ пестрыя, хотя и старыя, тряпки—такъ что ихъ можно прямо, безъ всякаго труда, преподносить публикѣ.

38.

Странное нетерпѣніе овладѣло въ послѣднее время русскими писателями. Всѣ взапуски пустились за „послѣднимъ словомъ“. Имъ кажется, что послѣднее слово будетъ навѣрное добыто—вопросъ лишь въ томъ, кто скорѣе до него добѣжитъ...

39.

Появленіе Сократа на философскомъ горизонтѣ привѣтствуется всѣми историками, какъ величайшее событіе. Нравы стали расшатываться, отечеству (Аѳи-

намъ) угрожала гибель. Миссія Сократа была въ томъ, чтобы положить конецъ той отчаянной раскачкѣ моральныхъ сужденій, къ которой привелъ крайній индивидуализмъ и релативизмъ софистовъ. И великій мудрецъ сдѣлалъ, какъ извѣстно, все, что могъ. Онъ покинулъ свои обычныя занятія и семью, онъ не заботился о завтрашнемъ днѣ и училъ, училъ, училъ—простыхъ людей и знатныхъ, умныхъ и глупыхъ, ученыхъ и невѣжественныхъ. И, тѣмъ не менѣе, онъ отечества не спасъ. При Периклѣ Аѳины процвѣтали безъ мудрости или независимо отъ мудрости Сократа. Послѣ Перикла, несмотря на то, что ученіе Сократа нашло себѣ такого геніальнаго продолжателя, какъ Платонъ, роль и значеніе Аѳинъ все падаетъ, и Аристотель былъ уже воспитателемъ сына Филиппа Македонскаго. Значитъ, мудрость Сократа не спасла отечества и, такъ какъ въ этомъ было ея главное назначеніе, то, стало быть, она не заслуживаетъ традиціоннаго преклоненія; нужно либо найти ей какое-нибудь иное оправданіе—это было бы правильнѣе всего—либо вообще оставить излюбленный пріемъ метафизиковъ искать raison d'être мудрости въ ея общественномъ значеніи. Это пріемъ очень рискованный. Обыкновенно мудрость идетъ сама по себѣ, а общество—само по себѣ. Ихъ соединяютъ искусственно—ораторы, пріучившіе публику и философовъ думать, что только тѣ задачи заслуживаютъ вниманія, которыя имѣютъ на своей сторонѣ рѣшительно все: и общественную пользу, и мораль, и даже метафизическую мудрость... Зачѣмъ такъ много? Будетъ и того, если какой-нибудь новый проектъ окажется полезнымъ! Гдѣ тамъ еще добиваться санкціи

морали и метафизики! И, наоборотъ, разъ законы морали должны быть автономны, и идеи стоятъ надъ эмпирическими нуждами человѣчества, значитъ противопоставлять имъ общественныя соображенія, даже возможную гибель страны нельзя. Pereat mundus, fiat philosophia. Если Аѳины погибли даже изъ-за мудрости Сократа—это ничего противъ нея не говоритъ. Такъ долженъ былъ бы разсуждать автономный мыслитель. Но de facto мыслитель не слишкомъ любитъ ссориться съ отечествомъ.

40.

Когда писателю нужно высказать наименѣе обоснованную мысль свою, которой онъ почему-либо особенно дорожитъ, и для которой онъ непремѣнно хочетъ добиться общаго признанія, онъ обыкновенно прерываетъ на время свое изложеніе, будто бы затѣмъ, чтобы перевести дыханіе, и дѣлаетъ небольшое, а иногда и большое отступленіе, въ которомъ доказываетъ несостоятельность разныхъ, часто даже не связанныхъ съ существомъ дѣла положеній. Уничтоживъ побѣдоносно одну или нѣсколько глупостей и тѣмъ придавъ себѣ видъ знающаго и основательнаго человѣка, онъ снова возвращается къ своей задачѣ, въ расчетѣ, что къ нему, какъ къ доказавшему свою основательность, уже будутъ относиться съ бо̀льшимъ довѣріемъ. Расчетъ вполнѣ правильный. Читатель боится возражать такому ловкому діалектику и предпочитаетъ согласиться съ нимъ, ибо спорить въ такихъ случаяхъ очень рискованно. Такими пріемами никто не брезгаетъ—даже величайшіе умы, особенно въ философіи. Оттого

идеалисты, прежде чѣмъ защищать свои теоріи, разносятъ матеріализмъ. Матеріалисты тоже когда-то такъ поступали и имѣли, какъ извѣстно, колоссальный успѣхъ.

41.

Какъ извѣстно, послѣдовательность обязательна только для учениковъ, а не для учителей. Творцы великихъ идей относятся очень пренебрежительно къ своимъ твореніямъ и мало заботятся объ ихъ судьбѣ въ мірѣ. Часто дѣтища одного и того же философа такъ мало похожи другъ на друга, что нѣтъ возможности найти межъ ними даже отдаленные признаки фамильнаго сходства. Добросовѣстные ученики, изнывая подъ бременемъ непосильной задачи отыскать несуществующее, не разъ приходили въ отчаяніе отъ своей задачи. Тѣ, кто поумнѣе, разрѣшаютъ ее просто. Разъ догадавшись, въ чемъ дѣло, они навсегда отказываются отъ мысли примирить замѣчаемыя противорѣчія. Но тѣмъ болѣе настаиваютъ они на необходимости изученія философовъ — изученія обстоятельнаго, историческаго, даже филологическаго. Такимъ образомъ и создалась исторія философіи, въ настоящее время вполнѣ замѣняющая философію. И вѣдь исторія философіи, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть наукой. Ибо путемъ историческаго изысканія, дѣйствительно, не рѣдко удается выяснить съ большой степенью точности, что именно думалъ тотъ или иной философъ, въ какомъ смыслѣ онъ употреблялъ различные термины и понятія. И, такъ какъ философовъ было очень много, то, стало быть, изученіе и объясненіе ихъ представляетъ достаточно трудное и почтенное дѣло, которое вполнѣ за-

служиваетъ называться наукой. За хорошій переводъ или комментарій къ главнымъ трудамъ Канта можно дать человѣку дипломъ доктора философіи, т. е. признать его достаточно проникнувшимъ въ важнѣйшія міровыя проблемы. Для какой надобности еще выдумывать новыя системы? Или даже писать?

42.

Восторги творчества! Пустыя слова, придуманныя людьми, никогда не имѣвшими случая по личному опыту судить о томъ, что такое творчество, добывшими свое сужденіе путемъ умозаключенія: если твореніе доставляетъ намъ такое великое наслажденіе, то что же долженъ былъ испытать самъ творецъ! На самомъ дѣлѣ творецъ обыкновенно испытываетъ одни огорченія. Всякое твореніе есть твореніе изъ ничего. Въ лучшемъ случаѣ предъ нами безобразный, безсмысленный, большей частью упорный и твердый матеріалъ, съ трудомъ поддающійся обработкѣ. Да и неизвѣстно, какъ его обрабатывать. Каждый разъ въ голову приходитъ новая мысль, и каждый разъ новую мысль, на мгновеніе показавшуюся блестящей и очаровательной, нужно отбрасывать, какъ негодный хламъ. Творчество есть непрерывный переходъ отъ одной неудачи къ другой. Общее состояніе творящаго—неопредѣленность, неизвѣстность, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, издерганность. И чѣмъ серьезнѣе, значительнѣе и оригинальнѣе взятая на себя человѣкомъ задача, тѣмъ мучительнѣй его самочувствіе. Оттого-то большинство людей, даже геніальныхъ, à la longue не выносятъ творческой дѣятельности. Какъ только они

пріобрѣтаютъ технику—они начинаютъ повторяться, зная, что публика не слишкомъ требовательна и довольно охотно выноситъ однообразіе любимца, даже видитъ въ этомъ достоинство. Всякій цѣнитель искусства доволенъ, если узнаетъ въ новомъ произведеніи „манеру“ художника—и мало кто догадывается, что пріобрѣтеніе манеры знаменуетъ собой начало конца. Художники это хорошо понимаютъ и рады бы отвязаться отъ своей манеры, которая уже имъ представляется шаблономъ. Но это требуетъ слишкомъ большого напряженія силъ, новыхъ мукъ, сомнѣній, неизвѣстности—кто однажды пережилъ „восторги творчества“, другой разъ добровольно ими не соблазнится. Онъ предпочитаетъ „работать“ по прежде созданному шаблону, лишь бы быть спокойнымъ и твердо увѣреннымъ въ результатахъ—благо, кромѣ него, никто не знаетъ, что онъ уже больше не творецъ. Сколько тайнъ въ мірѣ, и какъ легко уберечь тайну отъ нескромныхъ взоровъ!

43.

Писатель взвинчиваетъ себя, чтобы дойти до состоянія экстаза: иначе онъ не берется за перо. Но экстазъ не всякій умѣетъ отличить отъ другихъ, менѣе возвышенныхъ видовъ душевнаго подъема. И, такъ какъ писателю почти всегда нужно сочинять, то онъ обыкновенно не имѣетъ терпѣнія долго выжидать и при первыхъ признакахъ одушевленія начинаетъ изливаться. Оттого-то такъ часто подъ именемъ экстаза преподносятся намъ дешевыя и ничѣмъ не замѣчательныя душевныя настроенія. Особенно легко смѣшиваютъ съ экстазомъ тотъ, очень распространенный видъ ве-

сенняго ликованія, для котораго нашъ языкъ изобрѣлъ извѣстный мѣткій эпитетъ. И, въ концѣ концовъ, „телячій восторгъ“ встрѣчаетъ у публики болѣе радушный пріемъ, чѣмъ истинное вдохновеніе и глубокій экстазъ. Понятнѣй—и ближе.

44.

Школьная посылка: послѣдовательный скептицизмъ самъ себя опровергаетъ, ибо отрицаніе возможности знанія есть уже утвержденіе. Но во 1-хъ: скептицизму не обязательно быть послѣдовательнымъ, ибо онъ не имѣетъ никакого желанія угождать догматизму, возводящему послѣдовательность въ законъ. Во 2-хъ, гдѣ та философская теорія, которая, если ее довести до крайнихъ предѣловъ, не уничтожала бы самое себя? И отчего отъ скептицизма требуютъ бо̀льшаго, чѣмъ отъ другихъ теорій, отъ скептицизма, который честно заявляетъ, что онъ не можетъ дать даже того, на что другія теоріи претендуютъ?

45.

Аристотелевская логика, вошедшая и въ современную логику, какъ ея главная составная часть, явилась, какъ извѣстно, результатомъ вѣчныхъ теоретическихъ состязаній, до которыхъ древніе греки были такими охотниками. И дѣйствительно, для того, чтобы спорить, нужно имѣть общую почву, иными словами, условиться о предпосылкахъ. Но въ наше время діалектическіе турниры, какъ и всякія другія состязанія, уже не привлекаютъ людей. Значитъ, можно логику отодвинуть на второй планъ?!

46.

Въ „Портретѣ“ Гоголя художникъ приходитъ въ отчаяніе при мысли о томъ, что пожертвовалъ своимъ искусствомъ ради „жизни“. У Ибсена въ его драмѣ „Когда мы, мертвые, просыпаемся“ тоже художникъ, прославившійся на весь міръ, раскаивается въ томъ, что пожертвовалъ жизнью — искусству. Теперь—выбирай, какого сорта раскаяніе тебѣ болѣе по вкусу.

47.

Человѣкъ часто бываетъ совершенно равнодушенъ къ своему успѣху до тѣхъ поръ, пока его имѣетъ. Стоитъ только ему потерять свое вліяніе на людей, и онъ начинаетъ огорчаться. И—наоборотъ.

48.

Инсаровъ, въ качествѣ человѣка, готовящагося къ битвамъ, поразилъ воображеніе Елены, и она предпочла его Шубину, художнику, и Берсеневу, ученому. Женщины еще съ древнихъ временъ больше любили воинствующихъ и военныхъ, чѣмъ мирныхъ и статскихъ мужчинъ. Если бы Тургеневъ эту мысль облекъ въ менѣе идеалистическую форму, вѣроятно, онъ не сдѣлался бы идоломъ молодежи. Кто изъ насъ не увлекался Еленой и ея избранникомъ? Кто вообще не увлекался тургеневскими женщинами! А между тѣмъ всѣ онѣ отдаются наиболѣе сильному мужчинѣ. У „высшихъ людей“, какъ у звѣрей: самцы борятся межъ собою, самка слѣдитъ за ихъ борьбой и, по окончаніи ея, признаетъ себя рабой побѣдителя.

49.

Гусеница обращается въ куколку и долгое время живетъ въ тепломъ и покойномъ міркѣ. Если бы она обладала человѣческимъ сознаніемъ, можетъ быть, она сказала бы, что ея міръ есть лучшій изъ міровъ, даже единственно возможный. Но приходитъ время, и какая-то невѣдомая сила заставляетъ ее начать работу разрушенія. Если бы другія гусеницы могли видѣть, какимъ ужаснымъ дѣломъ она занимается, онѣ, навѣрное, возмутились бы до глубины души, назвали бы ее безнравственной, безбожной, заговорили бы о пессимизмѣ, скептицизмѣ и т. п. вещахъ. Уничтожать то, созиданіе чего стоило такихъ трудовъ! И, затѣмъ, чѣмъ плохъ этотъ теплый, уютный, законченный міръ! Чтобы отстоять его, необходимо выдумать священную мораль и идеалистическую теорію познанія! А до того, что у гусеницы выросли крылья, и что она, прогрызши свое старое гнѣздо, вылетитъ въ вольный міръ нарядной и легкой бабочкой—нѣтъ никому дѣла.

Крылья—это мистицизмъ, самоугрызеніе же—дѣйствительность. Тѣ, которые создаютъ ее, достойны пытки и казни. И на бѣломъ свѣтѣ достаточно тюремъ и добровольныхъ палачей: большинство книгъ тоже тюрьмы, и великіе писатели нерѣдко были палачами.

50.

Нитше и Достоевскій являются типическими „обратными симулянтами“, если такъ можно выразиться. Они притворялись душевно здоровыми, хотя были душевно больными. Они хорошо знали, что больны, но про-

являли свою болѣзнь лишь въ той мѣрѣ, въ которой чудачество сходитъ еще за оригинальность. Съ чуткостью, свойственной всѣмъ, находящимся въ постоянной опасности, они никогда не переходили за извѣстную черту. Топоръ гильотины общественнаго мнѣнія всегда висѣлъ надъ ними: стоило бы только неловкимъ движеніемъ зацѣпить веревку, и казнь совершилась бы сама собой. Но, они умѣли уберечься отъ лишнихъ движеній.

51.

Такъ называемые послѣдніе вопросы въ такой же мѣрѣ волновали человѣчество въ самомъ началѣ сотворенія міра, какъ и въ наше время. Уже Адамъ и Ева хотѣли „знать“ и, рискуя навлечь на себя гнѣвъ всемогущаго Творца, сорвали плодъ съ дерева познанія добра и зла. Каинъ, жертва котораго была неугодна Богу, поднялъ руку на родного брата —ему казалось, что онъ совершилъ убійство во имя справедливости, для возстановленія попранныхъ правъ своихъ. Со времени Каина ни одинъ человѣкъ не могъ понять, отчего Творецъ міра благосклоннѣе принимаетъ жертву его брата, чѣмъ его собственную, и въ наши дни Сальери повторяетъ расправу Каина и отравляетъ своего брата и благодѣтеля, Моцарта: „Всѣ говорятъ—нѣтъ правды на землѣ; но правды нѣтъ и выше: для меня такъ это ясно, какъ простая гамма“. Нѣтъ ни одного человѣка на землѣ, который бы въ этихъ простыхъ и глубокихъ словахъ не узналъ собственныхъ мучительнѣйшихъ сомнѣній. Отсюда вытекаетъ трагическое творчество,—загадочнымъ образомъ до сихъ поръ почитающееся всѣми высшимъ родомъ творчества.

Все разгадывается и объясняется. Если сравнить наши знанія съ знаніями древнихъ, мы окажемся великими мудрецами. Но къ загадкѣ о вѣчной справедливости мы такъ же мало подошли, какъ и первый человѣкъ, какъ и убійца Каинъ. Прогрессъ, цивилизація, всѣ завоеванія человѣческаго ума въ эту область не принесли ничего новаго. Какъ наши праотцы, такъ и мы, съ испугомъ и недоумѣніемъ останавливаемся при видѣ уродства, болѣзни, безумія, нищеты, старости, смерти. Все, что могли сдѣлать до сихъ поръ мудрецы,—это обратить земные ужасы въ проблему: можетъ быть, говорятъ намъ, все страшное есть только страшное на видъ, и въ концѣ тяжелаго пути насъ ждетъ нѣчто новое. Можетъ быть! Но современный образованный человѣкъ, имѣющій доступъ къ мудрости 40 вѣковъ исторической жизни человѣчества, знаетъ объ этомъ не больше, чѣмъ древній пѣвецъ, за свой страхъ рѣшавшій міровыя проблемы. Мы, дѣти угасающей цивилизаціи, мы, старики отъ рожденія, въ этомъ смыслѣ такъ же молоды, какъ и первый человѣкъ.

52.

Говорятъ, что нельзя обозначить границу между „я“ и обществомъ. Наивность! Робинзоны встрѣчаются не только на необитаемыхъ островахъ, но и въ самыхъ многолюдныхъ городахъ. Правда, они не одѣваются въ звѣриныя шкуры и не имѣютъ при себѣ чернокожихъ Пятницъ, оттого то никто ихъ и не узнаетъ. Но вѣдь Пятница и звѣриная шкура—послѣдняя вещь, и не они дѣлаютъ человѣка Робинзономъ. Одиночество, оставленность, безконечное, безбрежное море, на ко-

торомъ десятки лѣтъ не видно было паруса—развѣ мало нашихъ современниковъ живутъ въ такихъ условіяхъ? И развѣ они не Робинзоны, для которыхъ люди обратились въ далекое воспоминаніе, съ трудомъ отличаемое отъ сновидѣнія?

53.

Быть непоправимо несчастнымъ—постыдно. Непоправимо несчастный человѣкъ лишается покровительства земныхъ законовъ. Всякая связь между нимъ и обществомъ порывается навсегда. И такъ какъ, рано или поздно, каждый человѣкъ осужденъ быть непоправимо несчастнымъ, то, стало быть, послѣднее слово философіи—одиночество.

54.

„Лучше быть несчастнымъ человѣкомъ, чѣмъ счастливой свиньей“, утилитаристы разсчитывали на этомъ золотомъ мостѣ перебраться черезъ пропасть, отдѣляющую ихъ отъ обѣтованной земли идеализма. Но пришла психологія и грубо доложила: „несчастныхъ людей нѣтъ, всѣ несчастные—свиньи“. Подпольный философъ Достоевскаго, Раскольниковъ, Гамлетъ и т. д.—не несчастные люди, судьбу которыхъ можно предпочесть, а несчастныя свиньи—и, главное, они сами слишкомъ хорошо это знаютъ... Имѣющій уши, да слышитъ.

55.

Если ты хочешь, чтобъ люди позавидовали твоему горю, даже твоему позору—сдѣлай видъ, что ты имъ гордишься. И, если только у тебя достаточно актер-

скаго искусства, будь спокоенъ: ты станешь героемъ дня. Съ тѣхъ поръ, какъ стала извѣстна притча о фарисеѣ и мытарѣ, сколь многіе, неумѣвшіе исполнить своихъ обязанностей предъ Богомъ, представлялись евангельскими мытарями и возбуждали къ себѣ сочувствіе, даже зависть.

56.

Философы ужасно любятъ называть свои сужденія „истинами“, ибо въ такомъ чинѣ они становятся общеобязательными. Но, каждый философъ самъ выдумываетъ свои истины. Это значитъ: онъ хочетъ, чтобъ его ученики обманывались по выдуманному имъ способу, право же обманываться на свой манеръ онъ оставляетъ за однимъ собой. Почему? Почему не предоставить каждому человѣку права обманываться, какъ ему вздумается?

57.

Когда Ксантиппа облила помоями Сократа, вернувшагося съ занятій философіей, онъ, по преданію, сказалъ: послѣ бури всегда бываетъ дождь. Не достойнѣе ли истины (не мудреца, а истины) было бы сказать: позанявшись философіей, все равно чувствуешь себя облитымъ помоями, и Ксантиппа дала только внѣшнее выраженіе тому, что происходило въ душѣ Сократа. Символы не всегда бываютъ красивы.

58.

Изъ записокъ подпольнаго человѣка: „я читаю мало, пишу мало и, кажется, думаю мало. Нерасположенный ко мнѣ человѣкъ увидитъ въ этомъ большой недоста-

токъ, скажетъ, что я лѣнивъ, можетъ быть, назоветъ меня Обломовымъ и при этомъ вспомнитъ прописную истину, что лѣность—мать всѣхъ пороковъ. Другъ скажетъ, что это временное состояніе, что я, можетъ быть, не совсѣмъ здоровъ—словомъ, найдетъ оправдывающія обстоятельства, не особенно даже подбирая ихъ, озабоченный болѣе желаніемъ утѣшить меня, чѣмъ сказать правду. Я же самъ скажу: подождемъ. Если къ концу моей жизни выйдетъ, что я „сдѣлалъ“ не меньше другихъ — значитъ... значитъ, что лѣнность можетъ быть добродѣтелью“.

59.

Берне очень обижался, когда его враги объясняли его негодующія статьи болѣзнью печени и желудка. Ему казалось, что негодовать и злиться по поводу торжества зла на землѣ гораздо благороднѣе и возвышеннѣй, чѣмъ по поводу непорядковъ, происходящихъ въ собственномъ организмѣ. Откинувъ сантиментальность: былъ ли онъ правъ и точно ли это благороднѣе?

60.

Настоящій писатель брезгаетъ говорить по наслышкѣ о вещахъ, которыхъ онъ самъ не видѣлъ. Ему кажется унизительнымъ и скучнымъ гимназическое занятіе—разсказывать „своими словами“ то, что онъ вычиталъ въ чужихъ книгахъ. Да ему и не до того!

61.

Пока между образованнымъ человѣкомъ и народомъ стоитъ совѣсть, въ качествѣ единственно возможной

посредницы, не можетъ быть и рѣчи о взаимномъ пониманіи. Совѣсть требуетъ жертвъ и только жертвъ. Она говоритъ образованному человѣку: ты счастливъ, обезпеченъ, ученъ—народъ бѣденъ, невѣжественъ, несчастливъ. Откажись отъ своего благополучія или заворожи свою совѣсть льстивыми рѣчами. Лишь тотъ, кому нечѣмъ жертвовать, кто самъ все потерялъ—лишь тотъ можетъ подойти къ народу, какъ равный къ равному.

Оттого Достоевскій и Нитше не боялись говорить отъ своего имени и не чувствовали себя принужденными ни вытягиваться, ни пригибаться, чтобъ стать въ уровень съ человѣкомъ.

62.

Не знать, чего хочешь, считается однимъ изъ самыхъ позорящихъ обстоятельствъ. Признаться въ этомъ значитъ погубить навѣки свою репутацію не только какъ писателя, но и какъ человѣка. И, тѣмъ не менѣе, „совѣсть“ требуетъ такого признанія. Правда, въ этомъ случаѣ, какъ почти всегда, требованія совѣсти удовлетворяются лишь потому, что они уже не угрожаютъ слишкомъ серьезными послѣдствіями. Помимо того, что теперь мало кто боится когда-то столь страшнаго суда общественнаго мнѣнія (публику пріучили или приручили, и она съ благоговѣніемъ прислушивается къ тому, что ей говорятъ, и никогда не осмѣливается судить)—въ концѣ концовъ, въ признаніи „я самъ не знаю, чего хочу“ можно найти даже залогъ чего-то очень значительнаго. Ибо тѣ, которые знаютъ, чего хотятъ, обыкновенно хотятъ пустяковъ и добиваются

малоцѣнныхъ благъ: богатства, славы, въ лучшихъ случаяхъ — прогресса или міровоззрѣнія. Надъ этимъ не грѣхъ и посмѣяться иной разъ и, пожалуй, близко то время, когда обновившійся Гамлетъ не со стыдомъ, а съ гордостью провозгласитъ: я самъ не знаю, чего хочу. И толпа будетъ ему рукоплескать: ибо героямъ и гордымъ людямъ всегда рукоплещутъ.

63.

Страхъ смерти объясняется исключительно чувствомъ самосохраненія. Но тогда онъ долженъ былъ бы исчезать у стариковъ и больныхъ, которымъ было бы свойственно встрѣчать смерть равнодушно. Между тѣмъ ужасъ предъ смертью свойственъ всѣмъ живымъ существамъ. Не значитъ ли это, что ужасъ имѣетъ еще какой-нибудь смыслъ? И, что тамъ, гдѣ онъ не можетъ оберечь живое существо отъ грозящей гибели, онъ все же нуженъ и цѣлесообразенъ? И что естественно-научная точка зрѣнія и на этотъ разъ, какъ почти всегда, останавливается на полъ-пути, не доведя до того конца, къ которому она обѣщала привести человѣческій умъ?

64.

Моральное негодованіе есть лишь болѣе утонченная форма древней мести. Когда-то гнѣвъ разговаривалъ кинжалами, теперь достаточно словъ. И счастливъ тотъ, кто хочетъ и любитъ казнить своего обидчика, для кого отмщенная обида перестаетъ быть обидой. Оттого мораль, пришедшая на смѣну кровавой расправѣ, еще не скоро потеряетъ свою привлекательность. Но вѣдь есть обиды, и глубокія, незабываемыя

обиды, наносимыя не людьми, а „законами природы“. Какъ съ ними справиться? Тутъ ни кинжалъ, ни негодующее слово ничего не подѣлаютъ. И для того, кто столкнулся съ законами природы, мораль временно или навсегда уходитъ на второй планъ.

65.

Фатализмъ пугаетъ людей—особенно въ той своей формѣ, которая считаетъ возможнымъ ко всему, что происходитъ, происходило и будетъ происходить, говорить: да будетъ такъ. Какъ оправдывать дѣйствительность, когда въ ней столько ужасовъ? Но amor fati не обозначаетъ вѣчнаго мира съ дѣйствительностью. Это только перемиріе на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Нужно время, чтобъ изучить силы и намѣренія противника: подъ личиной дружбы старая вражда продолжаетъ жить, и готовится страшная месть.

66.

Въ „послѣднихъ вопросахъ бытія“ мы нисколько не ближе къ истинѣ, чѣмъ самые отдаленные предки наши. Это всѣмъ извѣстно и, тѣмъ не менѣе, многіе продолжаютъ размышлять о безконечности, не имѣя никакихъ надеждъ на возможность добиться сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ. Очевидно, результатъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово обыкновенно понимается, совсѣмъ и не нуженъ. Мы въ концѣ концовъ довѣряемся инстинкту даже въ области философіи, гдѣ, по общему убѣжденію, царитъ разумъ съ его пытливыми „почему“... „Почему“ умѣетъ посмѣяться надъ всевозможными „потому“. Ин-

стиктъ же никогда не смѣется: онъ просто игнорируетъ „почему“ и ведетъ человѣка по самымъ труднымъ и непроходимымъ путямъ къ цѣлямъ, которыя нашъ божественный разумъ навѣрное призналъ бы нелѣпыми, если бы умѣлъ заблаговременно предугадать ихъ. Но онъ плохой отгадчикъ, такъ что, когда мы приходимъ къ неожиданной для него цѣли, ему ничего другого не остается, какъ признать совершившійся фактъ. И даже оправдать, возвеличить его. А потому—„дѣйствительность разумна“—и не только тогда, когда философу платятъ жалованье,—какъ говорятъ соціалисты о всѣхъ философахъ, и нѣкоторые философы, въ томъ числѣ и нашъ Вл. Соловьевъ, о Гегелѣ,—но даже и тогда, когда его лишаютъ содержанія. Даже болѣе: въ послѣднемъ случаѣ, именно въ послѣднемъ случаѣ,—вопреки соціалистамъ и Вл. Соловьеву—дѣйствительность становится особенно разумной. Философъ гонимый, замученный, голодный, холодный, не получающій никакого жалованья, всегда почти бываетъ крайнимъ фаталистомъ—хотя это, разумѣется, нисколько ему не мѣшаетъ бранить существующіе порядки. Послѣдовательность, какъ извѣстно, обязательна только для учениковъ: ихъ все достоинство въ томъ, чтобъ логически развить идею учителя. Учителя же сами выдумываютъ идеи и всегда, потому, въ правѣ одну идею замѣнить другой. Верховная власть, издающая законъ, сама же и отмѣняетъ его; обязанность же подчиненныхъ органовъ состоитъ въ точномъ, послѣдовательномъ и строгомъ истолкованіи и исполненіи предписаній высшей воли.

67.

Фарисей, въ Евангельской притчѣ, исполнилъ все, что отъ него требовала религія,—онъ соблюдалъ посты, отдавалъ десятину и т. д. Въ правѣ ли былъ онъ радоваться своему благочестію и презирать преступнаго мытаря? Всѣ думаютъ, что въ правѣ, и фарисей такъ думалъ. Судъ Христа былъ для него величайшей неожиданностью. У него совѣсть была чиста, онъ не предъ другими притворялся святымъ, онъ вѣрилъ самъ въ свою святость. И вдругъ онъ оказывается виноватымъ, и какъ виноватымъ. Но, если совѣсть совѣстливаго человѣка не помогаетъ намъ отличить добро отъ зла, то какъ уберечься отъ преступленія? И что значитъ кантовскій нравственный законъ, который утѣшалъ его такъ же, какъ и звѣздное небо? Кантъ прожилъ свою жизнь въ глубокомъ душевномъ мирѣ и встрѣтилъ смерть спокойно, въ сознаніи, что онъ ни предъ кѣмъ ни въ чемъ не виноватъ. Но, если бы вновь пришелъ Христосъ, Онъ, можетъ быть, осудилъ его за его праведность. Ибо фарисей, повторяю, былъ праведнымъ — если только чистота намѣреній, соединенная съ готовностью честно исполнить все, что считаешь долгомъ, есть праведность.

68.

Мы глумимся и смѣемся надъ человѣкомъ не потому, что онъ смѣшонъ, а потому, что намъ нужно развлечься, посмѣяться. Такъ же негодуемъ мы не потому, что тотъ или иной поступокъ возмутителенъ, а потому, что намъ нужно дать исходъ накопившемуся чувству. Изъ этого, конечно, менѣе всего слѣду-

етъ, что мы должны быть всегда ровными и спокойными. Горе тому, кто вздумалъ бы на землѣ осуществлять идеалъ справедливости...

69.

Мы думаемъ особенно напряженно въ трудныя минуты жизни — пишемъ же лишь тогда, когда намъ больше нечего дѣлать.

Такъ что писатель только въ томъ случаѣ можетъ сообщить что-либо интересное или значительное, когда онъ воспроизводитъ прошлое. Когда намъ нужно думать, намъ, къ сожалѣнію, не до писанія. Оттого-то всѣ книги, въ концѣ концовъ, являются только слабымъ откликомъ пережитаго.

70.

У Чехова есть разсказъ „Бѣда", который очень хорошо иллюстрируетъ, какъ трудно человѣку освоиться съ новой истиной, если она грозитъ прочности его положенія. Купецъ Авдѣевъ не вѣритъ, что онъ виноватъ, что онъ попалъ подъ судъ, что его судятъ, что его даже осудили за безпорядки въ общественномъ банкѣ. Онъ все думаетъ, что настоящее рѣшеніе еще впереди... Въ мірѣ ученыхъ происходитъ нѣчто подобное. Они до того привыкли считать себя невинными и правыми, что рѣшительно ни на одну минуту не допускаютъ мысли, что попадутъ подъ судъ, и, когда до нихъ доходятъ грозные голоса, призывающіе ихъ къ отвѣтственности, они только недовѣрчиво пожимаютъ плечами. „Все это пройдетъ", думаютъ они. Ну, а когда, наконецъ, они убѣдятся, что бѣда, дѣй-

ствительно, ихъ постигла, они, вѣрно, подобно Авдѣеву, станутъ оправдываться тѣмъ, что они и читать-то по писанному толкомъ не умѣютъ. А сейчасъ считаются почтенными, умными, опытными и всезнающими людьми.

71.

Если бы къ Достоевскому пришелъ человѣкъ и сказалъ о себѣ, что онъ безнадежно несчастенъ, великій художникъ людского горя, вѣроятно, въ глубинѣ души хохоталъ бы надъ нимъ и его наивностью. Развѣ можно сознаваться людямъ въ такихъ вещахъ? Развѣ можно такъ жаловаться и ждать все-таки утѣшенія отъ ближнихъ?

Безнадежность — торжественнѣйшій и величайшій моментъ въ нашей жизни. До сихъ поръ намъ помогали — теперь мы предоставлены только себѣ. До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ людьми и человѣческими законами — теперь съ вѣчностью и отсутствіемъ всякихъ законовъ. Какъ можно не знать этого!

72.

Бѣлинскій, въ своемъ знаменитомъ письмѣ, между прочимъ, обвиняетъ Гоголя, что онъ въ „Перепискѣ съ друзьями“ поддался вліянію страха смерти, чертей и ада. Я нахожу это обвиненіе совершенно правильнымъ: Гоголь точно боялся и смерти, и чорта, и ада. Вопросъ только, можно ли всего этого не бояться, и служитъ ли въ этомъ случаѣ безбоязненность доказательствомъ высокой степени развитія человѣческой души? Шопенгауеръ утверждалъ, что смерть всегда была вдохновительницей философіи. Всѣ лучшія поэтическія созданія

вся дивная миѳологія древнихъ и новыхъ народовъ имѣли своимъ источникомъ боязнь смерти. Только современная наука запрещаетъ людямъ бояться и требуетъ отъ нихъ спокойнаго отношенія къ смерти. Отсюда беретъ свое начало утилитаризмъ и позитивная философія. Если хочешь избавиться отъ того и другой, нужно вновь разрѣшить человѣку думать о смерти и не стыдиться своего страха предъ адомъ и чертями. Можетъ быть, еще имѣетъ нѣкоторый смыслъ скрывать такого рода страхъ: въ умѣньѣ скрыть свое волненіе въ минуту великой опасности есть большая красота.

Но притупить человѣческую чуткость и держать его разумъ въ границахъ постигаемаго, какъ принято нынѣ выражаться—такая задача можетъ вдохновить только ограниченное существо. Къ счастью, у человѣчества нѣтъ средствъ, чтобъ произвести надъ собой столь чудовищную кастрацію. Преслѣдуемый Эросъ, правда, прятался отъ глазъ враговъ, но никогда не отрекался отъ себя, и даже самые строгіе средневѣковые монахи не умѣли совсѣмъ вырвать изъ своей груди сердца. Такъ и со стремленіемъ къ безконечному: наука преслѣдуетъ его и каждый разъ налагаетъ на него свое veto. Но даже труженники лабораторіи рано или поздно приходятъ въ себя и съ такой же жаждой рвутся за предѣлы положительнаго знанія, съ какой монахи рвались за стѣны монастырей.

73.

Если судьба—есть, говорятъ, такой законъ—казнитъ преступниковъ, то она имѣетъ свой судъ и для люби-

телей добра. Первыхъ она давитъ, вторыхъ—оплевываетъ. Первые кончаютъ мучительными пытками, вторые—позоромъ.

74.

Философія всегда любила занимать служебное положенія. Въ средніе вѣка она была ancilla teologiae, въ наше время—она прислужница наукъ. А называетъ себя—наукой наукъ.

75.

Я не знаю, что скорѣй заставитъ человѣка итти впередъ безъ оглядки—сознаніе, что за спиной осталась голова Медузы съ страшными змѣями и опасность обратиться въ камень или увѣренность, что за нимъ та прочность и неизмѣнность, которая обезпечивается закономъ причинности и современной наукой. Судя по тому, что теперь происходитъ, судя по тому, до какой степени напряженія дошла въ наше время человѣческая мысль, нужно полагать, что голова Медузы не такъ страшна, какъ законъ причинности. Чтобы убѣжать отъ послѣдняго—человѣкъ готовъ на все: кажется, онъ даже охотнѣй приметъ безуміе—не поэтическое безуміе, которое кончается пылкими рѣчами, а настоящее, за которое сажаютъ въ желтый домъ—чѣмъ вернется на лоно закономѣрнаго познанія дѣйствительности.

76.

„Испытывать чувство радости или печали, торжества или отчаянія, скуки или веселья и т. п., не имѣя

къ тому достаточныхъ основаній, есть вѣрный признакъ душевной болѣзни". Такъ говорится въ учебникахъ психіатріи... Одна изъ современныхъ истинъ, доживающая свои послѣдніе дни.

77.

Нѣмецкій біографъ гр. Толстого высказываетъ сожалѣніе по поводу вѣчныхъ недоразумѣній и ссоръ, происходившихъ между Тургеневымъ и Толстымъ. Ему вспоминаются отношенія Шиллера и Гете, и онъ думаетъ, что русская литература много бы выиграла, если бы два замѣчательныхъ русскихъ писателя были болѣе миролюбивы, находились въ постоянныхъ дружескихъ сношеніяхъ межъ собой и оставили въ назиданіе потомству томъ, другой переписки на разнаго рода философскія и литературныя темы. Можетъ быть, это было бы очень хорошо—но я рѣшительно отказываюсь представить себѣ Толстого и Тургенева, долгое время ведущихъ миролюбивую переписку, особенно на возвышенныя темы. Каждое почти сужденіе Тургенева приводило или могло привести Толстого въ бѣшенство. Любопытный фактъ: Достоевскій такъ же, какъ и Толстой, не любилъ Тургенева и написалъ на него очень злую и обидную, хотя мало похожую каррикатуру, скорѣй даже не каррикатуру, а пасквиль. Повидимому, Достоевскій такъ же, какъ и Толстой, болѣе всего ненавидѣлъ въ своемъ знаменитомъ собратѣ „европейца". Правда, онъ въ этомъ въ значительной степени ошибался, несмотря на всю свою проницательность психолога. Но, съ Достоевскаго уже было достаточно того, что Тургеневъ рядился въ европей-

ское платье и старался быть похожимъ на западнаго человѣка. Самъ Достоевскій дѣлалъ обратное: онъ всячески стремился выкорчевать изъ своей души всѣ корни европеизма, хотя, къ слову сказать, это ему не вполнѣ удавалось, такъ какъ онъ не совсѣмъ ясно давалъ себѣ отчетъ, въ чемъ сила Европы, и чѣмъ опасно ея вліяніе. Но все-таки покойный Михайловскій недаромъ его назвалъ кладоискателемъ. Вѣдь, дѣйствительно, Достоевскій во вторую половину своей литературной дѣятельности уже не искалъ такъ называемыхъ реальныхъ благъ жизни. Въ немъ проснулся русскій, стихійный человѣкъ съ его жаждой чудеснаго. Сравнительно съ тѣмъ, что было ему нужно—всѣ дары европейской цивилизаціи казались плоскими, жалкими, ничтожными. Многолѣтній опытъ нашихъ культурныхъ сосѣдей говорилъ ему, что чуда никогда не было и, повидимому, не будетъ—но все его, еще не прирученное цивилизаціей, существо рвалось къ великому, могучему, неизвѣданному. И удовлетворенный съ виду прогрессистъ, „постепеновецъ“ Тургеневъ вызывалъ въ немъ чувства злобы и ненависти. Толстой какъ-то сказалъ о Тургеневѣ: „я ненавижу его демократическія ляжки“. Достоевскій могъ бы повторить эти слова... Подите, въ угоду нѣмецкому критику, примирите русскихъ писателей и заставьте ихъ благочестиво бесѣдовать на возвышенныя темы! Достоевскій вѣдь былъ на волосокъ отъ ссоры и съ Толстымъ, съ которымъ онъ незадолго до своей смерти началъ полемизировать по поводу „Анны Карениной“. Даже Толстой показался ему слишкомъ сговорчивымъ и уступчивымъ...

78.

Тѣмъ, что для насъ важно и нужно, чѣмъ мы дорожимъ и что дѣйствительно любимъ, мы рѣдко хвастаемъ. И наоборотъ, мы охотно выставляемъ на показъ то, чего мы совсѣмъ не цѣнимъ—ибо не знаемъ, какое другое употребленіе изъ него можно сдѣлать. Продажную любовницу возятъ въ театръ и сажаютъ на виду у всѣхъ, съ любимой женщиной предпочитаютъ оставаться дома или уходить въ неслишкомъ людныя мѣста. То же и съ нашими „добродѣтелями". Каждый разъ, когда мы замѣчаемъ въ себѣ какое-нибудь свойство, намъ совсѣмъ ненужное, мы пробуемъ, не пригодится ли оно людямъ, и торопимся его выставить на показъ. Если оно встрѣтитъ одобреніе—мы рады: хоть какой-нибудь прокъ вышелъ. Актеру, писателю, оратору часто до смерти противны кривлянья, безъ которыхъ невозможенъ успѣхъ у публики—но свою способность кривляться онъ считаетъ за талантъ, за Божій даръ, и лучше согласится умереть, чѣмъ лишиться ея. И вообще „талантъ" считается даромъ Божіимъ только потому, что онъ всегда на виду, что онъ такъ или иначе полезенъ обществу. Всѣ наши сужденія насквозь пропитаны утилитаризмомъ и, если бы попытаться ихъ очистить отъ этого элемента— что́ осталось бы отъ современнаго „міровоззрѣнія"! Вотъ почему юные и неискушенные мыслители обыкновенно вѣруютъ въ harmonia praestabilita, даже если они ничего о Лейбницѣ и не слыхали. Они убѣждаютъ себя, что нѣтъ противорѣчія между идеальными стремленіями и эгоистическими, что, напр., жажда славы и жажда полезной дѣятельности это

только разныя слова для одной и той же вещи. Такая „предпосылка“ часто очень живуча и сохраняется долго даже у людей съ сильнымъ и смѣлымъ умомъ. Мнѣ кажется, что Пушкинъ, если бы онъ даже дожилъ до глубокой старости, не разстался бы съ нею. Тургеневъ въ нее вѣрилъ—насколько вообще можетъ вѣрить человѣкъ его душевнаго склада. Толстой же періодически то вѣрилъ, то не вѣрилъ въ нее, смотря по тому, что ему приходилось дѣлать: когда нужно было разрушать чужія идеи, онъ сомнѣвался, когда онъ защищалъ свои—вѣрилъ. Примѣръ, заслуживающій серьезнаго вниманія и, прежде всего, подражанія; человѣческія истины только и годны, что для служебныхъ цѣлей ..

79.

Человѣкъ настолько консервативное существо, что всякая перемѣна, даже перемѣна къ лучшему пугаетъ его, и онъ обыкновенно предпочитаетъ привычное, хотя бы дурное, старое—новому, даже хорошему. Человѣкъ, много лѣтъ подрядъ бывшій убѣжденнымъ матеріалистомъ, ни за что не согласится признать душу безсмертной, если бы ему даже это доказали more geometrico, и если бы даже онъ былъ трусливѣйшимъ существомъ и боялся смерти, какъ шекспировскій Фальстафъ. Ко всему тому еще самолюбіе! Люди не любятъ признаваться въ своихъ заблужденіяхъ. Это смѣшно, но это—такъ. Люди, ничтожныя, жалкія существа, на каждомъ шагу, какъ это доказываетъ исторія и обыкновенная житейская практика, заблуждающіеся, хотятъ считать себя непогрѣшимыми и всезнающими.

И зачѣмъ? Отчего не признаться прямо и открыто въ своемъ незнаніи? Правда, это не такъ легко достижимо. Подлый разумъ, вопреки нашему желанію, подсовываетъ намъ мнимыя истины, отъ которыхъ мы не умѣемъ отдѣлаться даже тогда, когда замѣчаемъ ихъ призрачность. Сократъ хотѣлъ думать, что ничего не знаетъ—и не могъ: онъ глубоко вѣрилъ въ свое знаніе, онъ думалъ, что ничего, кромѣ того, чему онъ учитъ, не можетъ быть „истиной", онъ принялъ изреченіе оракула и искренно считалъ себя мудрѣйшимъ изъ людей. И мы всѣ соблазнились его мудростью, которая до сихъ поръ держитъ насъ въ плѣну. Декартъ понималъ, что нужно во всемъ усомниться, но не зналъ, съ чего начинать. И такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока философы будутъ считать своей обязанностью учить и спасать ближнихъ. Кто хочетъ помочь людямъ—тотъ не можетъ не лгать. Нужно усомниться не затѣмъ, чтобы потомъ снова вернуться къ твердымъ убѣжденіямъ: это было бы безцѣльно; опытъ показалъ, что такой процессъ приводитъ только отъ одного заблужденія къ другому—въ области послѣднихъ вопросовъ, разумѣется. Нужно, чтобы сомнѣніе стало постоянной творческой силой, пропитало бы собой самое существо нашей жизни. Ибо твердое знаніе есть условіе несовершеннаго воспріятія. Слабый, неокрѣпшій духъ неспособенъ къ слишкомъ быстрымъ, непрерывнымъ перемѣнамъ; ему всегда нужно осматриваться, приходить въ себя—и для этого подольше испытывать одно и то же. Ему нужны даваемые привычкой прочность и устои. Но созрѣвшій духъ презираетъ эти костыли. Ему надоѣло пресмыкаться

на землѣ, онъ отрывается отъ „родной“ почвы и уходитъ въ высь, въ даль, въ безконечное пространство. И вѣдь всякій знаетъ, что не навсегда же мы осуждены жить въ этомъ мірѣ. Но страхъ мѣшаетъ намъ прямо сказать это себѣ, и до поры до времени мы молчимъ. Но приходятъ несчастія, болѣзни, старость — и страхъ, который мы хотѣли отогнать отъ себя, дѣлается постояннымъ спутникомъ нашей жизни. Мы уже не можемъ отъ него отдѣлаться и поневолѣ съ любопытствомъ начинаемъ присматриваться къ ненавистному спутнику. И тогда мы замѣчаемъ, что онъ не только пытаетъ насъ, но, вмѣстѣ съ нами и за насъ, дѣлаетъ странное и непривычное дѣло: перегрызаетъ всѣ нити, которыми мы были привязаны къ прежнему существованію. Намъ кажется иногда, что еще нѣсколько мгновеній и насъ ничто не въ силахъ будетъ больше удержать, что осуществится вѣчная мечта пресмыкающагося человѣка: онъ освободится отъ тяжести и уйдетъ далеко отъ проклятой земной юдоли... Предчувствіе ли это, или галлюцинаціи измученной души?..

80.

На моралистовъ нападаютъ за то, что они рекомендуютъ людямъ „нравственное утѣшеніе“. Но, собственно говоря, эти обвиненія не совсѣмъ справедливы. Моралисты, вѣроятно, съ большей радостью замѣнили бы свои отвлеченные дары болѣе реальными, если бы только могли. Толстой въ молодости хотѣлъ осчастливить человѣческій родъ и только подъ старость, убѣдившись, что осчастливить не въ его силахъ, сталъ проповѣдовать отреченіе, резиньяцію и т. п. И какъ

онъ сердится, когда люди не соглашаются принять его ученіе! А вѣдь можетъ быть, что, если бы Толстой вмѣсто того, чтобы выдавать свое ученіе за рѣшеніе послѣднихъ вопросовъ и за оптимизмъ, говорилъ бы о невозможности удовлетворительныхъ отвѣтовъ и выступалъ пессимистомъ, его бы охотнѣе слушали и меньше возражали. Теперь онъ раздражаетъ преимущественно тѣмъ, что, не умѣя облегчить ближнихъ, онъ требуетъ, чтобы ближніе считали себя, или по крайней мѣрѣ притворялись, получившими облегченіе, даже осчастливленными имъ. На это мало кто соглашается: съ какой стати добровольно отказываться отъ своихъ правъ? Вѣдь право браниться и проклинать судьбу—хоть и не, Богъ знаетъ, какое большое, но все таки право...

81.

Ивановъ—въ драмѣ А. Чехова того же названія—сравниваетъ себя съ надорвавшимся рабочимъ: рабочій умеръ, и Иванову остается только умереть. Но логика, какъ извѣстно, рекомендуетъ съ большой осторожностью относиться къ умозаключеніямъ по аналогіи. Вѣдь вотъ-же самъ Чеховъ, вынесшій, по всѣмъ видимостямъ, въ своей душѣ такую же драму, какъ Ивановъ, не умеръ и даже не оказался лишнимъ человѣкомъ! Онъ что то дѣлаетъ, онъ борется, ищетъ, и его дѣло кажется намъ такимъ же важнымъ и значительнымъ, какъ и другія важныя человѣческія дѣла. Ивановъ застрѣлился, потому что Чеховъ не кончилъ еще своей борьбы, а драму нужно было кончать—того требуетъ современная эстетика, которая отъ ари-

стотелевскихъ единствъ отказалась, но не допускаетъ и мысли о возможности пьесы безъ развязки. Еще немного времени—и драматическіе писатели избавятся отъ этого стѣсненія: имъ разрѣшатъ открыто признаться, что они не знаютъ, какъ и чѣмъ кончать. Въ повѣстяхъ уже и теперь обходятся безъ конца.

82.

Еще о томъ же. Ивановъ говоритъ: „Ну, гдѣ же мое спасеніе? Въ чемъ? Если неглупый, образованный и здоровый человѣкъ безъ всякой видимой причины сталъ пѣть Лазаря и покатился по наклонной плоскости, то онъ катитъ уже безъ удержа и нѣтъ ему спасенія“. Одинъ выходъ: признать наклонную плоскость и движеніе безъ удержу нормальнымъ явленіемъ. И даже болѣе: искать въ этомъ доказательство своихъ духовныхъ преимуществъ предъ другими людьми. Разумѣется, при этомъ нужно отойти въ сторону, не свататься къ молодымъ дѣвушкамъ, не брататься съ тѣми, которые еще живутъ, какъ всѣ,—а быть одному. „Любовь—вздоръ, ласки—приторны, въ трудѣ нѣтъ смысла, пѣсня и горячія рѣчи пошлы и стары“, продолжаетъ Ивановъ. Для молодой Саши эти слова страшны — но Ивановъ съ ними справится, справился. Это ничего, что онъ шатается: стрѣляться ему еще рано. Онъ будетъ жить, пока живетъ его творецъ, Чеховъ. А мы прислушаемся къ шатающемуся, колеблющемуся міровоззрѣнію. Намъ стройность и законченность такъ же надоѣли, какъ и буржуазное самодовольство.

83.

Изъ сказаннаго видно, что уже въ „Ивановѣ“, одномъ изъ своихъ раннихъ произведеній, Чеховъ выступаетъ въ роли advocatus diaboli. Куда Ивановъ ни является, онъ вноситъ гибель и разрушеніе. Чеховъ, правда, не рѣшается явно брать его сторону и не знаетъ, повидимому, что дѣлать со своимъ героемъ, а потому отдѣлывается отъ него, развязываетъ, такъ сказать, себѣ руки умышленно шаблоннымъ способомъ: Ивановъ на виду у всѣхъ стрѣляется—ему даже некогда было отойти въ сторону и покончить съ собой такъ, чтобъ никто не видѣлъ. Единственнымъ оправданіемъ Иванова является каррикатура на честность—докторъ Львовъ. Львовъ не живая фигура — это всякому ясно. Но этимъ онъ и замѣчателенъ. Замѣчательно, что Чехову понадобилось воскресить забытаго Стародума фонвизинской комедіи—но уже не затѣмъ, чтобъ принудить людей поклониться воплощенію добродѣтели, какъ дѣлали прежніе драматурги, а наоборотъ, затѣмъ, чтобы дать возможность надругаться надъ нимъ. Посмотрите только на эту честность—Львова. По старой привычкѣ, она еще выпячиваетъ грудь, говоритъ громкимъ и голосомъ и властнымъ тономъ, но всѣ прежніе ея вѣрноподданные не ставятъ ее ни въ грошъ. Даже не удостаиваютъ ее насмѣшки, а оплевываютъ и нетерпѣливо выталкиваютъ за дверь, какъ опостылѣвшую и наглую приживалку. Бѣдная честность! До чего она дожила! Видно и добродѣтелямъ не слѣдуетъ слишкомъ долго заживаться на землѣ.

Дядя Ваня у Чехова готовъ броситься на шею своему другу и сопернику, доктору,—броситься на шею

и разрыдаться, какъ плачутъ маленькія дѣти. Но онъ чувствуетъ, что и самъ докторъ испытываетъ такую же неутолимую жажду утѣшенія и ободренія. И бѣдная Соня уже не имѣетъ силъ одинако выносить свое дѣвичье горе. Всѣ они блуждающими, потерянными, испуганными глазами ищутъ человѣка, который могъ бы снять съ нихъ часть ихъ невыносимыхъ страданій—но вездѣ находятъ то же, что у себя. Всѣ чрезмѣрно обременены, ни у кого нѣтъ силъ вынести собственные ужасы, не то, что облегчить другого. И послѣднее утѣшеніе отнимается у бѣдныхъ людей: нельзя жаловаться, нѣтъ сочувственнаго взгляда. На всѣхъ лицахъ одно выраженіе—безнадежности и отчаянія. Каждому приходится нести свой крестъ—и молчать. Никто не плачетъ, не говоритъ жалкихъ словъ—это было бы неумѣстно и неприлично. Когда самъ дядя Ваня, не сразу давшій себѣ отчетъ о безысходности своего положенія, начинаетъ кричать: пропала жизнь!—никто не хочетъ прислушиваться къ его крику. „Пропала, пропала—всѣ знаютъ, что пропала. Молчи, вопли не помогутъ. И выстрѣлы не разрѣшатъ ничего“. Здѣсь всѣ могли бы повторить то, что говоришь ты—но не повторяютъ и не плачутъ:

Вы думаете, плакать стану я?
Мнѣ есть о чемъ рыдать, но прежде сердце
Въ груди на тысячи кусковъ порвется...
Шутъ мой—я съ ума сойду!

Постепенно водворяется грозное, вѣчное молчаніе кладбища. Всѣ безмолвно сходятъ съ ума, понимаютъ, что съ ними происходитъ, и рѣшаются на послѣднее средство: навсегда затаить отъ людей свое горе и го-

ворить обыденныя, незначущія слова, которыя принято считать разумными, значительными, свѣтлыми даже. И уже никто больше не станетъ кричать „пропала жизнь“ и соваться со своими переживаніями къ ближнимъ. Каждый знаетъ, что позорно „проворонить жизнь“ и что свой позоръ нужно навсегда скрыть отъ чужихъ глазъ. Послѣдній законъ на землѣ—одиночество... Résigne-toi, mon coeur, dors ton sommeil de brute!

85.

Ни на чемъ не основанныя соображенія. „Ни на чемъ не основанныя“, ибо, кажется, они вызваны общимъ предположеніемъ объ осмысленности человѣческаго существованія, а вѣдь оно дитя нашихъ желаній и дитя, вѣроятно, незаконное... Пушкинъ опоэтизировалъ въ „Скупомъ рыцарѣ“ скрягу, Гоголь въ Плюшкинѣ, наоборотъ, создалъ для скупости страшный образъ. Повидимому, къ дѣйствительности былъ ближе Гоголь. Скупой безобразенъ, какъ его ни разсматривай—снаружи или изнутри. И все-таки, не слѣдовало бы Гоголю учить людей сохранять въ старости идеалы юности. Коли есть старость—нечего ее исправлять и еще меньше извиняться за нее. Нужно принять ее и стараться подсмотрѣть, въ чемъ ея сущность. Плюшкинъ, грязный и грубый маньякъ, намъ противенъ, но, кто знаетъ? можетъ быть, онъ дѣлаетъ свое, возложенное на него природой, серьезное и важное дѣло. Онъ весь проникнутъ однимъ стремленіемъ—и ко всему, что происходитъ въ мірѣ, равнодушенъ. Ему все равно, что о немъ скажутъ люди. Ему вся равно, сытъ ли онъ или голоденъ, согрѣтъ или холоденъ, умытъ или

грязенъ. Вообще ни одно внѣшнее событіе не можетъ отвлечь его вниманія отъ невидимой намъ внутренней работы. Онъ безкорыстно скупъ, если можно такъ выразиться. И богатство его ему вовсе не нужно. Онъ гноитъ его въ отвратительной кучѣ и даже не мечтаетъ, какъ пушкинскій рыцарь, о могуществѣ, о чертогахъ, которые онъ могъ бы воздвигнуть, о рѣзвыхъ нимфахъ. Къ чему направлены его силы? Объ этомъ никому нѣтъ времени подумать. Всѣ, при видѣ Плюшкина, вспоминаютъ только о приносимомъ имъ вредѣ. Люди, конечно, правы: Плюшкины, гноящіе богатства, очень вредны. И общественная точка зрѣнія почти всегда умѣстна. Но только—почти. Иногда не мѣшаетъ морали и общественнымъ соображеніямъ умолкнуть—авось удастся разгадать загадку скупости, безобразія, старости...

86.

Есть достаточно основаній къ тому, чтобы недовѣрчиво относиться къ жизни. Она столько разъ обманывала насъ въ самыхъ завѣтныхъ ожиданіяхъ нашихъ. Но еще больше основаній есть недовѣрять разуму: вѣдь, если жизнь могла обмануть насъ, то только потому, что безсильный разумъ дался въ обманъ. Можетъ быть, онъ самъ себѣ этотъ обманъ и выдумалъ и только изъ самолюбія валитъ съ больной головы на здоровую. Такъ что, въ концѣ концовъ, выбирая между жизнью и разумомъ, отдаешь предпочтеніе первой. Уже не стараешься предвидѣть и объяснять, а ждешь, принимая все непоправимое за должное. Поэтому, вѣроятно, Нитше, видя, какъ постепенно разрушаются всѣ его надежды и понявъ, что прошлыхъ силъ уже

не вернуть, что съ каждымъ днемъ ему будетъ все хуже и хуже, писалъ (частное письмо отъ 28 мая 1883 г.): Ich will es so schwer haben, wie nur irgend ein Mensch es hat; erst unter diesem Drucke gewinne ich das gute Gewissen dafür, etwas zu besitzen, das wenige Menschen haben und gehabt haben: Flügel, um im Gleichnisse zu reden. Въ этихъ простыхъ и немногихъ словахъ ключъ къ философіи Нитше.

87.

„Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ—изъ дѣтей ничтожныхъ міра, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ“. Разскажите обыкновеннымъ языкомъ мысль Пушкина и получится страничка изъ невропатологіи: всѣ неврастеники обыкновенно переходятъ отъ состоянія крайней возбужденности—къ совершенной прострации. Поэты—тоже: и гордятся этимъ.

88.

Застѣнчивые люди обыкновенно воспринимаютъ впечатлѣнія заднимъ числомъ. Въ ту минуту, когда на ихъ глазахъ что-либо происходитъ, они ничего не замѣчаютъ и только впослѣдствіи, воспроизведши въ памяти отрывокъ изъ прошлаго, они даютъ себѣ отчетъ въ томъ, что видѣли. И тогда ретроспективно въ ихъ душѣ возникаютъ чувства обиды, жалости, удивленія съ такой живостью, какъ будто бы дѣло шло не о прошломъ, а о настоящемъ. Поэтому, застѣнчивые люди всегда опаздываютъ съ дѣломъ и всегда много думаютъ: думать никогда не поздно. Робкіе при другихъ, они доходятъ до большой смѣлости, когда остаются наединѣ съ собой. Они плохіе

ораторы—но часто замѣчательные писатели. Ихъ жизнь бѣдна и скучна, ихъ не замѣчаютъ—пока они не прославятся. Когда же приходитъ слава—общее вниманіе уже не нужно.

89.

Если бы Лаевскій (въ „Дуэли“ Чехова) былъ писателемъ и имѣлъ литературное дарованіе, всѣ бы говорили, что онъ оригиналенъ и занимается изслѣдованіемъ „мистики пола“, какъ Габріэль д'Аннунціо, напримѣръ. А теперь онъ—пошлякъ. И его праздность ставятъ ему въ упрекъ: хотятъ, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, бумаги переписывалъ.

90.

Изъ наблюденій надъ дѣтьми. Эгоизмъ въ человѣкѣ насъ поражаетъ непріятно главнымъ образомъ въ виду того, что онъ свидѣтельствуетъ о нашей бѣдности. „Я не могу отдать ближнему отъ своего избытка, мнѣ самому мало останется“. Намъ хотѣлось бы, чтобы мы могли царственно щедрой рукой разбрасывать богатства, и когда мы видимъ, что кто-либо прикрываетъ свои лохмотья фразой „собственность священна“, намъ обидно. Священное отъ боговъ, а у боговъ всего вдоволь, и они не считаютъ, какъ смертные.

91.

Мы видимъ, что человѣкъ раскаивается въ своемъ поступкѣ, и дѣлаемъ отсюда заключеніе: такихъ поступковъ нужно избѣгать. Примѣръ ложнаго, но безукоризненнаго на видъ заключенія. Проходитъ нѣкото-

рое время, и мы видимъ того же человѣка, вновь раскаивающагося по поводу второго такого же поступка. Если мы дорожимъ логикой, то это утвердитъ насъ въ нашемъ первомъ выводѣ. Если же мы не дорожимъ логикой, мы скажемъ: человѣку одинаково нужно и совершать „поступки“, и каяться. Иногда, впрочемъ, ошибка перваго заключенія исправляется иначе. Сдѣлавъ выводъ, что раскаяніе говоритъ за необходимость избѣгать извѣстныхъ дѣлъ, человѣкъ всю жизнь ихъ избѣгаетъ и вдругъ съ необыкновенной ясностью начинаетъ испытывать раскаяніе по поводу того, что онъ „не дѣлалъ“. Но тогда уже заключеніе практически безполезно: жизнь окончена, и просвѣтлѣвшій умъ не знаетъ, какъ отдѣлаться отъ ненужнаго свѣта.

92.

Версія одной изъ сценъ „Власти тьмы“ совсѣмъ напоминаетъ одноактныя метерлинковскія пьесы. О заимствованіи тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи: въ то время, когда была написана „Власть тьмы“, никто еще не слышалъ о Метерлинкѣ. Толстой, очевидно, хотѣлъ попытаться творить въ новомъ родѣ и освободиться отъ собственной, выработанной десятками лѣтъ упорнаго труда манеры. Но рискъ былъ слишкомъ великъ. Онъ предпочелъ лѣчиться отъ сомнѣній обыкновеннымъ способомъ—работой, гигіенической жизнью, и взялся за плугъ.

93.

Всякъ куликъ свое болото хвалитъ: Лермонтовъ видѣлъ признакъ духовнаго аристократизма въ ослѣ-

нительной бѣлизнѣ бѣлья и всегда заставлялъ одѣваться своихъ любимыхъ героевъ со вкусомъ. Достоевскій, наоборотъ, презиралъ „внѣшность“; на Дмитріи Карамазовѣ грязное бѣлье - и это ставится ему въ заслугу или почти въ заслугу.

94.

Тургеневъ еще въ молодые годы, въ ту пору когда писалъ свой разсказъ „Довольно“, видѣлъ, что ему предстоитъ въ жизни нѣчто ужасное. Видѣлъ, но не испугался, хотя понималъ, что ему слѣдуетъ испугаться заблаговременно, что жизнь безъ постоянной внутренней тревоги для него уже не имѣетъ смысла.

95.

Наполеонъ слылъ знатокомъ человѣческой души, Шекспиръ—тоже. И ихъ знанія не имѣютъ межъ собой ничего общаго.

96.

То, что̀ мы называемъ фантазіей и что̀ мы такъ цѣнимъ въ великихъ поэтахъ—есть въ сущности разпузданное, распущенное, если даже хотите, развращенное воображеніе. Въ обыкновенныхъ смертныхъ мы считаемъ это порокомъ, но поэтамъ мы все прощаемъ за пользу или удовольствіе, которыя они намъ доставляютъ своими произведеніями. Несмотря на наши возвышенныя теоріи мы всегда были въ своихъ сужденіяхъ большими практиками, утилитаристами. Только одинъ Платонъ рѣшился изгнать поэта изъ своего государства. Затѣмъ прошло двѣ съ половиной ты-

сячи лѣтъ, прежде чѣмъ Толстой, въ свою очередь, позволилъ себѣ предложить на выборъ поэтамъ: либо будьте добродѣтельны, либо перестаньте творить и откажитесь отъ учительской славы. Какъ извѣстно, если Толстого не подняли на смѣхъ, то единственно изъ уваженія къ его прошлому и сѣдинамъ—во всякомъ случаѣ, никто не принялъ его слова серьезно. Наоборотъ, никогда еще поэты не чувствовали себя столь свободными отъ стѣсненій морали, какъ въ наше время. Если бы Шиллеръ сталъ писать теперь свои драмы и философскія статьи, ихъ бы никто, вѣроятно, не захотѣлъ читать. Въ самомъ Толстомъ насъ интересуютъ не столько его добродѣтели, сколько его пороки. Все его творчество мы начинаемъ объяснять не столько его стремленіемъ къ идеаламъ, сколько несоотвѣтствіемъ между извнѣ навязанными ему идеями и рвавшимися на просторъ запросами его недобродѣтельной души... Николенька Иртеньевъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ на площадкѣ, подсматривая, какъ его старшій братъ Володя ловеласничаетъ съ горничными дѣвушками, но никогда не могъ принудить себя подражать Володѣ, хотя ему этого хотѣлось „больше всего на свѣтѣ". Горничная говорила Володѣ: „отчего Николай Петровичъ никогда не приходитъ сюда и не дурачится?" „Она не знала, что Николай Петровичъ сидитъ въ эту минуту подъ лѣстницей и все на свѣтѣ готовъ отдать, чтобъ быть на мѣстѣ шалуна Володи". „Все на свѣтѣ"—повторено два раза. Толстой приводитъ и психологическое объясненіе поведенія своего маленькаго героя: „я былъ, разсказываетъ Николенька, стыдливъ отъ природы, но моя

стыдливость еще увеличивалась убѣжденіемъ въ моей уродливости!“ Уродство, сознаніе своего уродства ведетъ къ стыдливости—что можетъ быть хорошаго въ добродѣтели, имѣющей такое подозрительное происхожденіе! И какъ можно довѣрять нравственности толстовскихъ героевъ! Сознаніе уродства своего порождаетъ стыдливость, стыдливость загоняетъ страсти во внутрь и не даетъ имъ естественно проявляться. Понемногу развивается чудовищная противоположность между фантазіей и ея запросами и способностью осуществлять ихъ. Вѣчный голодъ и съуженный, не проводящій пищи пищеводъ. Отсюда и ненависть къ фантазіи съ ея несбывающимися и несбыточными надеждами... Въ наши дни никто не бичевалъ такъ любовь, какъ Толстой во „Власти тьмы“. А между тѣмъ подвиги деревенскаго Донъ-Жуана вовсе не такъ уже обязательно должны разрѣшиться трагедіей. Но Толстой ненавидитъ „больше всего на свѣтѣ“ Донъ-Жуановъ, красивыхъ, смѣлыхъ, удачливыхъ, довѣряющихъ себѣ, переводящихъ мысль въ дѣло, побѣждающихъ женщинъ и осмѣливающихся подавать руку живымъ каменнымъ статуямъ—и мститъ имъ по мѣрѣ силъ въ своихъ произведеніяхъ...

97.

Въ драмѣ будущаго обстановка будетъ совсѣмъ иная, чѣмъ въ современной драмѣ. Прежде всего будетъ устранена вся сложность перипетіи. У героя есть прошлое—воспоминанія, но нѣтъ настоящаго: ни жены, ни невѣсты, ни друзей, ни дѣла. Онъ одинъ и разговариваетъ только съ самимъ собой или съ вообража-

емыми слушателями. Живетъ вдали отъ людей. Такъ что сцена будетъ изображать либо необитаемый островъ, либо комнату въ большомъ многолюдномъ городѣ, гдѣ, среди милліоновъ обывателей, можно жить такъ же, какъ на необитаемомъ островѣ. Отступить назадъ къ людямъ и общественнымъ идеаламъ герою нельзя. Значитъ, нужно итти впередъ къ одиночеству, абсолютному одиночеству. Даже теперь уже никто, глядя на Плюшкина, не станетъ, подобно Гоголю, патетически призывать людей беречь до самой старости свои юношескіе идеалы. Теперь юноши пойдутъ къ Плюшкину, но не затѣмъ, чтобъ посмѣяться надъ нимъ или въ его страшномъ образѣ найти для себя предостереженіе—а затѣмъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли какъ разъ у него, въ его грязной кучѣ, тамъ, гдѣ менѣе всего ожидали, жемчужинъ... Ликургу удалось заморозить спартанцевъ на нѣсколько столѣтій—но и для нихъ наступила оттепель, съ которой исчезла вся ихъ твердость. Послѣдніе остатки дорическаго, окаменѣлаго искусства поступаютъ въ музеи... Что-то будетъ?...

98.

Довлѣетъ дневи злоба его. Если я весной не посѣю, у меня не будетъ осенью хлѣба. Каждый день несетъ съ собой достаточно заботъ и хлопотъ для бѣднаго, слабаго человѣка. Стоитъ ему на минуту забыть о дѣлахъ, и онъ погибнетъ: умретъ отъ голода или холода. Только для того, чтобъ сохранить себя, намъ необходимо напрягать всѣ свои умственныя и физическія силы; болѣе—мы принуждены весь окружающій насъ міръ представлять себѣ въ такомъ видѣ, кото-

рый бы наиболѣе соотвѣтствовалъ возможности добыть нужныя для существованія средства. Объ истинѣ некогда думать—да и при чемъ тутъ истина! Оттого-то явился на свѣтъ позитивизмъ съ теоріей естественнаго развитія. На самомъ дѣлѣ все, что мы видимъ, загадочно и таинственно. Мелкая мошка и огромный слонъ, ласковый вѣтерокъ и снѣжный ураганъ, молодое деревцо и исполинская гора—откуда все это? Почему, отчего непрерывно напрашиваются, но не произносятся: ради нужды дня философія всегда отодвигается на задній планъ. Думаютъ только тѣ, кто не умѣетъ, не можетъ или, по безпечности, не хочетъ заботиться о самосохраненіи, т. е. больные, лѣнивые или отчаянные люди. Они вновь возвращаются къ загадкѣ, которую люди дѣла, въ глубокой увѣренности въ правотѣ своей, обратили въ „естественность“.

99.

Кантъ, а за нимъ Шопенгауеръ особенно любили эпитетъ „безкорыстный“ и употребляли его въ тѣхъ случаяхъ, когда уже предварительно истощили весь запасъ имѣвшихся въ ихъ распоряженіи хвалебныхъ словъ. „Безкорыстное размышленіе“ — не преслѣдующее никакой практической цѣли — высшій идеалъ, который, по Шопенгауеру, можетъ поставить себѣ человѣкъ: эту истину онъ считалъ общеобязательной, апріорной. Но если бы случай завелъ его въ кругъ русскихъ мужиковъ — ему бы пришлось измѣнить свое мнѣніе. Тамъ размышленія о судьбахъ и смыслѣ міра, о безконечности и т. п. никоимъ образомъ не считались бы безкорыстными — особенно, еслибы человѣкъ, имъ отдающійся,

одновременно предъявлялъ — какъ и полагается философу — притязанія на полную свободу отъ физическаго труда. Тамъ бы философа, будь онъ хоть Платономъ, заклеймили бы позорнѣйшимъ прозвищемъ лѣнтяя. Тамъ высшею дѣятельностью считается корыстная, направленная къ строго опредѣленной практической цѣли; и, если бы мужики умѣли учено говорить, они бы навѣрное назвали лежащій въ основаніи ихъ сужденія принципъ апріорнымъ. Толстой, черпающій свою мораль изъ народныхъ источниковъ, тоже нападаетъ на ученыхъ именно въ виду того, что они не хотятъ работать, а безкорыстно занимаются отысканіемъ истины.

100.

Что человѣкъ — почти каждый — десять разъ на день мѣняетъ свои убѣжденія, это ясно для всякаго безпристрастнаго наблюдателя. Объ этомъ много разъ говорилось, это служило предметомъ сатирическихъ и юмористическихъ изображеній для многихъ писателей. И въ томъ, что быть неустойчивымъ въ своихъ сужденіяхъ — это порокъ, никто не сомнѣвался. Наше воспитаніе на три четверти сводится къ тому, чтобы пріучить насъ самымъ тщательнымъ образомъ скрывать въ себѣ перемѣнчивость въ сужденіяхъ и настроеніяхъ. Человѣкъ, не умѣющій сдержать свое слово—послѣдній человѣкъ: на него ни въ чемъ нельзя положиться. Тоже и человѣкъ, не имѣющій прочныхъ убѣжденій: совмѣстная дѣятельность съ нимъ невозможна. Мораль, здѣсь, какъ и всегда, исходящая изъ утилитарныхъ соображеній, выдвигаетъ „вѣчный“ принципъ: ты долженъ всегда оставаться вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ.

Въ культурныхъ кругахъ эта заповѣдь считается до того незыблемой, что люди даже предъ собою боятся оказаться непостоянными. Онѣ окаменѣваютъ въ своихъ вѣрованіяхъ, и для нихъ нѣтъ большаго стыда, чѣмъ признаться, что они перемѣнили свои мнѣнія. И когда прямые люди, какъ Монтэнь, открыто разсказываютъ о непостоянствѣ своихъ взглядовъ и настроеній — это многимъ даже кажется неправдой, клеветой на самого себя. Не нужно ни видѣть, ни слышать, ни понимать, что вокругъ тебя происходитъ: разъ ты сформировался, ты потерялъ право расти, ты долженъ оставаться статуей, о которой всѣ знаютъ, въ чемъ ея качества и въ чемъ недостатки.

101.

Всякое философское „міровоззрѣніе“ стремится, исходя изъ того или иного разрѣшенія общей проблемы человѣческаго существованія, такъ или иначе направить нашу жизнь. Но, у насъ нѣтъ ни силъ, ни данныхъ для разрѣшенія общей проблемы и, слѣдовательно, всѣ наши моральные выводы, будутъ болѣе или менѣе (т. е., говоря честно, только болѣе) произвольны и свидѣтельствовать только о нашихъ предразсудкахъ, если мы боязливы по природѣ, или о нашихъ склонностяхъ и вкусахъ, если мы привыкли довѣрять себѣ. Но поддерживать предразсудки жалкое и недостойное человѣка дѣло: кажется, никто не станетъ этого оспаривать. А потому, перестанемъ огорчаться разногласіями нашихъ сужденій и пожелаемъ, чтобъ въ будущемъ ихъ было какъ можно больше. Истины нѣтъ — остается предположить, что истина въ перемѣнчивыхъ

человѣческихъ вкусахъ. Поскольку того требуютъ условія совмѣстнаго существованія (общественныя) — постараемся сговориться: но ни на іоту больше. Каждое соглашеніе, не вызываемое необходимостью, будетъ преступленіемъ противъ Духа Святого.

102.

А. П. Чеховъ умѣетъ очень хорошо изложить систему, даже нѣсколько системъ міровоззрѣнія и не разъ это дѣлаетъ въ своихъ разсказахъ (напр., „Дуэль“— гдѣ фонъ-Коренъ говоритъ точно съ кафедры), но онъ не знаетъ, для какой надобности, кромѣ чисто литературныхъ, могутъ пригодиться системы. Когда пишешь разсказъ и нужно заставить героя хорошо и послѣдовательно поговорить, система годится. Но, когда остаешься наединѣ съ собой — неужели можно вспомнить серьезно о „міровоззрѣніи“? Даже нѣмецъ, повидимому, такъ далеко въ своемъ „идеализмѣ“ не заходитъ. Владимиръ Семеновичъ (молодой писатель въ разсказѣ „Хорошіе люди“) искренно и глубоко вѣритъ въ свои идеи—но даже о немъ, несмотря на его очевидную комическую ограниченность, нельзя сказать, что онъ видѣлъ въ своихъ идеяхъ больше, чѣмъ привычныя, ставшія второй природной обстановкой, картинки. Жилъ онъ, разумѣется, не идеями. Оттого-то Чеховъ и правъ, когда пѣніе gaudeamus igitur и писаніе статей гуманнаго содержанія онъ называетъ одинаково важнымъ для Владимира Семеновича дѣломъ. Когда сестра Владимира Семеновича начинаетъ думать — самыя высокія идеи ея брата, предъ которыми она сама прежде благоговѣла, начи-

наютъ ей казаться пошлыми и постылыми. Братъ не понимаетъ ни ея, ни ея вражды къ прогрессу, гуманности, татьянину дню, gaudeamus igitur. Чеховъ же понимаетъ. Только, правда, слово понимаетъ здѣсь не имѣетъ своего обычнаго значенія. Пока ребенокъ питался молокомъ матери, онъ всегда чувствовалъ себя ровно и легко. Когда же пришлось бросить молоко и начать пить водку — а съ возрастомъ это неизбѣжно: таковъ законъ человѣческій — младенческіе сны на яву ушли въ область невозвратнаго прошлаго.

103.

Философы восхваляютъ, какъ высшую и достойнѣйшую цѣль нашего существованія, душевное спокойствіе, aequanimitas. Но, въ такомъ случаѣ идеаломъ для насъ должны служить животныя, которыя въ смыслѣ невозмутимости не оставляютъ желать ничего. Посмотрите на пасущуюся овцу или корову. О прошломъ онѣ не вспоминаютъ, о будущемъ не догадываются и цѣликомъ живутъ настоящимъ, которое, при наличности хорошаго пастбища, ихъ вполнѣ удовлетворяетъ.

104.

Голодному человѣку дали кусокъ хлѣба и сказали ласковое слово—ему показалась ласка дороже хлѣба. Но, если бы его только приласкали и не накормили, онъ, можетъ быть, возненавидѣлъ бы добрыя слова. Поэтому, нужно всегда быть очень осторожнымъ въ заключеніяхъ—конечно, при предположеніи, что истина нужнѣе, чѣмъ утѣшающая ложь. Очень рѣдко можно

наблюдать связь изолированныхъ явленій. Обыкновенно нѣсколько причинъ вызываютъ сразу одно послѣдствіе. При нашей склонности къ идеализированію мы всегда выдвигаемъ впередъ ту причину, которая намъ кажется наиболѣе возвышенной.

105.

Странное противорѣчіе: мы видимъ, какъ вокругъ насъ гибнутъ тысячи человѣческихъ существъ, и тѣмъ не менѣе продолжаемъ ходить осторожно, чтобъ не раздавить червяка! Чувство состраданія живетъ въ насъ, но приспособленное къ условіямъ нашего существованія. Оно не можетъ спасти всѣхъ—и потому, предъ лицомъ ужасовъ жизни, молчитъ. Оно можетъ кой-кому помочь—и поднимаетъ часто ужаснѣйшіе вопли по поводу маленькой несправедливости. А Шопенгауеръ хотѣлъ сдѣлать состраданіе метафизической основой морали.

106.

Отвергать логику, какъ средство, какъ одно изъ средствъ или одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія познанія, было бы неразсчетливо. Да и зачѣмъ? Ради послѣдовательности? То есть ради логики же? Но логика, какъ самоцѣль или даже какъ единственный способъ познаванія, это дѣло иное: тутъ нужно бороться, хотя бы имѣлъ противъ себя всѣ авторитеты мысли—начиная съ Аристотеля.

107.

„Когда волнуется желтѣющая нива, и свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка.... счастье я могу пости-

гнуть на землѣ и въ небесахъ я вижу Бога". Бываетъ и такъ, но бываетъ и иначе. Иной разъ и нива волнуется, и лѣсъ шумитъ, и ручей нашептываетъ свои лучшія сказки, а человѣкъ все-таки не можетъ постичь счастья и не забываетъ усвоенную имъ въ дѣтствѣ истину, что небо—это только оптическая иллюзія. Но, если небо и безбрежныя поля не убѣждаютъ, неужели аргументація Канта и десятковъ его большей частью бездарныхъ толкователей можетъ что-нибудь сдѣлать?

108.

Величайшее искушеніе. „Въ великомъ инквизиторѣ" Достоевскаго кроется ужасная мысль. Кто можетъ быть увѣренъ, говоритъ онъ—иносказательно, конечно,—что распятому Христу, когда онъ произносилъ свои слова: „Господи, отчего ты покинулъ меня", не вспомнились слова злого духа, предлагавшаго ему за одинъ поклонъ власть надъ всѣмъ міромъ, и, что вспомнивши о нихъ, онъ не раскаялся, что не принялъ предложенія сатаны.... О такихъ искушеніяхъ можно было бы и не разсказывать читателямъ....

109.

Изъ будущихъ сужденій о современной Европѣ: „Странную картину представляла намъ Европа XIX, XX-го вѣка. Христіанство, послѣ Лютера, выродилось въ мораль—перерѣзавшую всѣ нити, соединявшія человѣка съ Богомъ. Вмѣстѣ съ раціонализированіемъ религіи и вся жизнь пріобрѣла плоско раціональный характеръ. Рыцарство замѣнилось постоянной арміей, насильно вербовавшейся по принципу общей воинской повинности и существовавшей, главнымъ образомъ, для

парадовъ и придворныхъ надобностей. Алхимія, искавшая философскаго камня, смѣнилась химіей, изыскивавшей наилучшіе способы дешеваго изготовленія дешевыхъ продуктовъ; астрологія, гадавшая по звѣздамъ о судьбахъ человѣка, смѣнилась астрономіей, предсказывавшей солнечныя затмѣнія и появленія на небѣ кометъ. Даже одежда людей этого періода странно обезцвѣтилась: не только мужчины, но и женщины почти всѣ носили одинаковое и одноцвѣтное платье. Замѣчательнѣе всего, что эта эпоха не только не замѣчала своей незначительности,—но гордилась собой. Людямъ того времени казалось, что никогда еще человѣчество не вносило такъ много въ общую сокровищницу всемірнаго духовнаго богатства. Теперь, разумѣется, мы улыбаемся ихъ наивности, но, если бы явился тогда кто-либо, кто позволилъ бы себѣ пренебрежительно отозваться объ основахъ современной культуры, его немедленно объявили бы безнравственнымъ или бы посадили въ сумасшедшій домъ: страшное наказаніе, очень обычное въ то грубое время—теперь намъ даже трудно себѣ представить, что оно влекло за собой. Но въ тѣ времена прослыть безнравственнымъ или попасть въ сумасшедшій домъ было страшнѣе, чѣмъ умереть. Одинъ изъ извѣстныхъ поэтовъ XIX вѣка, Александръ Пушкинъ, писалъ: не дай мнѣ Богъ сойти съ ума, нѣтъ лучше посохъ и сума. И вообще въ тѣ времена люди принуждены были всегда лгать и лицемѣрить, такъ что нерѣдко самые свѣтлые умы, прозрѣвавшіе ошибки своей эпохи, притворялись вѣрующими въ науку и мораль, чтобы только избѣжать суда общественнаго мнѣнія".

110.

Сочиняющіе трагедіи по образцу Шекспира. Чтобъ добыть искру—нужно ударить изо всей силы молотомъ по камню. При этомъ происходитъ большой шумъ, и многіе склонны думать, что большой шумъ гораздо важнѣе, чѣмъ маленькая искра. Оттого-то часто писатели, наговоривши громкихъ словъ, глубоко увѣрены, что исполнили свое святое назначеніе и очень удивляются, отчего это не всѣ раздѣляютъ ихъ восторгъ, и что многіе даже бѣгутъ отъ нихъ или затыкаютъ уши.

111.

Метаморфозы. Умъ и глупость вовсе не природныя свойства человѣка. Когда приходитъ настоящая нужда, глупый человѣкъ становится умнымъ. За примѣромъ ходить недалеко: какимъ дурачкомъ, разиней выглядитъ Достоевскій въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ"—о „Бѣдныхъ людяхъ" я уже не вспоминаю. А въ „Запискахъ изъ подполья" и остальныхъ своихъ произведеніяхъ—онъ умнѣйшій и проницательнѣйшій человѣкъ. Тоже можно сказать о Нитше, Толстомъ, Шекспирѣ. Нитше въ „Рожденіи трагедіи" совсѣмъ имѣетъ видъ честнаго, но простоватаго голубоглазаго нѣмецкаго провинціальнаго студента, а въ „Заратустрѣ" онъ кой-кому даже Маккіавели напомнилъ. За Брута много досталось бѣдному Шекспиру — но нѣтъ ни одного человѣка, который бы отрицалъ великій умъ въ Гамлетѣ. Но лучшій примѣръ гр. Толстой: онъ до сихъ поръ, когда ему вздумается—умнѣй самаго умнаго,

но иной разъ имѣетъ видъ школьника. Это въ немъ интереснѣйшая и завиднѣйшая черта.

112.

У Шекспира въ „Троилѣ и Крессидѣ“ Терситъ говоритъ по поводу Аякса: „я его браню, а онъ меня бьетъ; я хотѣлъ бы, чтобы было наоборотъ“. Достоевскій могъ бы тоже сказать о своихъ противникахъ. Онъ преслѣдовалъ ихъ колкостями, сарказмами, негодованіемъ—а они доводили его до бѣлаго каленія своимъ спокойствіемъ и увѣренностью... Современные поклонники Достоевскаго спокойно вѣрятъ въ идеи своего учителя. Не значитъ ли это, что они de facto предали его и перешли на сторону его враговъ.

113.

Въ нашей литературѣ упрочилось мнѣніе, что Тургеневскія идеальныя женщины (Наталья, Елена, Маріанна) созданы по образцу и подобію Пушкинской Татьяны. Едва-ли это правильно: критиковъ обмануло внѣшнее сходство. У Пушкина Татьяна является весталкой, приставленной охранять священный огонь высокой нравственности—но исключительно потому, что это дѣло не пристало мужчинѣ. Самозванецъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ отвѣчаетъ старику Пимену, проповѣдующему кротость и смиреніе: ты воевалъ подъ башнями Казани и т. д. Это—дѣло мужчины. Въ часы же досуга и отдыха ему нуженъ домашній очагъ, и онъ хочетъ быть увѣреннымъ, что дома его права надежно охранены. Въ томъ и смыслъ послѣднихъ словъ Татьяны: „я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна“.

У Тургенева же женщина является судьей и наградой (а иногда и вдохновительницей) побѣдителя мужчины. Разница—слишкомъ велика.

114.

Изъ нѣмецкаго „введенія въ философію“.... *) „мы останемся при мнѣніи, что метафизика, какъ завершеніе спеціальныхъ наукъ, возможна и желательна, и что на ея долю прежде всего выпадаетъ дѣятельность, промежуточная между теоріей и практикой, опытомъ и надеждой, разумомъ и чувствомъ, заключающаяся во взвѣшиваніи вѣроятностей, уравновѣшиваніи аргументовъ, примиреніи разногласій“. Итакъ, метафизика есть взвѣшиваніе вѣроятностей. Ergo—дальше вѣроятныхъ заключеній она итти не можетъ. Почему же метафизики претендуютъ на всеобщія и необходимыя, прочныя и вѣчныя сужденія? Не по чину берутъ. Въ области метафизики прочныхъ убѣжденій не можетъ и не должно быть. Слово прочность здѣсь теряетъ всякій смыслъ. Умѣстно говорить о вѣчномъ колебаніи и шатаніи мысли.

115.

Изъ другого введенія въ философію, тоже нѣмецкаго:... „въ сравненіи съ заблужденіемъ матеріализма... самый несчастный идолопоклонникъ представляется существомъ, которому все же открыто хоть какое-нибудь предчувствіе великаго смысла и сущности вещей“ **). Можетъ быть эта мысль случайно приблу-

*) Кюльпе, стр. 261.
**) Паульсенъ, стр. 325.

дилась къ огромному стаду другихъ мыслей почтеннаго профессора—такъ мало она похожа на то, что онъ обыкновенно говоритъ. Но даже и въ такомъ случаѣ она не теряетъ своего интереса. Если матеріалисты прошлаго, XIX-го столѣтія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь—Бюхнеръ, Фогтъ, Молешотъ,—все люди, стоявшіе, какъ извѣстно, на высотѣ современнаго естественно научнаго образованія, могли оказаться въ области философіи болѣе несвѣдущими, чѣмъ нетронутый цивилизаціей дикарь, то, стало быть, наука не только не имѣетъ ничего общаго съ философіей, но прямо враждебна ей. И, стало быть, намъ нужно итти къ дикарямъ не затѣмъ, чтобъ насаждать у нихъ культуру, а чтобы учиться у нихъ философіи. Пацуасъ или житель Огненной Земли, читающій лекціи по философіи ординарному профессору Берлинскаго университета Фридриху Паульсену—зрѣлище любопытное! Я говорю Паульсену, а не Бюхнеру или Молешоту, въ виду того, что Паульсенъ вѣдь тоже образованный человѣкъ, такъ что, вѣроятно, его философскія предчувствія пострадали отъ соприкосновенія съ наукою, если не настолько же, какъ у матеріалистовъ, то во всякомъ случаѣ достаточно для того, чтобы потребовалась помощь краснокожаго учителя. И отчего у нѣмецкихъ профессоровъ такъ мало смѣлости и предпріимчивости? Что бы Паульсену, по собственному почину, съѣздить въ Австралію усовершенствоваться въ философіи? Или бы, по крайней мѣрѣ, отправлять туда учениковъ своихъ и вездѣ, гдѣ можно, проповѣдывать идею новаго паломничества? А то придумалъ оригинальную и плодотворную мысль и забился съ

ней въ дальній уголъ, такъ что и при желаніи ее не разглядишь хорошо. А мысль важная и серьезная: современнымъ философамъ не мѣшало бы поучиться у дикарей...

116.

Изъ исторіи этики: „сомнѣнія въ существованіи или въ возможности познанія всякой вообще нравственной нормы были, разумѣется (подчеркнуто мною), побужденіемъ къ новому умозрительному обоснованію ея, подобно тому какъ отрицаніе возможности знанія только повело къ отысканію его условій“. Съ этимъ положеніемъ авторъ не прячется, какъ Паульсенъ со своими. Оно у него помѣщено въ красномъ углу, на самомъ видномъ мѣстѣ сочиненія. И сопровождается такимъ герольдомъ, какъ „разумѣется“. Но на самомъ дѣлѣ тутъ разумѣется только одно: что большинство ученыхъ раздѣляетъ сужденія пр. Іодля, которому принадлежатъ приведенныя слова. Такъ что предпосылка этики имѣетъ своимъ основаніемъ consensus sapientium. Достаточно?

117.

„Нормативная теорія“, такъ распространившаяся въ Германіи и имѣющая не мало послѣдователей въ Россіи, носитъ на себѣ печать той безпечной увѣренности, которой отличается всякая удовлетворенность, не желающая даже для теоретической полноты считаться съ расколотостью духа, сопутствующей обыкновенно неудовлетворенности. Видельбандъ (Präludien, 313) свидѣтельствуетъ объ этомъ съ наивной откровенностью почти неодушевленнаго предмета—и не только

не стѣсняется своихъ показаній, но даже гордится ими: „Философское изслѣдованіе, говоритъ онъ, возможно лишь межъ тѣми, которые убѣждены, что норма общеобязательнаго стоитъ надъ индивидуальными дѣятельностями и что таковая можетъ быть отыскана“. Не всякій свидѣтель станетъ такъ честно показывать! Оказывается, что философское изслѣдованіе не есть отысканіе истины, а заговоръ между людьми, условившимися свергнуть истину и возвести на ея тронъ общеобязательную норму. Задача по истинѣ этическая: нравственность всегда была и будетъ утилитарною. Ея принципъ: кто не за насъ, тотъ противъ насъ.

118.

„Если бы кромѣ доходящей до насъ дѣйствительности — существовала еще одна, хаотическая и не знающая закона, она бы не могла быть предметомъ мышленія“ (Riehl, Philosophie der Gegenwart, 127). Въ этомъ одна изъ предпосылокъ критической философіи. Недоказанныхъ—само собою разумѣется. Иными только словами въ ней выражается приведенная выше мысль Виндельбанда объ этическомъ основаніи закона причинности. Такимъ образомъ, предпосылки современнаго мышленія все яснѣе и яснѣе убѣждаютъ насъ, что инстинктъ не обманулъ Нитше: корень нашего міровоззрѣнія не въ объективныхъ наблюденіяхъ, а въ запросахъ нашего „сердца“, въ субъективныхъ, моральныхъ требованіяхъ, а потому побѣдить науку можно не иначе, какъ уничтоживъ предварительно мораль.

119.

Изъ возвышенныхъ трюизмовъ: „философъ побѣждаетъ страсть, постигая ее, художникъ—воплощая“. По нѣмецки это звучитъ еще возвышеннѣе—но отъ этого къ истинѣ не приближается. „Der Philosoph überwindet die Leidenschaft, indem er sie begreift—der Künstler, indem er sie darstellt“ (Windelband, Präludien, 198).

120.

Нѣмцы все добиваются Allgemeingültigkeit. Межъ тѣмъ, если задача познанія исчерпать всю глубину дѣйствительной жизни—то вѣдь опытъ, поскольку онъ повторяется, не интересенъ или, по крайней мѣрѣ, имѣетъ ограниченный интересъ. Важно узнать то, чего еще никто не знаетъ, даже не предчувствуетъ, а потому нужно итти не по общей дорогѣ Allgemeingültigkeit, а по новымъ, еще не видавшимъ человѣческой ноги тропинкамъ. Оттого мораль, дающая извѣстныя правила, и тѣмъ оберегающая на нѣкоторое время жизнь отъ сюрпризовъ, имѣетъ условное значеніе и въ концѣ концовъ пасуетъ предъ аморальной своеобразностью отдѣльныхъ человѣческихъ стремленій. Законы—всѣ—имѣютъ регулирующее значеніе и нужны ищущему отдыха и поддержки человѣку. Но первое и существенное условіе жизни — это беззаконіе. Законы—укрѣпляющій сонъ. Беззаконіе—творческая дѣятельность.

121.

А=А. Говорятъ, что логика не нуждается въ этомъ положеніи и легко можетъ, развивая свои выводы, избѣгнуть его. Не думаю. Наоборотъ, на мой взглядъ

безъ этого положенія логика рѣшительно не можетъ существовать. А между тѣмъ оно имѣетъ чисто эмпирическое происхожденіе. Фактически, дѣйствительно, А всегда болѣе или менѣе равняется А. Но могло быть иначе. Міръ могъ бы быть такъ устроенъ, что допускалъ бы самыя фантастическія метаморфозы. То, что̀ теперь равняется А, черезъ секунду равнялось бы В, потомъ С и т. д. Теперь камень есть и довольно долго остается камнемъ, растеніе—растеніемъ, животное—животнымъ. Но могло бы быть, что камень обращался бы на нашихъ глазахъ въ растеніе, а растеніе—въ животное. Что въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего немыслимаго — доказывается существованіемъ эволюціонистической теоріи. Она только вмѣсто секунды подставляетъ тысячелѣтія—т. е. тѣ же секунды, сравнительно съ вѣчностью. Такъ что, рискуя навлечь на себя со стороны поклонниковъ извѣстнаго эпикуровскаго принципа упрекъ въ безстыдствѣ, я принужденъ снова повторить, что все, что угодно, можетъ произойти изъ всего, что угодно, что А можетъ не равняться А и что логика, слѣдовательно, обязана своей достовѣрностью эмпирически наблюдаемому закону сравнительной неизмѣнности существующихъ внѣ насъ вещей. Допустите возможность сверхъестественнаго вмѣшательства—и логика растеряетъ столь привлекающія умы несомнѣнность и общеобязательность своихъ выводовъ.

122.

Стремленіе понять людей, жизнь и міръ мѣшаетъ намъ узнать все это. Ибо „познать“ и „понять“ два

понятія, имѣющія не только неодинаковое, но прямо противоположное значеніе, хотя ихъ часто употребляютъ какъ равнозначущія, чуть ли не какъ синонимы. Мы считаемъ, что поняли какое-нибудь новое явленіе, когда включили его въ связь прочихъ, прежде извѣстныхъ. И, такъ какъ всѣ наши умственныя стремленія сводятся къ тому, чтобы понять міръ, то мы отказываемся познавать многое, что не укладывается на плоскости современнаго міровоззрѣнія. Напримѣръ, лейбницевскій вопросъ, поставленный Кантомъ въ основаніе критики разума: какъ можемъ мы познать находящуюся внѣ насъ вещь, если она не входитъ въ насъ? Это непонятно, т. е. не мирится съ нашимъ представленіемъ о пониманіи. Значитъ—это нужно вытѣснить съ поля зрѣнія, что и попытался сдѣлать Кантъ. А казалось бы, наоборотъ; казалось бы, что въ интересахъ знанія нужно бы жертвовать—и очень охотно—пониманіемъ, ибо пониманіе есть все-таки второстепенная вещь: zu fragmentarisch ist Welt und Leben!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Nur für Schwindelfreie!

(Изъ альпійскихъ воспоминаній).

1.

Свѣтъ открываетъ человѣку красоту — но онъ же открываетъ намъ и безобразіе. Плесните кислотой въ лицо красавицѣ, и пропала ея красота, и нѣтъ въ мірѣ той силы, которая могла бы насъ заставить съ прежнимъ восторгомъ глядѣть на ея изуродованное лицо: я не знаю, преодолѣетъ ли самая глубокая и искренняя любовь такую метаморфозу. Идеалисты, правда, говорятъ, что преодолѣетъ, идеалисты вообще спѣшатъ говорить, ибо совершенно основательно боятся, что, если они хоть на минуту запнутся и между поставленнымъ имъ вопросомъ и полученнымъ отвѣтомъ пройдетъ столько времени, сколько нужно, чтобъ увидѣть, то, пожалуй выяснятся такія вещи, которыя выясненію не подлежатъ. Оттого они такъ крѣпко держатся логики. Логика въ мгновеніе ока переводитъ насъ къ самымъ отдаленнымъ выводамъ и предсказаніямъ—никакая дѣйствительность не угонится за ней. Любовь вѣчна — слѣдовательно, обезображенная женщина будетъ такъ же мила намъ, какъ если бы съ ней ничего не приключилось. Это, конечно, ложь, но, благодаря такого рода лжи, можно сохранять ста-

рые вкусы и не видѣть грозящей имъ опасности. Но, вѣдь дѣйствительная опасность никогда ни устранялась словами и теоріями. Сколько бы Шиллеръ ни воспѣвалъ вѣчную любовь — въ концѣ концовъ, рано или поздно, кислота окажется побѣдительницей, и прекраснодушный юноша вынужденъ будетъ покинуть свою возлюбленную и признать себя обманщикомъ. Свѣтъ, тотъ свѣтъ, который былъ для него источникомъ жизни и надеждъ, разрушитъ и жизнь его, и надежды. Что тогда дѣлать? Къ идеализму онъ не вернется, логику возненавидитъ, свѣтъ, который ему казался столь прекраснымъ — опротивѣетъ ему. Онъ начнетъ искать тьмы, ибо тьма даетъ свободу, ибо во тьмѣ царствуетъ не логика, обязывающая къ заключеніямъ, а фантазія съ ея произволомъ. Безъ свѣта мы никогда бы не узнали, что кислота могла обезобразить красоту. Безъ свѣта мы были бы побѣдителями надъ дѣйствительностью. Никакая наука, ни одно искусство не можетъ дать того, что приноситъ съ собою тьма. Правда, въ молодости, когда мы только вступили въ жизнь, когда у насъ не было ничего, и когда мы искали впечатлѣній во внѣшнемъ мірѣ, свѣтъ принесъ намъ такъ много счастья и радости. Будемъ же вспоминать о немъ съ благодарностью, но какъ о благодѣтелѣ, въ которомъ мы больше не нуждаемся. А то, пожалуй, можно и безъ благодарности обойтись: благодарность вѣдь все таки принадлежитъ къ тѣмъ мѣщанскимъ добродѣтелямъ, которыя живутъ разсчетомъ — do, ut des. Такъ что забудемъ и свѣтъ, и благодарность, и опасенія суетливаго идеализма и смѣло пойдемъ навстрѣчу надвигающейся ночи.

Она обѣщаетъ намъ великую власть надъ собою и надъ дѣйствительностью. Стоитъ ради этого отказаться отъ старыхъ вкусовъ и возвышенныхъ убѣжденій?.. Любовь и свѣтъ не справились съ кислотой. Какой ужасъ охватывалъ насъ когда-то при мысли, что эта короткая фраза можетъ смести всего Шиллера! Мы закрывали глаза, мы затыкали уши, мы строили огромныя философскія системы, чтобъ оградить себя отъ этой маленькой истины. А теперь — теперь намъ начинаетъ казаться, что не жалко Шиллера и великихъ системъ, не жалко и прошлой вѣры. Теперь мы ищемъ словъ и звуковъ, чтобъ воспѣть своего недавняго врага. Ночь, темная, глухая, непроглядная, населенная ужасами ночь—не кажется ли она вамъ иногда безконечно прекрасной? И не манитъ ли она васъ своей тихой, но таинственной и бездонной красотой больше, чѣмъ ограниченный и крикливый день? Кажется — еще немного, и человѣкъ почувствуетъ, что та же непонятная, но заботливая сила, которая выбросила насъ въ этотъ міръ и научила насъ, какъ растенія, тянуться къ свѣту, постепенно пріуготовляя насъ къ свободной жизни, переводитъ насъ въ новую сферу, гдѣ насъ ждетъ новая жизнь съ ея новыми богатствами. Fata volentem ducunt, nolentem trahunt. И быть можетъ недалеко то время, когда вдохновенный поэтъ, въ послѣдній разъ окинувъ прощальнымъ взоромъ свое прошлое, смѣло и радостно воскликнетъ:

Да скроется солнце, да здравствуетъ тьма!

2.

Психологическія изысканія обыкновенно приводятъ объективнаго изслѣдователя къ заключенію, что самыя

великодушныя человѣческія стремленія въ послѣднемъ счетѣ выростаютъ изъ эгоистическихъ мотивовъ и побужденій. Такъ, напримѣръ, проповѣдуемая гр. Толстымъ „любовь къ ближнимъ“, безкорыстная и самоотверженная на первый взглядъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается своеобразной формой любви къ самому себѣ. Тоже можно сказать объ идеализмѣ Канта и даже самого Платона. Хотя они выдвигаютъ на первый планъ идею и прославляютъ служеніе ей, но на самомъ дѣлѣ имъ такъ же мало удается выйти изъ заколдованнаго круга „эгоизма“, какъ и самымъ обыкновеннымъ смертнымъ, не отмѣченнымъ печатью геніальности и даже не имѣвшимъ возможности пріобщиться къ плодамъ культуры. Это въ моихъ глазахъ „почти“ абсолютная истина. (Ограничительное „почти“ никогда не мѣшаетъ прибавить: истина тоже склонна зазнаваться и злоупотреблять своими державными правами. До нѣкоторой степени ограничить ее — значитъ обезпечить себя отъ капризнаго произвола ея деспотизма). Итакъ — всѣ люди эгоисты. Изъ этого слѣдуетъ многое: я даже думаю, что это положеніе можетъ дать гораздо больше основаній для „метафизическихъ“ выводовъ, чѣмъ казавшаяся до сихъ поръ такой проблематической и въ силу того наиболѣе соблазнявшая къ трансцендентнымъ заключеніямъ способность къ состраданію и любовь къ ближнему. Люди почему-то вообразили, что любовь къ себѣ понятнѣе и естественнѣе, чѣмъ любовь къ другому. Ошибка. Я нахожу по меньшей мѣрѣ одинаково понятнымъ или непонятнымъ и то, и другое чувство. Любовь къ ближнимъ только сравнительно рѣже

встрѣчается и меньше распространена, чѣмъ любовь къ себѣ. Но вѣдь гиппопотамы и носороги, даже на своей родинѣ, въ жаркомъ поясѣ, тоже рѣже встрѣчаются, нежели лошади и мулы: развѣ изъ этого слѣдуетъ, что они менѣе естественны и трансцендентны? Позитивизмъ не обязателенъ даже для кровожаднаго язычника. Какъ извѣстно, многіе дикари гораздо менѣе позитивно настроены, чѣмъ современные ученые. Они, напримѣръ, будущую жизнь принимаютъ за такую несомнѣнную реальность, что заключаютъ долговыя обязательства, подлежащія уплатѣ въ иномъ мірѣ. Нѣмецкій метафизикъ, несмотря на всю свою гуманность, на это не пойдетъ. Значитъ, нѣтъ никакого основанія полагать, что путь къ познанію иного міра ведетъ черезъ любовь, состраданіе и самоотреченіе, какъ училъ Шопенгауеръ. Скорѣй наоборотъ даже. Состраданіе и любовь къ людямъ являются препятствіемъ для метафизическаго полета. Благодаря имъ, человѣческій взоръ приковывается къ землѣ, гдѣ такъ много горя и страданія и гдѣ открывается такое обширное поприще для дѣятельной любви. Матеріалисты, какъ извѣстно, были большей частью очень добрыми людьми—обстоятельство, не мало смущавшее историковъ философіи. Проповѣдуютъ матерію, ни во что не вѣрятъ, а готовы на всяческія жертвы ради ближняго. Какъ это примирить, какъ понять? Но вѣдь тутъ предъ нами одинъ изъ типическихъ случаевъ яснѣйшей логической послѣдовательности: человѣкъ любитъ ближняго, видитъ, что небо безучастно къ земному горю, и потому самъ беретъ на себя роль благого провидѣнія. Еслибы онъ былъ равнодушенъ къ

страданіямъ другихъ, онъ легко бы сталъ идеалистомъ, поручилъ бы, какъ это часто дѣлалось, ближнихъ судьбѣ, а самъ занялся бы собственными дѣлами и заботами. Любовь къ ближнимъ и состраданіе убиваетъ въ человѣкѣ вѣру и дѣлаетъ его въ философскихъ воззрѣніяхъ позитивистомъ или матеріалистомъ. Когда онъ видитъ чужое горе—онъ перестаетъ размышлять, ибо хочетъ дѣйствовать. Думать, настоящимъ образомъ думать человѣкъ начинаетъ только тогда, когда онъ убѣждается, что ему нечего дѣлать, что у него руки связаны. Оттого, вѣроятно, всякая глубокая мысль должна начинаться съ отчаянія. И наоборотъ—оптимизмъ, торопливую готовность перескакивать отъ заключенія къ заключенію можно безъ всякаго колебанія считать вѣрнымъ признакомъ ограниченнаго, не любящаго сомнѣній самодовольства—а, стало быть, и поверхностности. Если человѣкъ предлагаетъ вамъ разрѣшеніе вѣчныхъ вопросовъ—значитъ, онъ не начиналъ о нихъ думать, значитъ онъ еще вообще не думалъ, онъ только „дѣйствовалъ“. Можетъ быть, думать совсѣмъ и не слѣдуетъ: кто разскажетъ намъ, какъ слѣдуетъ и какъ не слѣдуетъ жить въ этомъ мірѣ! И еще: кто заставитъ насъ жить, какъ слѣдуетъ, когда наше собственное существо было, есть и, видно, всегда останется для насъ неразгаданной тайной! Несомнѣнно, думать никто не хочетъ — я, разумѣется, говорю не о логическомъ мышленіи, къ которому всѣ высказанныя соображенія не имѣютъ никакого отношенія. Логическое мышленіе, какъ и всякое естественное отправленіе, доставляетъ человѣку большое наслажденіе. Поэтому философскія системы, трактующія о

послѣднихъ вопросахъ нашего существованія, возбуждаютъ къ себѣ въ публикѣ большой и постоянный интересъ, какъ бы мудрено онѣ ни были построены — только бы онѣ не требовали отъ человѣка ничего другого, кромѣ логической работы ума. Но думать — вѣдь значитъ махнуть рукой на логику; думать, значитъ жить новой жизнью, измѣняться, постоянно жертвовать самыми дорогими и наиболѣе укоренившимися привычками, вкусами, привязанностями — притомъ, не имѣя даже увѣренности, что всѣ эти жертвы будутъ хоть чѣмъ-нибудь оплачены. Художники и мыслители представляютъ себѣ думающаго человѣка непремѣнно въ импонирующей позѣ: строгое лицо, глубокій взоръ, вдохновенно направленный вдаль, гордая осанка — орелъ, готовящійся къ полету. Ничего подобнаго! Думающій человѣкъ есть прежде всего человѣкъ, потерявшій равновѣсіе въ будничномъ, а не въ трагическомъ смыслѣ этого слова. Растопыренныя руки, болтающіяся въ воздухѣ ноги, испуганное и на половину безсмысленное лицо, словомъ самая каррикатурная и жалкая картина безпомощности и растерянности. Какъ примѣръ — вѣроятно, недовѣрчивый читатель давно уже ждетъ примѣра — старикъ Тургеневъ, его стихотворенія въ прозѣ и послѣднее письмо къ Толстому. Мопассанъ такъ разсказывалъ о своей встрѣчѣ съ Тургеневымъ: вошелъ великанъ съ серебряной головой. И всѣ мы привыкли считать своего стараго любимаго учителя величественнымъ, гордымъ и спокойнымъ патріархомъ. Онъ великанъ, и у него была серебряная голова — иначе мы не поклонялись бы ему, не учились бы у него. Среди людей крѣпко держится миѳъ о великанахъ и

серебряныхъ кудряхъ. И вдругъ стихотворенія въ прозѣ -- блѣдныя, жалкія, трепетныя, безпокойныя, какъ на половину подстрѣленная птица. Тургеневъ насъ всему училъ, стало быть, онъ все зналъ -- какъ могъ онъ такъ потеряться, такъ испугаться? Какъ могъ онъ написать свое письмо къ графу Толстому? Онъ, умный и проницательный человѣкъ, развѣ онъ не зналъ, что его увѣщанія не произведутъ никакого дѣйствія, что гр. Толстой исчерпалъ до дна всѣ свои старыя темы, что источникъ его творчества изсякъ и что ему нужно было искать другого дѣла? Зналъ, конечно — и, если все-таки написалъ свое письмо, то вовсе не ради Толстого и не ради русской литературы, которая, конечно, держится не предсмертными письмами и завѣтами ея столповъ. Тургеневъ въ страшную минуту, несмотря на свой великанскій ростъ и серебро на головѣ, не зналъ, что говорить, куда направить свой угасающій взоръ, гдѣ искать опоры и утѣшенія. И онъ вспомнилъ о литературѣ, которой онъ отдалъ всю свою жизнь... Онъ попытался, не захочетъ ли она, которой онъ такъ долго и вѣрно служилъ, хоть разъ послужить ему — спасти его отъ страшнаго и трижды безсмысленнаго кошмара. Онъ протягивалъ свои изсохшія и коченѣющія руки къ печатнымъ листамъ, сохранившимъ на себѣ слѣды душевной работы жившаго и страдавшаго человѣка. Онъ назвалъ своего бывшаго врага самымъ лестнымъ именемъ—великимъ писателемъ земли русской и вспомнилъ, что былъ его современникомъ, что былъ и самъ великимъ писателемъ земли русской. Онъ этого не сказалъ вслухъ, онъ сказалъ только, „не могу больше“—какъ бы возмутились и расхохо-

тались всѣ, если бы онъ сталъ вспоминать о своихъ заслугахъ! Онъ прошелъ строгую школу литературнаго и свѣтскаго воспитанія и даже въ послѣднія минуты старался сохранить, насколько возможно, осанку, приличную великану съ серебряной головой. И мы вполнѣ удовлетворились! Тѣ же люди, которые негодуютъ по поводу переписки Гоголя, съ благоговѣніемъ цитируютъ письмо Тургенева. Поза—это все. Тургеневъ съумѣлъ сносно притвориться—и ему поставили это въ великую заслугу. Mundus vult decipi—ergo decipiatur. Но, въ существѣ, Гоголь и Тургеневъ испытали одно и то же. Еслибы Тургеневъ сжегъ передъ смертью свои сочиненія и говорилъ о себѣ, а не о Толстомъ — его сочли бы за сумасшедшаго. Моралисты стали бы, можетъ быть, укорять его въ крайнемъ проявленіи эгоизма... А философія? Философія, кажется, начинаетъ освобождаться отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ. Гоголь и Тургеневъ ставили свою личную судьбу выше судебъ русской литературы и въ тѣ именно минуты, когда люди менѣе всего способны лицемѣрить и лгать передъ собой... Не выдали ли они намъ „тайны"? Не слѣдуетъ ли въ абсолютномъ эгоизмѣ видѣть неотъемлемое и великое, да великое свойство человѣческой природы? Психологическія изысканія, пренебрегшія угрозами морали, привели къ новому знанію?... И все-таки, несмотря на приведенныя разъясненія, толпа по-прежнему будетъ склонна видѣть „обличенія" во всѣхъ попыткахъ найти подъ „возвышенными" порывами человѣческія побужденія. Быть человѣкомъ кажется унизительнымъ. И теперь, въ моемъ истолкованіи Тургеневскаго письма, увидятъ разоблаченія—какія бы увѣренія ни предлагалъ я.

3.

Къ ученію о методахъ. Какой-то естествоиспытатель произвелъ слѣдующій опытъ: въ стеклянный сосудъ, раздѣленный на двѣ половины стеклянной же, совершенно прозрачной перегородкой, помѣстилъ по одну сторону щуку, а по другую разную мелкую рыбу, которая обыкновенно служитъ щукѣ добычей. Щука не замѣтила прозрачной перегородки и бросилась на добычу, но, разумѣется, только зашибла пасть. Много разъ продѣлывала она свой опытъ—и все съ тѣми же результатами. Подъ конецъ, видя, что всѣ ея попытки такъ печально кончаются, щука уже больше не пробовала охотиться, такъ что, даже когда черезъ нѣсколько дней перегородку вынули, она продолжала спокойно плавать между мелкой рыбой и уже боялась нападать на нее... Не происходитъ ли то же и съ людьми? Можетъ быть, ихъ предположенія о границахъ, отдѣляющихъ „посюсторонній“ міръ отъ „потусторонняго“, тоже въ сущности опытнаго происхожденія и вовсе не коренятся ни въ природѣ вещей, какъ думали до Канта, ни въ природѣ нашего разума, какъ стали утверждать послѣ Канта. Можетъ быть, перегородка дѣйствительно существуетъ и дѣлаетъ тщетными обычныя попытки перебраться за извѣстные предѣлы познанія—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, въ нашей жизни наступаетъ моментъ, когда перегородка уже вынута. Но тогда въ насъ уже прочно укоренилось убѣжденіе, что дальше извѣстной черты нельзя идти, что дальше будетъ больно. Убѣжденіе, основанное на опытѣ. Тутъ-то бы и слѣдо-

вало вспомнить старый скептицизмъ Юма, который въ идеалистической философіи принято считать только тонкой игрой ума, потерявшей всякій интересъ и значеніе послѣ критики Канта. Самый продолжительный и разнообразный опытъ не можетъ привести ни къ одному обязательному и всеобщему заключенію. И наоборотъ, всѣ наши такъ называемыя a priori—оказывающія большую практическую пользу, рано или поздно начинаютъ приносить большой вредъ. Философу нужно не бояться боли скептицизма и продолжать безъ конца свои опыты, не смущаясь безрезультатностью предыдущихъ попытокъ и перспективой крѣпко зашибить пасть. Можетъ быть, неудача метафизики именно въ томъ и коренилась, что метафизики, очень безкорыстные и смѣлые на видъ, въ сущности были чрезвычайно разсчетливы и боязливы. Они прежде всего добивались покоя—вѣдь на философскомъ языкѣ высшимъ благомъ называется покой. А имъ бы слѣдовало оцѣнить выше всего постоянное безпокойство, безцѣльное и непланомѣрное даже. Какъ знать, когда вынется перегородка? Весьма вѣроятно, что именно въ тотъ моментъ, когда человѣкъ пересталъ гнаться за добычей, разрѣшилъ всѣ свои вопросы и почилъ на лаврахъ, т. е. застылъ въ неподвижности, онъ могъ бы однимъ смѣлымъ и сильнымъ движеніемъ перелетѣть черезъ заколдованную черту, отдѣлявшую отъ него область непознаваемаго. И вовсе нѣтъ надобности, чтобы движеніе его было результатомъ заранѣе обдуманнаго плана. Это уже чисто эстетическое требованіе, которымъ не грѣхъ и поступиться. Пусть человѣкъ безсмысленно и изступленно колотился головой о

стѣну—но, если въ концѣ концовъ стѣна подалась, развѣ мы будемъ оттого меньше торжествовать нашу побѣду? Наше горе въ томъ, что люди создали себѣ иллюзію, будто бы планомѣрность наиболѣе всего обезпечиваетъ успѣхъ! Боже, какое это заблужденіе: вѣдь почти несомнѣнно обратное. Все, наиболѣе замѣчательное, что создавалось геніемъ, являлось результатомъ фантастическаго, безтолковаго, казавшагося всѣмъ смѣшнымъ и ненужнымъ, но упорнаго исканія. Зналъ развѣ Колумбъ, что по ту сторону океана лежитъ новый материкъ? Ему не сидѣлось на мѣстѣ, и онъ поплылъ на Западъ искать новаго пути въ Индію. Да и вообще геній, вопреки общераспространенному предразсудку, самое безтолковое, а потому и самое безпокойное существо. Недаромъ еще въ древнія времена генія считали сродни помѣшанному. Геній обыкновенно бросается изъ стороны въ сторону главнымъ образомъ потому, что у него нѣтъ того Sitzfleisch, который является залогомъ успѣха трудолюбивой посредственности. Можно съ увѣренностью сказать, что геніальныхъ людей было гораздо болѣе на свѣтѣ, чѣмъ вписано на страницы исторіи славныхъ именъ. Ибо генія признаютъ только тогда, когда онъ сдѣлаетъ что-либо полезное для человѣчества. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда метанія генія не приводятъ ни къ какимъ осязательнымъ результатамъ — а нужно думать, что большей частью именно такъ и бываетъ—онъ возбуждаетъ въ окружающихъ людяхъ только чувство отвращенія и омерзѣнія. Самъ не знаетъ покоя и другимъ покоя не даетъ. Если бы Достоевскій или Лермонтовъ жили въ такія времена, когда спроса на книги не существо-

вало, ихъ бы никто не замѣтилъ. О преждевременной смерти Лермонтова даже не пожалѣли бы. Пожалуй еще, какой-нибудь добродѣтельный и уравновѣшенный гражданинъ, которому надоѣли вѣчныя и опасныя причуды Лермонтова, сказалъ бы: собакѣ собачья смерть! Тоже о Гоголѣ, Толстомъ, Пушкинѣ. Теперь ихъ прославляютъ, потому что они оставили интересныя сочиненія!... Итакъ, утвержденія о безплодности и ненужности скептицизма не заслуживаютъ никакого вниманія—даже въ томъ случаѣ, если рѣчь идетъ о самодовлѣющемъ скептицизмѣ, который не имѣетъ своей цѣлью отысканіе какой-нибудь новой системы (за такимъ скептицизмомъ, какъ извѣстно, признается законное право на существованіе—философы даже убѣждены, что другого скептицизма не бываетъ), который не имѣетъ вообще никакихъ заранѣе поставленныхъ цѣлей. Колотиться головой объ стѣну изъ ненависти къ стѣнѣ и еще болѣе изъ ненависти ко всѣмъ тѣмъ „идеямъ", которыя предлагаются намъ взамѣнъ настоящей разгадки вѣчной тайны — перспектива не заманчивая?! Но вѣдь зато впереди— неизвѣстность и самыя широкія возможности, взамѣнъ нынѣшнихъ „идеаловъ"?! И это не соблазняетъ? Высшее благо есть покой? Не стану спорить: de gustibus aut nihil aut bene... Кстати—не правда ли, превосходный принципъ? А межъ тѣмъ онъ, какъ и многое другое превосходное, добытъ совершенно случайно и не мной, къ сожалѣнію, а однимъ изъ комическихъ персонажей Чеховской „Чайки". Перепуталъ двѣ латинскихъ поговорки, и вышло синтетическое сужденіе хоть куда, которому для того, чтобы стать апріорнымъ, недостаетъ только общеобя-

зательности. Я боюсь, что догматики не согласятся такъ терпимо отнестись ко вкусамъ своихъ противниковъ. Скорѣй будутъ браниться и негодовать. Ибо, какъ догматикамъ обойтись безъ негодованія? Доказательствъ у нихъ нѣтъ, и вся ихъ хваленая устойчивость держится только на „морали“...

4.

Метафизики восхваляютъ трансцендентное, но тщательно избѣгаютъ соприкосновенія съ нимъ. Нитше ненавидѣлъ метафизику, воспѣвалъ землю—bleibt mir der Erde treu, o meine Brüder—и всегда жилъ въ области трансцендентнаго. Метафизики, конечно, поступаютъ „лучше“—это очевидно и безспорно. Тотъ, кто хочетъ быть учителемъ, долженъ проповѣдовать метафизическую точку зрѣнія: она даетъ возможность прослыть героемъ человѣку, никогда не нюхавшему пороха. А, такъ какъ учитель обязанъ доставлять своимъ ученикамъ возможность достигать значительныхъ цѣлей безъ всякаго риску и при минимальной затратѣ силъ, то, стало быть, въ тѣ тревожные періоды, когда позитивизмъ перестаетъ казаться людямъ достаточно исчерпывающимъ выраженіемъ всей сложности жизни и, когда, соотвѣтственно этому, людямъ начинаетъ казаться неприличнымъ изображать изъ себя положительность—въ такія времена нѣтъ лучшаго выхода, чѣмъ обратиться къ метафизическимъ теоріямъ. При помощи хорошей метафизической теоріи даже безбородый юноша, не исходившій и десятой доли позитивныхъ путей, сразу пріобрѣтаетъ таинственный и интересный видъ всевѣдущаго мудреца. Онъ даже имѣетъ

право презирать позитивизмъ и—это самое главное—позитивистовъ. Онъ становится первымъ предъ цѣлой массой послѣднихъ—чуть ли не предъ всѣмъ человѣчествомъ, не имѣющимъ доступа къ ученымъ книгамъ и потому не знающимъ никакихъ теорій. И такой блестящій результатъ достигается посредствомъ чтенія десятка, другого сочиненій—правда, скучноватыхъ и неудобовоспринимаемыхъ. Естественно, что и ученикъ, и учитель проникаются глубокимъ уваженіемъ къ трансцендентному, которое даетъ столь цѣнныя для нашего самолюбія прерогативы не тамъ, въ проблематической иной жизни, а здѣсь, въ этомъ несомнѣнномъ для всѣхъ мірѣ. Въ наше время юношѣ не приходится завидовать Александру Македонскому, успѣвшему въ молодые еще годы завоевать весь міръ. Теперь, при помощи книгъ, завоевываются не только земныя государства, но вся вселенная! Метафизика есть великое искусство обходить опасный жизненный опытъ. И потому метафизики могутъ быть названы позитивистами par excellence. Они презираютъ не всякій опытъ, какъ они утверждаютъ, а только опасный опытъ. Чувство самосохраненія и способность къ приспособленію въ нихъ настолько развиты, что еще задолго до появленія врага они начинаютъ готовиться къ защитѣ. И пользуются безопаснѣйшимъ способомъ борьбы—тѣмъ, что англичане называютъ mimicry. Чуть приблизится трансцендентное—метафизикъ уже, почти рефлективно, безъ всякихъ усилій воли до неузнаваемости окрасился въ трансцендентные цвѣта. Постулаты свободы воли, безсмертія души, даже Бога—развѣ можетъ кто-нибудь эти и имъ подобныя утвержденія заподо-

зрить въ позитивности? И какъ метафизикамъ, столь легко раздѣлавшимся съ „метафизической потребностью“, не любить трансцендентнаго? И какъ примириться имъ съ Нитше и съ его ненавистью къ трансцендентному, ставшему для него чуть ли не повседневной атмосферой? А потому правило—для учениковъ, разумѣется: учителя и безъ меня знаютъ—тотъ, кто хочетъ быть искреннимъ метафизикомъ, долженъ самымъ тщательнымъ образомъ избѣгать рискованныхъ экспериментовъ. Шиллеръ когда-то поставилъ вопросъ: какъ можетъ трагедія доставлять людямъ наслажденіе? Отвѣтъ—если передать его „своими словами“, гласилъ: чтобъ испытать наслажденіе отъ трагедіи, нужно ее видѣть только со сцены. Чтобъ любить трансцендентное—нужно его тоже видѣть только со сцены или въ книгахъ философовъ. Это называется идеализмомъ, самымъ красивымъ словомъ, какое только было изобрѣтено до сихъ поръ философствовавшими людьми.

5.

Poëtae nascuntur.—Удивительное существо человѣкъ! Тамъ, гдѣ онъ не можетъ, онъ утверждаетъ, что существуетъ объективная невозможность. Еще въ прошломъ столѣтіи до изобрѣтенія телеграфовъ и телефоновъ, человѣкъ съ увѣренностью сказалъ бы, что невозможно переговариваться Европѣ съ Америкой. Теперь это стало возможнымъ. Мы не умѣемъ воспитывать поэтовъ и говоримъ, что поэты рождаются. Разумѣется, если мы заставимъ ребенка изучать различные литературные образцы, начиная съ древнѣйшихъ и кончая новѣйшими, то этимъ мы изъ него не сдѣ-

лаемъ поэта, точно такъ же, какъ никто бы насъ не услышалъ въ Америкѣ, какъ бы громко ни кричали мы въ Европѣ. Чтобъ сдѣлать человѣка поэтомъ, его вовсе не нужно „развивать“ въ общепринятомъ смыслѣ. Можетъ быть, слѣдуетъ отъ него прятать книги. Можетъ быть, нужно произвести надъ нимъ какую-нибудь операцію, которая въ нашихъ глазахъ угрожаетъ ему только опасностью, даже гибелью, напримѣръ — проломить ему голову или выбросить его изъ четвертаго этажа. Я понимаю, насколько рискованы эти средства, и отнюдь не собираюсь рекомендовать ихъ для общаго употребленія взамѣнъ старыхъ педагогическихъ пріемовъ. Но не въ этомъ дѣло! Почитайте исторію великихъ людей и поэтовъ! Кромѣ Джона Стюарта Милля и еще двухъ-трехъ положительныхъ мыслителей, у которыхъ были ученые отцы и добродѣтельныя матери, никто изъ замѣчательныхъ людей не можетъ похвалиться—нужно было бы сказать—пожаловаться на правильное воспитаніе. Въ ихъ жизни почти всегда рѣшительную роль игралъ случай, который нашъ разумъ навѣрное назвалъ бы безсмысленнымъ, если бы разумъ имѣлъ смѣлость возвышать свой голосъ даже и тогда, когда онъ имѣетъ противъ себя несомнѣнный успѣхъ. Что-нибудь въ родѣ проломленнаго черепа или прыжка изъ четвертаго этажа—и не только метафорически, а нерѣдко и въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ — таково обыкновенно начало дѣятельности генія, иногда видимое, большей же частью скрытое. А мы затвердили: poëtae nascuntur, и глубоко убѣждены, что это необыкновенная истина, настолько возвышенная, что ее и провѣрять не нужно.

6.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ.
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Уже Писаревъ возмущался этими стихами, и, нужно полагать, что, если бы они не принадлежали Пушкину, вся критика давно бы осудила ихъ—а съ ними и ихъ автора, ибо какой смыслъ осуждать твореніе и обѣлять творца? Странные, подозрительные стихи! Пока поэта не призвалъ Аполлонъ—онъ ничтожнѣйшій изъ смертныхъ! Обыкновенный человѣкъ, въ часы, свободные отъ обязательнаго или добровольнаго труда, находитъ себѣ болѣе или менѣе интересное и благородное развлеченіе: онъ охотится, посѣщаетъ выставки и театры, наконецъ, отдыхаетъ въ своей семьѣ. Но поэтъ неспособенъ къ нормальной жизни. Чуть Аполлонъ освободитъ его отъ службы, онъ сейчасъ же, забывъ алтарь и жертвоприношенье, начинаетъ заниматься какими-нибудь гадостями или пустяками. Или же предается совершенному бездѣйствію: обычное времяпрепровожденіе всѣхъ любимцевъ Музъ. Нужно замѣтить, что не только поэты, но и всѣ вообще писатели, артисты и художники большей частью ведутъ очень дурную жизнь. Вспомните, что гр. Толстой разсказываетъ въ „Исповѣди“ и другихъ своихъ сочиненіяхъ о лучшихъ представителяхъ литературы 50-хъ годовъ.

И вѣдь разсказываетъ, въ сущности, правду, т. е. то же, что и Пушкинъ въ своихъ стихахъ. Пока писатель сочиняетъ—т. е. думаетъ и пишетъ,—онъ чего-нибудь стоитъ: но внѣ исполненія своихъ обязанностей онъ ничтожнѣйшій изъ людей. Является вопросъ: отчего Аполлонъ и Музы такъ неразборчивы и вмѣсто того, чтобъ награждать высокими дарованіями добродѣтель, они приближаютъ къ своимъ особамъ порокъ. Заподозрить въ дурныхъ намѣреніяхъ боговъ, хотя бы и свергнутыхъ, у насъ нѣтъ никакого основанія. Навѣрное, Аполлонъ любилъ добродѣтельныхъ людей — но, очевидно, добродѣтельные люди безнадежно посредственны и совсѣмъ не годятся въ жрецы. Такъ что, если кому-нибудь изъ нихъ слишкомъ захочется попасть на службу къ свѣтлому богу пѣсенъ, то первымъ дѣломъ ему нужно проститься со своими добродѣтелями. Люди это менѣе всего подозрѣваютъ и обыкновенно думаютъ, что именно добродѣтелью можно легче всего заслужить расположеніе и милость Аполлона. И такъ какъ на землѣ главной добродѣтелью считается трудолюбіе, то они стараются, не покладая рукъ, работать, днемъ и ночью, утромъ и вечеромъ. И, конечно, чѣмъ больше они работаютъ, тѣмъ меньше выходитъ толку. Они не понимаютъ, что́ это значитъ, начинаютъ злиться, выходить изъ себя, роптать. Они даже забываютъ святое искусство, которому хотѣли отдать себя, бросаютъ неблагодарный трудъ, начинаютъ предаваться лѣни и другимъ порокамъ. И иногда бываетъ, что именно въ этотъ моментъ, когда самъ человѣкъ и всѣ его близкіе менѣе всего считаютъ его достойнымъ милости боговъ, его вдругъ

начинаютъ посѣщать такъ долго не являвшіяся на зовъ Музы. Такъ было, напримѣръ, съ Достоевскимъ и со многими другими значительными поэтами. Одинъ Шиллеръ какъ будто бы ухитрился обойти Аполлона. А, можетъ быть, онъ обошелъ своихъ біографовъ: нѣмцы такъ довѣрчивы, ихъ такъ легко обмануть. Они, напримѣръ, не видѣли ничего страннаго въ томъ обстоятельствѣ, что Шиллеръ имѣлъ обыкновеніе во время работы держать ноги въ холодной водѣ. И, что, значитъ, если бы онъ жилъ у экватора, гдѣ вода цѣнится на вѣсъ золота и гдѣ поэтъ не только не можетъ каждый день брать ножную ванну, но не всегда можетъ вволю напиться, то, можетъ быть, въ рѣчахъ маркиза Позы убыло бы на половину благородства. Вѣроятно, Шиллеръ тоже не былъ такимъ уже непорочнымъ, если ему для составленія возвышенныхъ рѣчей требовалось искусственное возбужденіе. Словомъ, такъ или иначе— свидѣтельству Пушкина не вѣрить нельзя. Поэтъ съ одной стороны—избранникъ, съ другой- ничтожнѣйшій изъ людей. Отсюда, если угодно, можно сдѣлать очень утѣшительный выводъ: ничтожнѣйшіе люди вовсе не такъ уже ни на что не нужны, какъ это принято думать. Они не годятся въ чиновники или профессора, но на Парнасѣ и другихъ возвышенныхъ мѣстахъ ихъ встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями. Порокъ награждается Аполлономъ, добродѣтель, какъ извѣстно, настолько довольна собой, что ни въ какой наградѣ не нуждается. Чего воютъ пессимисты? Лейбницъ былъ совершенно правъ: мы живемъ въ лучшемъ изъ возможныхъ міровъ. Я предложилъ бы даже опустить ограничивающее слово „возможныхъ“...

7.

Das ewig Weibliche у русскихъ писателей.— Пушкинъ и Лермонтовъ не боялись женщинъ и любили ихъ. Пушкинъ, довѣрявшій своей натурѣ, любилъ много разъ и всегда воспѣвалъ тотъ родъ любви, которому онъ предавался въ данную минуту. Когда онъ увлекался вакханками, онъ воспѣвалъ вакханокъ. Когда онъ женился, онъ забылъ свои молодыя увлеченія и выше всего цѣнилъ скромную смиренницу, жену свою. Синтетическій умъ, вѣроятно, не зналъ бы, что ему дѣлать со всѣми видами любви Пушкина. Которому отдать предпочтеніе? А не отдать предпочтенія нельзя, ибо какъ иначе получить единство? Не лучше обстоитъ дѣло и съ Лермонтовымъ. Онъ всегда бранилъ женщинъ, но, какъ еще замѣтилъ Бѣлинскій, послѣ своей встрѣчи съ нимъ, больше всего на свѣтѣ любилъ женщинъ—и опять-таки не женщинъ какого-нибудь опредѣленнаго типа и душевнаго склада, а всѣхъ интересныхъ и увлекательныхъ женщинъ: дикую Беллу, милую Мери, Тамару, словомъ, безъ различія племенъ, нарѣчій, состояній. И съ Лермонтовымъ моралистъ (или синтетическій умъ—это одно и то же: поскребите синтетическаго философа и вы найдете моралиста) ничего не можетъ подѣлать. Каждый разъ, когда Лермонтовъ любитъ, онъ увѣряетъ, что его любовь очень глубока и даже нравственна, и такъ горячо и искренно объ этомъ разсказываетъ, что совѣстно его судить. Одинъ Вл. Соловьевъ не побоялся выступить съ обличеніями. Онъ и Пушкина, и Лермонтова привлекалъ къ отвѣтственности по поводу нарушенія

различныхъ правилъ морали и даже утверждалъ, что это не онъ самъ судитъ, что онъ только глашатай Судьбы. И Лермонтовъ, и Пушкинъ заслужили смерти своимъ легкомысліемъ. Но, кромѣ Вл. Соловьева, никто не тревожилъ памяти великихъ поэтовъ. Гр. Толстой, разумѣется, не въ счетъ. Гр. Толстой не можетъ простить Пушкину его распутной жизни и даже для приговора не считаетъ нужнымъ обращаться къ Судьбѣ за ея согласіемъ. У Толстого мораль достаточно сильна, чтобы справиться даже съ такимъ великаномъ, какъ Пушкинъ, и обходиться безъ всякихъ союзниковъ. У Толстого мораль всегда крѣпнетъ, когда ей предстоитъ большое дѣло. Слабаго, склоннаго къ уступкамъ противника она сейчасъ же безъ долгихъ разговоровъ милуетъ и освобождаетъ отъ отвѣтственности—но зато она никогда не прощаетъ гордости и самоувѣренности. Если бы приговоры Толстого приводились въ исполненіе—давно были бы уже разрушены всѣ памятники, поставленные Пушкину. И, главнымъ образомъ, за пристрастіе поэта къ „вѣчно женственному". Въ такихъ случаяхъ Толстой неумолимъ. Онъ признаетъ и понимаетъ еще любовь, которая имѣетъ своей цѣлью основаніе семьи. Но не больше. Любовь Донъ Жуана кажется ему смертнымъ грѣхомъ. Помните разсужденія Левина по поводу падшихъ, но милыхъ созданій и пайка? Левинъ затыкаетъ глаза и уши, чтобъ только не слышать разсказовъ Стивы Облонскаго. И негодуетъ, возмущается, забываетъ даже обязательное для него состраданіе къ падшимъ, которыхъ онъ грубо называетъ „тварями". Съ представленіемъ о „вѣчно женственномъ" у Толстого неразрывно

связана мысль о соблазнѣ, грѣхѣ, искушеніи, о великой опасности. А разъ опасность, слѣдовательно, прежде всего нужно остерегаться, т. е. по возможности дальше держаться. Но вѣдь опасность—это драконъ, который приставленъ ко всему, что бываетъ важнаго, значительнаго, заманчиваго на землѣ. И вѣдь затѣмъ—какъ человѣкъ ни оберегайся, рано или поздно судьбы ему не миновать: придется столкнуться съ дракономъ. Это вѣдь аксіома. Пушкинъ и Лермонтовъ любили опасность и потому смѣло подходили къ женщинамъ. Они дорогой цѣной заплатили за свою смѣлость—зато жили легко и свободно. Вѣдь, въ сущности, если бы они захотѣли заглянуть въ книгу судебъ—они могли бы предотвратить печальную развязку. Но они предпочитали безъ провѣрки полагаться на свою счастливую звѣзду. Въ нашей литературѣ Толстой первый (о Гоголѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи) началъ бояться жизни и недовѣрять ей. И первый началъ открыто морализировать. Поскольку того требовало общественное мнѣніе и личная гордость—онъ шелъ навстрѣчу опасности, но ни на шагъ дальше. Оттого то онъ и избѣгалъ женщинъ, искусства и философіи. Любовь an sich, т. е. не приводящая къ семьѣ, какъ и мудрость an sich, т. е. размышленія, не обусловленныя практическими цѣлями, или искусство ради искусства представлялись ему величайшими соблазнами, неминуемо губящими человѣческую душу. Когда онъ заходилъ слишкомъ далеко въ своихъ размышленіяхъ — его охватывалъ паническій ужасъ. „Мнѣ начинало казаться, что я схожу съ ума, и я уѣхалъ на кумысъ къ башкирамъ“. Такія и подобныя признанія вы встрѣчаете

очень часто въ его сочиненіяхъ. И вѣдь иначе съ соблазнами бороться нельзя: нужно сразу, рѣзко оборвать себя—иначе будетъ поздно. Толстой сохранилъ себя только благодаря врожденному инстинкту, всегда своевременно подсказывавшему ему вѣрный выходъ изъ труднаго положенія. Если бы не эта сдерживающая способность, онъ, вѣроятно, плохо кончилъ бы, какъ Пушкинъ или Лермонтовъ. Правда, могло случиться, что онъ вывѣдалъ бы у природы и разсказалъ бы людямъ нѣсколько важныхъ тайнъ — вмѣсто того, чтобы проповѣдывать воздержаніе, смиреніе и простоту. Но это „счастье“ выпало на долю Достоевскаго. Достоевскій, какъ извѣстно, тоже имѣлъ очень сложныя и запутанныя дѣла съ моралью. Онъ былъ слишкомъ исковерканъ болѣзнью и обстоятельствами для того, чтобы правила морали могли пойти ему на пользу. Душевная, какъ и тѣлесная гигіена, годится только для здоровыхъ людей—больнымъ же, кромѣ вреда, она ничего не приноситъ. Чѣмъ больше путался Достоевскій съ высокими ученіями о нравственности, тѣмъ безысходнѣе онъ запутывался. Онъ хотѣлъ уважать въ женщинѣ человѣка и только человѣка и доуважался до того, что не могъ видѣть равнодушно ни одной женщины, какъ бы безобразна она ни была. Ѳедоръ Карамазовъ и его исторія съ Лизаветой Смердящей—въ чьей еще фантазіи могли родиться такіе образы? Достоевскій, конечно, бранитъ Ѳедора, и это, по обычаямъ, существующимъ въ нашей критической литературѣ, считалось достаточнымъ, чтобъ снять съ него всякія подозрѣнія. Но есть и иной судъ. Если писатель докладываетъ вамъ, что нѣтъ такой отврати-

тельной мовешки, которая своимъ безобразіемъ могла бы заставить васъ позабыть, что она женщина, и, если для иллюстраціи этой оригинальной идеи разсказывается исторія Ѳедора Карамазова съ безобразной идіоткой, полуживотнымъ Лизаветой Смердящей— то предъ лицомъ такого „творчества“ сохранить привычную довѣрчивость по меньшей мѣрѣ неумѣстно. Иное дѣло оцѣнка идей и вкусовъ Достоевскаго. Я отнюдь не берусь утверждать, что мы, склонные раздѣлять точку зрѣнія Пушкина и Лермонтова и умѣющіе разглядѣть das ewig Weibliche только въ интересныхъ, красивыхъ и молодыхъ женщинахъ, имѣемъ какія бы то ни было преимущества предъ Достоевскимъ. Намъ, разумѣется, не возбраняется жить по своимъ вкусамъ и даже бранить, какъ Толстой, нѣкоторыхъ женщинъ тварями. Но утверждать, что мы выше, лучше Достоевскаго—кто далъ намъ это право? Если судить „объективно“, то всѣ данныя за то, что Достоевскій былъ „лучше“—по крайней мѣрѣ видѣлъ больше, дальше. Онъ умѣлъ тамъ найти своеобразный интересъ, разглядѣть das ewig Weibliche, гдѣ мы ничего не видѣли, гдѣ даже самъ Гете отвернулся бы. Елизавета Смердящая не тварь, какъ сказалъ бы Левинъ, а женщина, женщина, которая способна хоть на мгновеніе возбудить чувство любви въ человѣкѣ. А мы думали, что она ничтожество, хуже, чѣмъ ничтожество, ибо возбуждаетъ отвращеніе. Достоевскій сдѣлалъ открытіе, а мы со своими тонкими чувствами опростоволосились?! Его изуродованное, ненормальное чувство обнаружило великую чуткость, которой не научила насъ наша высокая мораль... И путь къ великой истинѣ

на этотъ разъ, какъ и всегда, ведетъ черезъ безобразіе? Идеалисты не согласятся съ этимъ. Они справедливо опасаются, что до истины не доберешься и завязнешь въ грязи. Идеалисты разсчетливые люди и вовсе не такъ глупы, какъ можно думать, если принимать въ соображеніе только ихъ идеи.

8.

Новыя мысли, даже собственныя, не скоро завоевываютъ наши симпатіи. Нужно сперва привыкнуть къ нимъ.

9.

Точка зрѣнія. Каждый писатель, мыслитель—даже, пожалуй, каждый образованный человѣкъ, считаетъ необходимымъ имѣть одну постоянную точку зрѣнія. Взберется на какую-нибудь вышку и оттуда не спускается уже до самой смерти. Что увидитъ со своей точки—то считаетъ дѣйствительностью, истиной, правдой, добромъ, чего не увидитъ, того не признаетъ. Очень винить за это человѣка нельзя. Оно и въ самомъ дѣлѣ не большая радость таскаться по точкамъ зрѣнія и каждый разъ перекочевывать съ одной вершины на другую. Вѣдь крыльевъ у насъ нѣтъ, и выраженіе „крылатая мысль“ только красивая метафора, если, разумѣется, не имѣть въ виду логическаго мышленія. Тутъ, дѣйствительно, наблюдается необыкновенная легкость—но, вѣдь она покупается цѣной совершенной наивности, чтобъ не сказать невѣжества. Тотъ, кому нужно въ самомъ дѣлѣ что-нибудь знать, а не только имѣть „міровоззрѣніе“, тотъ на логику не разсчи-

тываетъ и не увлекается соблазнами мысли. Тому всю жизнь свою приходится перебираться съ вершины на вершину, а, когда нужно, зимовать и въ долинахъ. Ибо широкій горизонтъ приводитъ къ иллюзіямъ, и для полнаго ознакомленія съ предметомъ, нужно подойти къ нему поближе, прикоснуться, ощупать его, осмотрѣть его сверху, снизу, со всѣхъ сторонъ. И, если нельзя иначе, то приходится поступиться даже привычнымъ положеніемъ собственнаго тѣла: изогнуться, прилечь, стать даже на голову, словомъ принимать самыя неестественныя позы. Можетъ ли тутъ быть рѣчь о точкѣ зрѣнія, о постоянномъ наблюдательномъ пунктѣ? Чѣмъ больше гибкости и подвижности у человѣка, чѣмъ меньше онъ дорожитъ естественнымъ равновѣсіемъ тѣла, чѣмъ чаще мѣняетъ онъ постъ свой — тѣмъ больше увидитъ и узнаетъ онъ. И, наоборотъ: если онъ вообразилъ, что съ той или иной вершины удобнѣе всего обозрѣвать міръ и жизнь — махните на него рукой: онъ никогда ничего не будетъ знать. Я бы даже сказалъ: онъ ничего не хочетъ знать и хлопочетъ объ удобствахъ для себя, а не о выгодахъ своего дѣла. Онъ навѣрное добьется славы и успѣха, и такимъ образомъ блестяще оправдаетъ свою „точку зрѣнія“.

10.

Слава.—Съ міра по ниткѣ—голому рубаха. Нѣтъ такого бѣдняка, у котораго не было бы лишней нитки и который пожалѣлъ бы ее отдать не то-что голому, но и одѣтому — вообще первому встрѣчному. Нужно думать, что бѣдняки, которымъ всегда хочется забыть о своемъ убожествѣ и разгуляться во-всю, особенно

охотно несутъ по первому зову свои нитки. И скорѣй отдаютъ ихъ богатымъ, чѣмъ своему же брату, голяку: облагодѣтельствовать богача — вѣдь для этого самому нужно быть богатымъ. Вотъ почему въ мірѣ такъ легко создается слава. Честолюбивый человѣкъ требуетъ отъ толпы выраженія удивленія и благоговѣнія, и она рѣдко кому въ этомъ отказываетъ. Глотки свои, не покупныя, ладони крѣпкія—почему же не покричать и не похлопать, особенно, если отъ твоихъ криковъ кружиться голова и не у такого же голяка, послѣдняго человѣка, а у будущаго героя, Богъ знаетъ, какъ высоко поставленнаго надъ всѣми. Прибитый и приниженный обыватель, до сихъ поръ за крики свои попадавшій въ участокъ, вдругъ чувствуетъ, что его глотка пріобрѣла цѣну, что ею дорожатъ. Никто даже изъ равныхъ ему никогда не придавалъ значенія его сужденіямъ, да вѣдь они въ сущности ничего и не стоятъ, а теперь изъ-за нихъ готовы ссориться чуть-ли не семь городовъ, какъ изъ-за права называться родиной Гомера. И обыватель тѣшится, кричитъ во всю глотку, даже готовъ на посильныя матеріальныя жертвы. А герой доволенъ: чѣмъ больше шуму, тѣмъ больше вѣритъ онъ въ себя, въ свое провиденціальное назначеніе —во что только не вѣрятъ герои, очень скоро забывающіе, изъ какихъ элементовъ составились ихъ слава и богатство! Герои, вѣдь, обыкновенно убѣждены, что они выступили на свое поприще не затѣмъ, чтобъ попрошайничать у нищихъ, а чтобъ благодѣтельствовать человѣчество. Еслибъ они умѣли вспомнить, съ какимъ бьющимся сердцемъ ждали они перваго хлопка, перваго подаянія, какъ робко заискивали

они у оборванныхъ, голодныхъ и холодныхъ бѣдняковъ—можетъ быть, у нихъ не хватило бы дерзости такъ громко говорить о своихъ заслугахъ. Но память наша хорошо знаетъ Спенсера и законъ приспособленія, и этимъ объясняется существованіе многихъ людей, искренно вѣрующихъ въ свою непорочность и добродѣтельность.

11.

Въ защиту справедливости. — Неопытные и непроницательные наблюдатели видятъ въ справедливости бремя, которое нѣкоторые избранные люди добровольно возлагаютъ на себя изъ „уваженія къ закону“ или по инымъ, возвышеннымъ и необъяснимымъ соображеніямъ. Но, на самомъ дѣлѣ справедливый человѣкъ имѣетъ не только обязанности — но и права. Правда, иной разъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ противъ него, ему приходится кой-чѣмъ и поступиться. Но, зато, какъ часто законъ его поддерживаетъ! Онъ можетъ быть, какъ угодно, жестокимъ, лишь бы не нарушить правила. Больше того— онъ свою жестокость поставитъ себѣ въ заслугу, ибо онъ дѣйствуетъ не такъ, какъ другіе люди, по личнымъ соображеніямъ, а во имя святой справедливости. И вообще, что бы онъ ни дѣлалъ, разъ есть санкція, онъ видитъ въ своихъ поступкахъ заслуги, заслуги и заслуги. Скромность мѣшаетъ ему много говорить о себѣ, — но, въ сущности, еслибъ онъ захотѣлъ быть откровеннымъ, какой бы пышный панегирикъ могъ бы онъ прочесть себѣ! И онъ, вспоминая о своихъ дѣлахъ, постоянно хвалитъ себя, только не вслухъ, а

про себя. Самое понятіе о добродѣтели этого требуетъ: человѣкъ долженъ радоваться своей нравственности и вспоминать о ней какъ можно чаще. И послѣ этого утверждаютъ, что быть справедливымъ — очень тяжело! Я не скажу этого о другихъ добродѣтеляхъ, но справедливость навѣрное можетъ быть объяснена не только общественно-утилитарными соображеніями, всегда сбивающимися на „идейныя“ объясненія, но даже просто своекорыстными побужденіями. Положительно стоитъ иной разъ поступиться даже значительными интересами, чтобъ потомъ всю жизнь гордо и увѣренно пользоваться остальными, освященными моралью и общественнымъ мнѣніемъ правами. Посмотрите на нѣмца, который внесъ свою лепту въ общество поданія помощи бѣднымъ! Онъ больше ни гроша не дастъ нищему — хоть умри тотъ съ голоду на его глазахъ — и чувствуетъ себя правымъ. Это — символъ справедливости: уплатить умѣренную пошлину за право всегда пользоваться санкціей высшаго начала. Оттого справедливость въ ходу у культурныхъ, разсчетливыхъ народовъ. Русскіе до этого еще не дошли. Они боятся обязанностей, возлагаемыхъ на человѣка справедливостью, не догадываясь, какія огромныя права и преимущества даетъ она. У русскаго — вѣчныя дѣла съ совѣстью, которыя ему обходятся во много разъ дороже, чѣмъ самому нравственному нѣмцу или даже англичанину его справедливость.

12.

Вѣрнѣйшее средство освободиться отъ надоѣвшихъ истинъ — это перестать платить имъ обычную дань

уваженія и благоговѣнія и начать обращаться съ ними за-просто, даже съ оттѣнкомъ фамильярности и презрѣнія. Взять, какъ это дѣлалъ Достоевскій, въ кавычки такія слова, какъ добро, прогрессъ, самопожертвованіе, идея и т. д. — однимъ этимъ уже большаго добьешься, чѣмъ рядомъ самыхъ блестящихъ и ученыхъ доказательствъ. Пока вы оспариваете права какой-нибудь истины — вы все еще вѣрите въ нее, и это чувствуетъ каждый, даже не очень воспріимчивый человѣкъ. Но вы не удостаиваете ея даже спора и только изрѣдка бросаете по ея адресу небрежное или насмѣшливое замѣчаніе—это дѣло иное. Очевидно, вы перестали ее бояться и уважать: тутъ есть надъ чѣмъ задуматься.

13.

Четыре стѣны. Кабинетная философія осуждается — и совершенно справедливо. Кабинетный мыслитель обыкновенно занимается тѣмъ, что придумываетъ себѣ мнѣнія рѣшительно обо всемъ, что происходитъ въ мірѣ. Его интересуютъ „вопросы“ о положеніи мірового рынка и о существованіи міровой души, о безпроволочномъ телеграфѣ и о загробной жизни, о пещерномъ человѣкѣ и объ идеальномъ совершенствѣ и т. д. безъ конца. Главная его задача— такъ подобрать свои сужденія, чтобъ въ нихъ не было внутренняго противорѣчія и чтобъ они хоть съ виду походили на истину. Эта работа, можетъ быть, и не совсѣмъ лишенная интереса и тихой занимательности, все-таки въ концѣ концовъ приводитъ къ очень бѣднымъ результатамъ. Вѣдь похожія на истину

сужденія все-таки еще не истины; обыкновенно, они даже съ истиной не имѣютъ ничего общаго. Затѣмъ, человѣкъ, берущійся обо всемъ говорить, вѣроятнѣе всего, ничего не знаетъ. Такъ лебедь умѣетъ и летать, и ходить, и плавать—но плохо летаетъ, плохо ходитъ и плохо плаваетъ. Кабинетный ученый, ограниченый четырьмя стѣнами своей комнаты, ничего, кромѣ этихъ стѣнъ, не видитъ, но именно о стѣнахъ не хочетъ говорить: онъ имъ не придаетъ значенія, онъ ихъ не чувствуетъ. А между тѣмъ, если бы онъ ихъ случайно почувствовалъ и заговорилъ объ нихъ, его рѣчи пріобрѣли бы неожиданный и огромный интересъ. Это иногда и бываетъ, когда кабинетъ превращается въ тюрьму. Тѣ же четыре стѣны, но не думать о нихъ нельзя. О чемъ бы человѣкъ ни вспомнилъ, о Гомерѣ, греко-персидскихъ войнахъ, о будущемъ вѣчномъ мирѣ, о прошломъ геологическомъ переворотѣ—все будетъ ассоціироваться у него съ четырьмя стѣнами. Ровность и однообразіе кабинетнаго настроенія смѣнятся у него великимъ паѳосомъ невольнаго заключенія. Попрежнему человѣкъ не видитъ міра и не сталкивается съ нимъ, но онъ не дремлетъ, какъ прежде, и не грезятся ему сѣренькія міровоззрѣнія—онъ бодрствуетъ и живетъ всѣми силами своей души. Къ такой философіи стоитъ прислушаться. Но люди не отличаются наблюдательностью. Если они видятъ одиночество и четыре стѣны, они говорятъ: кабинетъ. По ихъ мнѣнію жизнь возможна только на рынкѣ, гдѣ много шума и осязаемаго, наружнаго движенія. Развѣ это такъ? На рынкѣ, среди пестрой, измѣнчивой толпы, часто люди всю свою жизнь спятъ сномъ праведни-

ковъ, а величайшая душевная работа происходитъ въ абсолютномъ уединеніи.

14.

Спартанцы напаивали илотовъ въ назиданіе и поученіе благороднымъ юношамъ: тотъ, кто однажды видѣлъ, какъ безобразенъ пьяный человѣкъ, никогда не соблазнится виномъ. Пріемъ хорошій—спорить нельзя. Но что дѣлать намъ, людямъ XX-го столѣтія? Рабовъ нѣтъ, кого напаивать? Мы обзавелись для этой цѣли художественной литературой. Въ романахъ, повѣстяхъ, разсказахъ изображаются пьяные, развратные, вообще сошедшіе со стези добродѣтели люди и изображаются въ такомъ непривлекательномъ, безобразномъ видѣ, что у всякаго читателя пропадаетъ охота предаваться порокамъ. Къ сожалѣнію только наши художники недостаточно прямолинейны или слишкомъ добросовѣстны. Вмѣсто того, чтобы подражать древнимъ спартанцамъ, которые дѣлали все, отъ нихъ зависящее, чтобы представить илотовъ какъ можно болѣе отвратительными, у насъ стараются правдиво изображать порокъ. Реализмъ одолѣлъ! Подумаешь, чего стѣсняться? Что за бѣда, если порокъ въ изображеніи писателя выйдетъ немного или много безобразнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ? Неужели справедливость придумана затѣмъ, чтобы все охранять, даже зло? Вѣдь зло искоренять нужно и только искоренять — оно должно быть разъ навсегда объявлено находящимся внѣ покровительства законовъ, даже нравственныхъ законовъ. Спартанцы не считали нужнымъ церемониться съ живыми илотами, а наши романисты боятся оказаться

недобросовѣстными по отношенію къ воображаемымъ пьянымъ илотамъ! Изъ гуманности, будто-бы... Сколько нужно наивности, чтобы повѣрить такому объясненію. А межъ тѣмъ всѣ ему вѣрили—только одинъ гр. Толстой, и то лишь подъ старость, догадался, что гуманность здѣсь только предлогъ и что у насъ изображаютъ порокъ (не въ бульварныхъ романахъ, а въ классическихъ произведеніяхъ) вовсе не съ тѣмъ, чтобы пугать читателей. Въ современныхъ учителяхъ слова порокъ возбуждаетъ не чувство отвращенія, а любопытство, любознательность. Можетъ быть, его напрасно гнали, какъ напрасно гнали многое хорошее на землѣ?! Можетъ быть, къ нему нужно присмотрѣться, можетъ быть, у него нужно поучиться?!... Можетъ быть... мало ли что можетъ быть?! На основаніи такихъ „можетъ быть“ мораль понемногу совсѣмъ забросили, и гр. Толстой остался почти одинокимъ со своимъ негодованіемъ. Въ литературѣ царствуетъ реализмъ, и пьяный илотъ вызываетъ зависть въ робкихъ читателяхъ, не знающихъ, чему довѣриться: традиціоннымъ ли правиламъ или призыву учителей слова. Пьяный илотъ, какъ идеалъ! До чего мы дожили! Не лучше ли было оставаться при старыхъ законахъ Ликурга? Не слишкомъ ли дорого мы заплатили за нашъ прогрессъ?

Многіе находятъ, что слишкомъ дорого. Я уже не говорю о гр. Толстомъ, сужденія котораго, благодаря тѣмъ крайностямъ, въ которыя онъ впалъ, уже почти никѣмъ не принимаются серьезно—хоть его и продолжаютъ называть великимъ человѣкомъ. Великому человѣку тоже не все позволено, и, если онъ самъ сбрасываетъ съ себя путы, то общественное мнѣніе имѣетъ

достаточно способовъ обуздать его, даже не прибѣгая къ насилію. Кто скажетъ „шуйца“, кто вспомнитъ о нигилизмѣ, а кто даже объ анархизмѣ заговоритъ. Нѣсколько такихъ словъ, и готова стѣна, которую не разрушишь и іерихонскими трубами. Съ сужденіями Толстого никто не считается — это фактъ, для меня давно уже не подлежащій сомнѣнію. Любой посредственный „журналистъ“ пользуется большимъ вліяніемъ, чѣмъ великій писатель земли русской. Да оно такъ и должно быть. Гр. Толстой въ настоящее время думаетъ о вещахъ, до которыхъ никому изъ людей нѣтъ никакого дѣла. Онъ давно уже ушелъ изъ нашего міра—а есть ли гдѣ-нибудь иной міръ и продолжаетъ ли гр. Толстой еще существовать, — кто отвѣтитъ на эти трудные вопросы? „Толстой пишетъ книги и письма — стало быть, онъ существуетъ“, это заключеніе, казавшееся когда-то столь убѣдительнымъ, едва ли теперь на кого-нибудь дѣйствуетъ. Особенно, если принять во вниманіе, что̀ пишетъ гр. Толстой. Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ онъ высказываетъ сужденія, рѣшительно не имѣющія никакого смысла съ точки зрѣнія обыкновеннаго человѣка. Къ сожалѣнію, у меня ихъ нѣтъ подъ рукой: они большей частью печатаются въ заграничныхъ изданіяхъ. Но общее впечатлѣніе отъ нихъ можно вкратцѣ резюмировать нѣсколькими словами: Толстой исповѣдуетъ соллипсизмъ. То есть, на старости лѣтъ, послѣ безконечныхъ попытокъ любви къ ближнему, онъ пришелъ къ заключенію, что не только нельзя любить ближняго, но, что ближняго совсѣмъ и нѣтъ, что во всемъ мірѣ существуетъ всего одинъ только

гр. Толстой, что и міра-то на самомъ дѣлѣ нѣтъ, а есть только гр. Толстой. Взглядъ до такой степени очевидно нелѣпый, что его и опровергать не стоитъ. Кстати, какъ извѣстно, опровергнуть его и нѣтъ никакой возможности: развѣ только признать необязательность логическихъ заключеній. Соллипсизмъ преслѣдовалъ гр. Толстого еще въ ранней молодости, но тогда онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать съ навязчивой и безсмысленной идеей, и старался ее игнорировать. Теперь она ему пригодилась. Чѣмъ старше становится человѣкъ, тѣмъ болѣе научается онъ утилизировать безсмысленныя идеи. Еще сравнительно недавно, гр. Толстой могъ произнести такую фразу: „Христосъ только училъ людей не дѣлать глупости“. Кто, кромѣ гр. Толстого, могъ пуститься на такое рискованное толкованіе Евангелія? И почему всѣ, кромѣ гр. Толстого, отлично понимали, что въ этихъ словахъ заключается величайшая хула на Христа и его ученіе? Но, со стороны гр. Толстого это было послѣдней и отчаяннѣйшей попыткой спастись отъ соллипсизма, не предавая при томъ логики: даже Христосъ только затѣмъ явился къ людямъ, чтобы учить ихъ здравому смыслу. Значитъ „безумныя“ мысли могутъ быть со спокойной совѣстью отвергнуты, и преимущество попрежнему остается за понятными, здравыми, умными сужденіями. Очищено мѣсто добру и разуму. Добро вѣдь нечего объяснять—оно само собой понятно. Если бы въ мірѣ существовало только добро — не было бы никакихъ, ни первыхъ, ни послѣднихъ вопросовъ. Потому-то молодость никогда и не спрашиваетъ. О чемъ ей спрашивать? Развѣ пѣсня соловья, майское утро, цвѣтокъ

сирени, веселый смѣхъ и всѣ прочіе предикаты молодости требуютъ истолкованія? Наоборотъ, всякое истолкованіе къ нимъ сводится. Настоящіе вопросы впервые возникаютъ у человѣка при столкновеніи со зломъ. Заклевалъ ястребъ соловья, увяли цвѣты, заморозилъ Борей смѣявшагося юношу, и мы въ испугѣ начинаемъ спрашивать. „Вотъ оно зло! Правду говорили старики! Не даромъ и въ книгахъ называютъ нашу землю юдолью плача и печали!“ А разъ начинаются вопросы—нельзя, да и не нужно торопиться съ отвѣтами. И тѣмъ менѣе—предвосхищать ихъ. Соловей умеръ и не будетъ больше пѣть, человѣкъ, его слушавшій, замерзъ, уже не слыхать ему больше пѣсенъ. Положеніе такъ очевидно нелѣпое, что только при очевидномъ же желаніи во что бы то ни стало сбыть вопросъ, можно стремиться къ осмысленному отвѣту. Отвѣтъ будетъ, долженъ быть нелѣпымъ—если не хотите его, перестаньте спрашивать. Если же будете спрашивать то приготовьтесь заранѣе „примириться“ съ чѣмъ-нибудь въ родѣ соллипсизма или современнаго реализма: не знаю, что лучше, это дѣло вкуса. Наша мысль завязла въ диллеммѣ и въ общемъ не смѣетъ сдѣлать рѣшительнаго шага. Мы смѣемся надъ философіей и избѣгаемъ, пока возможно, зла. Но почти всѣ чувствуютъ невыносимую тяжесть такого положенія, и каждый за свой страхъ старается вылѣзть на берегъ при помощи болѣе или менѣе остроумной теоріи. Только нѣкоторые, наиболѣе отважные люди, осмѣливаются говорить правду; но ихъ обыкновенно не понимаютъ, не вѣрятъ даже въ ихъ искренность. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ словахъ писателя слишкомъ сильно чувствуется глубина пережитыхъ

имъ мукъ—осужденіе, правда, не рѣшается возвысить свой голосъ. Начинаютъ говорить о трагичности положенія, принимаютъ печальныя позы и произносятъ приличныя случаю слова. Болѣе требовательные люди, понимающіе неумѣстность фразъ и позы, но вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣющіе заставить себя долго останавливаться надъ размышленіями о чужихъ переживаніяхъ, дѣлаютъ преувеличенно суровое лицо: „мы, дескать глубоко чувствуемъ, но не хотимъ обнаружить глубину нашего чувства“. Ничего они не чувствуютъ и очень хотятъ, чтобы другіе думали, что они очень воспріимчивы и только изъ врожденной стыдливости скрываютъ свои чувства подъ маской суровости! Иногда это приводитъ къ любопытнымъ курьезамъ даже среди писателей перваго ранга. Такъ Анатоль Франсъ, изобрѣтатель очаровательнѣйшей иронической улыбки, долженствующей убѣдить людей, что онъ все чувствуетъ и все понимаетъ, и не рыдаетъ только потому, что мужчинѣ неприлично рыдать даже предъ лицомъ величайшихъ ужасовъ, въ одномъ изъ своихъ извѣстныхъ романовъ беретъ на себя благородную роль защитника жертвъ преступленія противъ преступника. „Наше время, говоритъ онъ, изъ сожалѣнія къ преступнику забываетъ о страданіяхъ, выпадающихъ на долю его жертвы“. Это одинъ изъ курьезнѣйшихъ, повторяю, случаевъ непониманія самой сущности современныхъ исканій. Правда, у насъ часто говорятъ о состраданіи вообще и о состраданіи къ преступнику въ частности— и Анатоль Франсъ далеко не единственный человѣкъ, который думаетъ, что наша главная отличительная черта— необыкновенная чувствительность и мягкосердечіе. На

самомъ дѣлѣ, современнаго думающаго человѣка влечетъ къ преступнику не чувство состраданія, которому, безспорно, умѣстнѣе было бы принять сторону жертвы, а любопытство, если угодно, любознательность. Цѣлые вѣка, тысячелѣтія даже человѣческая мысль тщетно искала разгадки великой жизненной тайны въ добрѣ. И, какъ извѣстно, ничего не нашла, кромѣ теодицей и теорій, отрицающихъ существованіе и возможность тайны. Теодицеи съ ихъ наивнымъ оптимизмомъ давно набили всѣмъ оскомину; механистическія теоріи, доказывающія, что человѣческая жизнь не обладаетъ достаточной, реальностью для того, чтобы вопросъ о ея появленіи и исчезновеніи могъ имѣть такое же право на существованіе, какъ вопросъ о сохраненіи энергіи и матеріи, кажутся на видъ болѣе убѣдительными— но имъ не хотятъ вѣрить. А нежеланія вѣрить не можетъ, какъ извѣстно, выдержать ни одна теорія. Словомъ—добро не оправдало возлагавшихся на него надеждъ. Разумъ—тоже очень мало принесъ. И истомившееся человѣчество отвернулось отъ своихъ старыхъ идоловъ и возвело на тронъ зло и безуміе. Улыбающійся Анатоль Франсъ споритъ, доказываетъ— и доказываетъ превосходно. Но, кто не знаетъ его доказательствъ, и кому они нужны? Пусть улыбается, пусть торжествуетъ въ сознаніи своего превосходства—наше поколѣніе уже не вернется на старый путь. Можетъ быть, наши дѣти испугаются взятой нами на себя задачи, назовутъ насъ „промотавшимися отцами“ и снова обратятся къ накопленію сокровищъ, духовныхъ и матеріальныхъ. И опять увѣруютъ въ идеи, прогрессъ и тому подобныя вещи. Что касается меня

лично—то я въ этомъ почти не сомнѣваюсь. Соллипсизмъ и культъ безпочвенности недолговѣчны и, главное, не преемственны. Окончательное и послѣднее торжество въ жизни, какъ и въ старинныхъ комедіяхъ, обезпечено за добромъ и здравымъ смысломъ. Исторія знала уже много эпохъ, подобныхъ нашей и, какъ извѣстно, превосходно справлялась съ ними. За всякаго рода неумѣренными попытками любознанія по пятамъ слѣдуетъ вырожденіе, сметающее съ земли все слишкомъ требовательное, утонченное и преувеличенно освѣдомленное. Геніальные люди обыкновенно не имѣютъ потомства или имѣютъ дѣтей идіотовъ. Не даромъ природа такъ величественно спокойна: она хорошо припрятала свои тайны. Положимъ, дивиться тутъ нечего, если вспомнить, какъ неразборчива она въ своихъ средствахъ. Вѣдь ни одинъ деспотъ, ни одинъ изъ величайшихъ злодѣевъ, когда-либо державшихъ въ своихъ рукахъ земную власть, не проявлялъ такой жестокости и безсердечія, какія проявляетъ природа. Чуть что-нибудь не по ней, малѣйшее нарушеніе ея предписаній—и суровѣйшія кары сотнями, тысячами сыплются на голову виновнаго, еслибы это былъ даже грудной младенецъ. Болѣзни, уродства, безуміе, смерть—какихъ только ужасовъ и пытокъ не выдумала наша общая мать, чтобы держать въ повиновеніи своихъ бѣдныхъ дѣтей. Правда, есть оптимисты, которые полагаютъ, что природа не караетъ, а воспитываетъ насъ. Даже и гр. Толстой однажды высказался въ этомъ смыслѣ: „смерть и страданія, какъ пугалы со всѣхъ сторонъ ухаютъ на человѣка и загоняютъ на одну, открытую ему дорогу человѣческой

жизни, подчиненной своему закону разума". Недурной способъ воспитанія! Совсѣмъ какъ съ волками и медвѣдями! Но гр. Толстой еще не досказалъ всего. Бываетъ такъ, что, человѣкъ, удирая во всѣ лопатки отъ одного ухающаго чудовища, не сумѣетъ во время удержаться на томъ пути, который мудрая природа считаетъ единственно правильнымъ и нужнымъ, и съ-разбѣгу попадаетъ прямо въ лапы другого ухающаго чудовища. Что тогда дѣлать? А это часто бываетъ, и не въ обиду оптимистамъ будь сказано, рано или поздно обязательно случается съ каждымъ человѣкомъ. Бѣжать уже нельзя: изъ когтей безумія или болѣзни не вырвешься! Остается одно средство: вопреки традиціямъ, теодицеямъ, мудрецамъ и—прежде всего—самому себѣ продолжать попрежнему прославлять мать природу и ея великую благость. Пусть съ ужасомъ отшатнутся отъ насъ будущія поколѣнія, пусть исторія заклеймитъ наши имена, какъ имена измѣнниковъ общечеловѣческому дѣлу—мы все-таки будемъ слагать гимны уродству, разрушенію, безумію, хаосу, тьмѣ. А тамъ—хоть трава не расти.

15.

Астрологія и алхимія отжили свое время и умерли естественной смертью—но оставили послѣ себя потомство: химію, изобрѣтающую красящія вещества, и астрономію, накопляющую формулы. Такъ всегда бываетъ: у геніальныхъ отцовъ рождаются дѣти идіоты. Въ особенности, когда матери бываютъ очень добродѣтельныя, а на этотъ разъ мы имѣемъ необыкновенно добродѣтельныхъ матерей: общественную пользу

и мораль. Алхимики искали философскаго камня— и даромъ тратили время, астрологи гадали по звѣздамъ—и обманывали людей своимъ мнимымъ всевѣдѣніемъ. Имъ дали въ спутницы жизни пользу и честность, и такимъ образомъ родились на свѣтъ химія и астрономія... Генеалогія правильная — никто спорить не будетъ. Можетъ быть, никто не станетъ спорить, что съ нѣкоторой долей вѣроятія можно заключать отъ дѣтей идіотовъ къ геніальнымъ родителямъ. Вѣдь есть кой-какія указанія на это — хотя, разумѣется, дальше предположеній здѣсь итти нельзя. Но, достаточно того, что возможны такого рода предположенія. Тѣмъ болѣе, что у меня въ запасѣ есть еще доводы. Напримѣръ, хотя бы то соображеніе, что наше время такъ глубоко убѣждено въ совершенной безсмыслицѣ и ненужности всего того, чѣмъ занимались алхимики и астрологи. До того убѣждено, что никому даже въ голову не приходитъ серьезно провѣрить свои убѣжденія. Намъ говорятъ, что среди алхимиковъ и астрологовъ было много шарлатановъ и лжецовъ. Но, развѣ это отвѣтъ! Во всѣхъ областяхъ есть бездарности и посредственности, спекулирующія на человѣческое легковѣріе. На что уже положительна наша медицина — а сколько есть недобросовѣстныхъ врачей, обирающихъ своихъ паціентовъ! Алхимики и астрологи были, по всей вѣроятности, самыми замѣчательными людьми своего времени. Скажу больше: несмотря на красящія вещества и формулы, которыми гордится современная наука, даже въ 19 столѣтіи, такъ прославившемся своими практическими изобрѣтеніями и открытіями, самые выдающіеся и да-

ровитые люди все-же занимались алхиміей и астрологіей — т. е. искали философскаго камня и гадали о судьбахъ человѣка. И тѣ изъ нихъ, которые обладали поэтическимъ дарованіемъ, даже привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе. Consensu sapientium поэту издревле разрѣшались всякія вольности: онъ вправѣ говоритъ о рокѣ, чудесахъ, духахъ, объ иной жизни, словомъ обо всемъ—только бы говорилъ интересно. Этого было достаточно: 19-ый вѣкъ отдалъ свою дань безпокойству. Никогда еще не было такого множества трепетныхъ и тревожныхъ писателей, какъ въ эпоху изобрѣтенія телефоновъ и телеграфовъ. Считалось неприличнымъ говоритъ обыкновеннымъ языкомъ о неясныхъ и смутныхъ стремленіяхъ человѣческаго духа—и тѣхъ, которые не соблюдали приличія, презирали и даже лечили душами, усиленнымъ питаніемъ и бромомъ. Но это все чисто внѣшняя сторона, которая относится къ исторіи „модъ", и насъ здѣсь занимать не можетъ. Существенно, что алхимія и астрологія несовсѣмъ умерли, какъ предполагали всѣ, а только притворились мертвыми и на время удалились со сцены. А теперь, повидимому, имъ надоѣло затворничество, и они снова пытаются выйти на люди, отодвинувъ на задній планъ своихъ неудачныхъ дѣтей. Ну, чтожъ? Въ добрый часъ!...

16.

Въ нашей жизни наступаетъ такая полоса, когда весь запасъ опыта оказывается уже исчерпаннымъ. Куда бы человѣкъ ни пошелъ, на что бы онъ ни взглянулъ, онъ все встрѣчаетъ только давно знакомое,

давно видѣнное. Большинство людей истолковываетъ это въ томъ смыслѣ, что они уже все знаютъ и, что слѣдовательно, изъ того, что они пережили, можно заключить къ тому, что такое жизнь вообще. Обыкновенно это бываетъ у людей въ возрастѣ 35-40 лѣтъ, въ ту пору, которую Карамзинъ считаетъ лучшей порой жизни. Человѣкъ, не видя уже ничего новаго, считаетъ себя на этомъ основаніи вполнѣ созрѣвшимъ, и рѣшаетъ, что онъ вправѣ обо всемъ судить: зная, что было, можно предвидѣть, что будетъ. Но и Карамзинъ ошибался, утверждая, что въ 35-40 лѣтъ наступаетъ лучшее время жизни, и склонные къ заключеніямъ люди ошибаются, когда утверждаютъ, что для нихъ не можетъ случиться ничего новаго въ жизни. Періодъ застоя въ душевномъ опытѣ слѣдовало бы использовать совсѣмъ не съ той цѣлью, чтобъ судить по имѣющимся возможностямъ о всякихъ жизненныхъ возможностяхъ, а, наоборотъ, съ тѣмъ, чтобы доказывать, что какъ бы ни было богато и разнообразно ваше прошлое, оно и на милліонную долю не исчерпываетъ разнообразія дѣйствительности: изъ того, что было, рѣшительно нельзя заключать о томъ, что будетъ. И, кромѣ того, положительно ни для чего не нужно! Развѣ для того, чтобъ насладиться воображаемой зрѣлостью мысли и испытать всѣ прелести лучшаго времени жизни, такъ краснорѣчиво обрисованныя у Карамзина?! Соблазнъ не слишкомъ ужъ великъ! Такъ что, если человѣкъ поставленъ въ необходимость пріостановить дальнѣйшіе опыты и осужденъ, впредь до новыхъ событій, на размышленіе, то не лучше ли всего такое interre-

gnum, такую остановку въ нашемъ существованіи употребить на прямо противоположную цѣль: отыскивать въ нашемъ прошломъ указанія на то, что будущее имѣетъ всѣ права быть, какимъ ему вздумается— можетъ похожимъ, а можетъ ничуть не похожимъ на прошедшее. Такихъ указаній, при доброй волѣ, можно найти гибель. Иной разъ додумываешься до того, напримѣръ, что естественная связь явленій, наблюденная нами и нашими предшественниками, нисколько не обязательна для будущаго, что даже чудеса, доселѣ казавшіяся невозможными, окажутся когда-нибудь болѣе возможными, понятными и даже естественными, чѣмъ опостылѣвшая закономѣрность явленій. А вѣдь крѣпко опостылѣла намъ закономѣрность— признайтесь въ этомъ и вы, люди науки! При одной мысли, что, сколько ни думай, ни до чего, кромѣ подтвержденія старой закономѣрности, не додумаешься, является непобѣдимое отвращеніе ко всякой умственной работѣ. Открыть еще законъ, и еще законъ — когда ихъ и такъ гораздо больше, чѣмъ нужно! Вѣдь, если беретъ охота думать, то единственно въ предположеніи, что авось мысль все-таки не имѣетъ и не должна имѣть никакихъ предѣловъ, что теорія познанія, основывающаяся, въ концѣ концовъ, на исторіи существовшаго доселѣ познанія и на нѣсколькихъ очень сомнительныхъ отвлеченныхъ соображеніяхъ, есть ни къ чему не обязывающая выдумка представителей опредѣленной касты—und die Natur zulezt sich doch ergründe. Какое бѣшенное нетерпѣніе овладѣваетъ нами порой при мысли, что мы не знаемъ и никогда не узнаемъ великой міровой тайны! Мнѣ кажется, нѣтъ ни одного

человѣка въ мірѣ, который бы ни разу въ жизни не испытывалъ безумной потребности разгадать чудесную загадку. Даже тѣ флегматическіе философы, которые изобрѣли теорію познанія, потихоньку отъ постороннихъ глазъ все-же отъ времени до времени дѣлали робкія попытки неметодологическихъ вылазокъ, втайнѣ надѣясь, что такимъ способомъ можно проложить себѣ путь къ невѣдомому, вопреки ихъ собственнымъ толстымъ книгамъ, скучно и безтолково доказывающимъ великія преимущества научнаго познанія. Человѣкъ или живетъ, т. е. извѣдываетъ жизнь, или освобождается отъ заключеній, навязанныхъ ограниченнымъ опытомъ. Все же прочее—отъ лукаваго. Отъ лукаваго и тѣ соблазны, которыми прельщался и которыми прельщалъ своихъ читателей Карамзинъ... Или, наоборотъ? Кто разрѣшитъ этотъ вопросъ? И снова, какъ это часто бываетъ, подъ конецъ патетической рѣчи приходишь къ гадательному сужденію. Пусть каждый поступаетъ, какъ ему представляется наилучшимъ. А тѣ, которые хотѣли бы, но не имѣютъ возможности жить по Карамзину? Имъ я не знаю, что сказать. Шиллеръ рекомендовалъ въ такихъ случаяхъ надежду. Годится? Откровенно говоря, едва ли: разъ потерявшій покой, никогда не обрѣтетъ его вновь.

17.

Съ тѣхъ поръ, какъ Канту удалось убѣдить ученыхъ людей, что міръ явленій есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ настоящая дѣйствительность, и что даже наше собственное существованіе не есть истинное существованіе, а только видимое проявленіе таинствен-

ной, неизвѣстной субстанціи, философія застряла въ новой колеѣ и не чувствуетъ себя въ силахъ сдвинуться хотя бы на одинъ миллиметръ съ обозначеннаго великимъ кенигсбергцемъ пути. Можно итти впередъ, можно двигаться назадъ, но непремѣнно по кантовской колеѣ. Ибо, какъ выбраться изъ противоположенія явленій вещамъ въ себѣ? А разъ это положеніе оказывается неизмѣннымъ, значитъ, хочешь не хочешь, вдѣвай голову въ хомутъ теоріи познанія. Большинство современныхъ философовъ такъ и поступаетъ, безъ ропота, а то даже съ радостной улыбкой, такъ что поневолѣ является подозрѣніе, что, можетъ быть, имъ ничего, кромѣ хомута, и не нужно было и что ихъ „метафизическая потребность“ была ничѣмъ инымъ, какъ потребностью въ упряжкѣ. Ибо, въ противномъ случаѣ, они должны были бы въ самомъ началѣ становиться на дыбы — при одномъ только видѣ хомута. Вѣдь противоположеніе между міромъ явленій и вещью въ себѣ предлагается разумомъ, выводимая изъ этого предположенія теорія познанія предлагается разумомъ же, стало быть, есть всѣ основанія свободолюбивому духу съ самаго начала упереться—и ни съ мѣста. Съ дьяволомъ, какъ извѣстно, нужно быть крайне осторожнымъ: довольно ему схватить васъ хоть за кончикъ ногтя, и онъ всего васъ унесетъ. То же и съ разумомъ: уступите ему хоть одно единое положеніе, хоть одну предпосылку—и finita la comedia. Вы никогда отъ него не отвяжетесь и будете принуждены, рано или поздно, признать надъ собой его суверенныя права. Метафизика не можетъ существовать на-ряду съ разумомъ. Все метафизическое нелѣпо, все разумное —

позитивно. Но тутъ мы сразу подходимъ къ очень трудной дилеммѣ: метафизическое имѣетъ своимъ основнымъ предикатомъ нелѣпость, но, вѣдь, съ другой стороны, на этотъ почтенный предикатъ имѣютъ совершенно законныя и справедливыя притязанія очень многія позитивныя утвержденія. Какъ же тутъ быть? И, есть ли какой-нибудь критерій для отличенія обыкновенной нелѣпости отъ метафизической? И можно ли прибѣгать въ этомъ случаѣ къ критеріямъ? Не явится ли самъ критерій западней, въ которую ловкій разумъ съ другого конца хочетъ поймать вырвавшагося на свободу человѣка? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ не можетъ быть. За всѣ услуги, предлагаемыя разумомъ, рано или поздно приходится платить дорогой цѣной самоотреченія. Примете ли вы его помощь подъ громкимъ титуломъ теоріи познанія или подъ скромнымъ именемъ критерія—въ концѣ концовъ, вы неизбѣжно свернете на позитивный путь. Съ молодыми и неопытными умами это происходитъ сплошь и рядомъ. Въ началѣ они какъ будто бы срываются съ узды, и несутся безъ оглядки впередъ — но очень скоро они прибѣгаютъ въ Римъ, куда, какъ извѣстно, ведутъ всѣ пути, или, выражаясь менѣе возвышеннымъ языкомъ, въ стойло, куда тоже, какъ извѣстно, ведутъ всѣ пути. Единственный способъ уберечься отъ позитивизма, конечно, при предположеніи, что позитивизмъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, не пользуется больше вашими симпатіями—это перестать бояться нелѣпостей, все равно, будутъ ли онѣ позитивными, или метафизическими, и методически отклонять всѣ предлагаемыя разумомъ услуги. Въ философіи были такіе примѣры

и, хотя отъ нихъ обыкновенно предостерегаютъ, я все-таки рѣшаюсь ихъ рекомендовать. Credo—quia absurdum: это изъ средневѣковья. А изъ новѣйшей исторіи—Шопенгауеръ и, конечно, Нитше. Оба они представляютъ собой благородный примѣръ совершеннаго равнодушія къ здравому смыслу и логикѣ. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи Шопенгауеръ, который ухитрился, оставаясь кантіанцемъ, и даже во имя Канта, не только дѣлать самыя смѣлыя вылазки противъ разума, но даже заставить разумъ стыдиться самого себя. Этотъ удивительный кантіанецъ доходилъ до того, что пытался—все во имя учителя—преодолѣть пространственныя и временныя представленія. Онъ допускалъ ясновидѣніе—и ученые до сихъ поръ находятся въ затрудненіи, по поводу того, отнести ли это допущеніе къ области метафизическихъ или обыкновенныхъ нелѣпостей. И я, право, не знаю, какъ тутъ быть — хотя я этимъ не слишкомъ заинтересованъ. Умный, очень умный человѣкъ настаиваетъ на большой нелѣпости, и я чувствую себя вполнѣ удовлетвореннымъ. И вообще весь походъ Шопенгауера противъ интеллекта—въ высшей степени отрадное явленіе. Очевидно, что, хоть онъ и исходилъ изъ кантовскихъ идей, ему очень скоро надоѣло плестись по проторенной дорожкѣ, и онъ, свернувъ въ сторону, пошелъ блуждать вкривь и вкось, продираясь черезъ чащу неразрѣшимыхъ противорѣчій, и ни мало не помышляя о томъ, куда и къ чему онъ придетъ. Приматъ воли надъ разумомъ и музыка, какъ выраженіе нашей глубочайшей сущности — развѣ этихъ утвержденій мало, чтобы убѣдиться, какъ ловко из-

вернулся онъ изъ разставленныхъ Кантомъ по пути мысли синтетическихъ сужденій a priori? И вѣдь въ философіи Шопенгауера дѣйствительно гораздо больше музыки, чѣмъ логики. Не даромъ ее не пускаютъ въ университеты! Но за стѣнами университета—о Шопенгауерѣ можно говорить. Не объ его идеяхъ, конечно, а о его музыкѣ. Идеи фабрикуются теперь повсюду и безъ него, ими завалены всѣ европейскіе книжные рынки. И какія все чисто сработанныя, вылощенныя, прилизанныя, гордящіяся своей серьезностью и послѣдовательностью идеи! У Шопенгауера этого добра мало. Зато какія живыя и великолѣпныя противорѣчія, свободно и смѣло выставляющіяся на показъ, часто даже не подозрѣвающія, что имъ нужно прятаться отъ бдительности полиціи. Шопенгауеръ плачетъ, смѣется, радуется, сердится—и отнюдь не думаетъ, что это возбранено философу. „Не говори—пой“ сказалъ Заратустра, и его завѣтъ въ значительной степени уже исполнилъ Шопенгауеръ. Философія можетъ быть музыкой—и это вовсе не значитъ, что музыка должна называться философіей. Когда человѣкъ окончилъ всѣ свои дѣла, когда онъ уже не „мыслитъ“ и не „работаетъ“, а, предоставленный самому себѣ и другимъ людямъ, свободно глядитъ и прислушивается, все принимая и ничего отъ себя не скрывая, онъ начинаетъ „философствовать“. Для чего ему тогда отвлеченныя формулы? И для какой надобности, прежде, чѣмъ думать, спрашивать себя: „о чемъ я могу думать, каковы границы моей мысли“? Онъ будетъ думать, а тамъ, тамъ пусть охотники подводятъ итоги всему, имъ сдѣланному, пусть строятъ теоріи познанія.

Говорить о прекрасномъ—самое послѣднее дѣло: нужно творить прекрасное. Никогда еще ни одна эстетическая теорія не умѣла угадать, въ какомъ направленіи пойдетъ мысль художника и гдѣ лежатъ границы его творческой дѣятельности. Тоже и съ теоріей познанія. Она можетъ остановить работу ученаго, который и самъ боится слишкомъ далеко забираться, но предопредѣлить человѣческую мысль ей не дано. Даже кантовское противоставленіе вещей въ себѣ міру явленій вовсе не должно роковымъ образомъ подрѣзать крылья человѣческой пытливости. Придетъ время, и это незыблемое основаніе позитивизма пошатнется. Всѣ гносеологическіе споры о томъ, что можетъ и чего не можетъ наша мысль, покажутся нашимъ потомкамъ столь же забавными, какъ и средневѣковыя схоластическія препирательства. „Для чего было имъ спорить о томъ, какой должна быть истина, когда они могли искать истину?“ спросятъ будущіе историки. Приготовимъ для нихъ отвѣтъ: „наши современники не хотятъ искать и потому такъ много разговариваютъ о теоріи познанія“.

18.

Не вѣрь себѣ, мечтатель молодой!—Какъ бы искренно и честно ты ни стремился къ истинѣ, какъ бы глубоко и страстно ты ни молился, какія бы мучительныя страданія и нечеловѣческіе ужасы ты ни имѣлъ бы въ своемъ прошломъ—не вѣрь себѣ, молодой мечтатель! Того, что ты искалъ—ты не найдешь. Въ лучшемъ случаѣ, если у тебя есть литературное дарованіе, ты напишешь хорошую, интересную, оригинальную книгу. И, можетъ

быть—хоть это и звучитъ обидно—даже будешь доволенъ такимъ результатомъ! Въ письмахъ Нитше, относящихся къ 1888 году, къ тому году, когда его впервые „открылъ“ Георгъ Брандесъ, ты найдешь подтвержденіе печальному предсказанію. Нитше ли не боролся, не искалъ, Нитше ли не страдалъ, и вотъ, подъ конецъ жизни, когда, казалось бы, всѣ мірскія блага должны были бы представляться ему ничтожными и призрачными, онъ, совсѣмъ какъ юноша, жадно набрасывается на вѣсти о первой славѣ и восторженно дѣлится своей радостью со всѣми близкими и далекими друзьями. Онъ не устаетъ въ десяткахъ писемъ на разные лады пересказывать исторію о томъ, какъ началъ читать свои лекціи Брандесъ, какъ въ аудиторіи собиралось болѣе 300 человѣкъ, и даже приводитъ на датскомъ языкѣ текстъ объявленій Брандеса. Улыбнулась слава—и забыты всѣ ужасные опыты прежнихъ дней. Забыты одиночество, оставленность, пещера въ горахъ, человѣкъ, которому вползла въ ротъ змѣя—и всѣ помыслы устремились къ обыкновенному, понятному, доступному благу. Таковъ удѣлъ смертнаго:

Mit gier'ger Hand nach Schätzen gräbt,
Und froh ist, wenn er Regenwürmer findet.

19.

Въ молодости человѣкъ пишетъ потому, что ему кажется, будто онъ нашелъ новую и чрезвычайно важную истину, которую необходимо возможно скорѣй возвѣстить бѣдному, невѣжественному человѣчеству. Потомъ онъ становится опытнѣе и скромнѣй и начинаетъ сомнѣваться въ своихъ истинахъ: тогда

онъ пишетъ, чтобы провѣрить себя. Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ: онъ уже знаетъ, что кругомъ ошибался и что нечего даже провѣрять себя. Но писать онъ все-таки продолжаетъ, ибо неспособенъ больше ни на какое дѣло, а прослыть ненужнымъ, „лишнимъ“ человѣкомъ страшно.

20.

Очень оригинальный человѣкъ часто бываетъ банальнымъ писателемъ и наоборотъ. Иногда въ писаніяхъ мы не столько стремимся разсказать, что съ нами происходитъ, сколько выразить свои pia desideria. И потому безпокойные, не знающіе сна люди могутъ воспѣвать покой и отдыхъ, которые уже давно воспѣты и всѣмъ надоѣли, а тѣ, которые спятъ по десяти часовъ въ сутки и все дѣлаютъ во-время—не прочь помечтать о приключеніяхъ, буряхъ и опасностяхъ и даже превозносить все проблематическое.

21.

Когда читаешь книги давно умершихъ писателей, всегда овладѣваетъ странное чувство: эти люди, двѣсти, триста, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ жившіе, такъ далеки теперь — гдѣ бы они ни были—отъ того, что писали когда-то, на землѣ: а мы въ ихъ сочиненіяхъ ищемъ вѣчныхъ истинъ!

22.

Та истина, которую я сегодня имѣлъ право торжественно провозгласить, и даже провозгласилъ первымъ изъ людей, завтра, можетъ быть, въ моихъ устахъ

будетъ скучной и ненужной ложью. Я лишусь права называть эту истину своей—и только, можетъ быть, я одинъ: другіе будутъ по прежнему жить съ ней, любить и хвалить ее.

23.

Писатель, не умѣющій вдохновенно лгать—лгать нужно только вдохновенно, и это большое, далеко не всѣмъ дающееся искусство,—любитъ бравировать своей откровенностью и честностью. Ему ничего другого не остается.

24.

Источникъ оригинальности: человѣкъ, потерявшій надежду искоренить въ себѣ какой-нибудь недостатокъ или хотя бы скрыть его отъ себя и другихъ, пытается найти въ этомъ недостаткѣ свое достоинство. Если ему удается въ этомъ убѣдить окружающихъ, онъ достигаетъ двойной цѣли: освобождается отъ угрызеній совѣсти и становится оригинальнымъ.

25.

Люди часто начинаютъ стремиться къ великимъ цѣлямъ, когда чувствуютъ, что имъ не по силамъ маленькія задачи. И не всегда безрезультатно...

26.

Отрыжка прерываетъ самыя возвышенныя человѣческія размышленія. Отсюда, если угодно, можно сдѣлать выводъ—но, если угодно, можно никакихъ выводовъ и не дѣлать.

27.

Убѣжденная женщина.—Мужчинѣ мы, хотя и не совсѣмъ охотно, прощаемъ его „убѣжденія". Конечно, странно видѣть человѣка, вѣрующаго въ свою непогрѣшимость, но съ необходимостью приходится мириться. Смѣшно и некрасиво имѣть мозоли на рукахъ—а все-таки, разъ мы живемъ не въ раю, а на землѣ, гдѣ приходится въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой, безъ мозолей не обойдешься. Но зачѣмъ видѣть въ мозоляхъ идеалъ? Въ практической жизни, въ особенности въ жизни общественно-политической, на которую въ большей или меньшей степени обреченъ почти каждый современный мужчина—убѣжденіе необходимѣйшая вещь. Единеніе даетъ силу, а единеніе возможно только между людьми, одинаково думающими. И потомъ, глубокое убѣжденіе само по себѣ—огромная сила, съ успѣхомъ замѣняющая и даже во многомъ превосходящая самую послѣдовательную аргументацію. Иногда стоитъ только здоровымъ, груднымъ, дрожащимъ голосомъ, какой бываетъ у убѣжденныхъ людей, гаркнуть какую-нибудь короткую фразу, и многочисленная аудиторія до того сомнѣвавшихся слушателей покорена. Такъ уже изстари ведется, что всѣ думаютъ, будто бы истина умѣетъ громко и сильно кричать. На самомъ дѣлѣ истина очень часто безсловесна, особенно новая истина, больше всего боящаяся людей и обладающая почти всегда слабымъ, даже хриплымъ голосомъ. Но въ данномъ случаѣ важно не то, что бываетъ на самомъ дѣлѣ, а то, что вліяетъ на толпу. Для общественнаго дѣятеля убѣжденія прямо

необходимая вещь, и тотъ, кто слишкомъ уменъ для того, чтобы вѣрить въ себя и недостаточно актеръ для того, чтобы съ нужной ловкостью притвориться вѣрующимъ, лучше всего сдѣлаетъ, если совсѣмъ откажется отъ общественной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пойметъ, что отсутствіе убѣжденій не всегда полезно, и сумѣетъ снисходительно отнестись къ тѣмъ, кто въ силу жизненныхъ условій таковыми обзавелся. Но тѣмъ болѣе нетерпѣливо онъ будетъ относиться къ людямъ, которые безъ всякой надобности уродуютъ себя этой грубой татуировкой. И въ особенности къ женщинамъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть невыносимѣй убѣжденной женщины? Она живетъ въ семьѣ, безъ тяжелаго, повседневнаго труда—зачѣмъ ей уродовать себя? Зачѣмъ искусственно натирать мозоли, когда можно имѣть красивыя, чистыя руки? Обыкновенно женщины не имѣютъ охоты выдумывать для себя собственныя убѣжденія и берутъ ихъ готовыми, гдѣ придется, большей частью у заинтересовавшаго ихъ мужчины. И то только въ тѣхъ случаяхъ, если имъ начинаетъ казаться, что онъ самъ недостаточно силенъ, чтобъ проложить путь своимъ идеямъ. Онѣ боятся за него и пускаются на послѣднее средство: пробуютъ, не помогутъ ли ихъ слабые кулаченки любимому человѣку. Это, правда, трогательно, но все-таки смѣшно и, подъ конецъ, крѣпко надоѣдаетъ. Потому гораздо пріятнѣе встрѣчаться съ женщинами, которыя вѣрятъ въ своихъ мужей, не считаютъ необходимымъ помогать имъ и обходятся безъ убѣжденій.

28.

Эмансипація женщины.—Единственное, по крайней мѣрѣ, наиболѣе вѣрное средство побѣдить сильнаго врага—это научиться владѣть его оружіемъ. Исходя изъ этого, современная женщина, которой надоѣло быть въ рабствѣ у мужчины, старается перенять у насъ какъ можно больше. Тяжелая вещь рабство, и великая вещь свобода! Въ концѣ концовъ, рабство становится до того невыносимымъ, что человѣкъ готовъ всѣмъ пожертвовать, лишь бы вырваться на волю. Къ чему узнику, томящемуся въ тюрьмѣ, его добродѣтели? У него одна цѣль, одно желаніе—освободиться, уйти изъ тюрьмы и, соотвѣтственно этому, онъ начинаетъ цѣнить въ себѣ только тѣ свойства, которыя могутъ помочь ему въ осуществленіи завѣтной мечты. Если для того, чтобъ сломать желѣзную рѣшетку, нужна только большая физическая сила, узникъ понемногу пріучится считать высшей добродѣтелью здоровые мускулы. Если ему можетъ помочь хитрость—ему покажется, что цѣннѣй всего въ мірѣ—хитрость. То же приблизительно происходитъ и съ нашей женщиной. Она убѣдилась, что мужчинѣ дастъ перевѣсъ преимущественно его образованіе и вышколенный умъ—и она набросилась на университеты и книги. Въ ея глазахъ ученіе, обѣщающее ей свободу—свѣтъ, а все прочее—тьма. Это заблужденіе, конечно,—но, если бы вы попробовали разубѣдить ее въ этомъ, вы только даромъ потратили бы слова: она не повѣритъ, ни за что не повѣритъ вамъ, что то, съ чѣмъ связаны ея лучшія надежды, само по себѣ

можетъ быть дурнымъ или даже хотя бы не очень хорошимъ. Такъ что, повидимому, рано или поздно женщины будутъ не менѣе образованы, чѣмъ мужчины, и обзаведутся твердыми, широкими взглядами, убѣжденіями на всю жизнь, міросозерцаніями—даже, пожалуй, научатся строго логически мыслить. Тогда, вѣроятно, прекратятся многія недоразумѣнія, столь обычныя между представителями противоположныхъ половъ. Но, Боже, какъ скучно станетъ тогда на землѣ! Мужчины будутъ доказывать, женщины будутъ доказывать, даже дѣти, вѣрно, станутъ рождаться всезнающими и всепонимающими. И съ какой тоской мужчины грядущихъ вѣковъ будутъ вспоминать о нашихъ женщинахъ, капризныхъ, взбалмошныхъ, несвѣдущихъ, мало понимавшихъ и не хотѣвшихъ понимать. Цѣлая половина человѣческаго рода не хотѣла и не умѣла понимать! Въ этомъ была надежда: можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ можно обойтись безъ пониманія? Можетъ быть, логическій умъ не добродѣтель, а порокъ. Но въ борьбѣ за существованіе, въ силу закона о выживаніи наиболѣе приспособленныхъ, погибло уже не мало лучшихъ человѣческихъ свойствъ—видно, суждено погибнуть и женской нелогичности. А жаль, страшно жаль!

29.

Всѣ роды литературы хороши, кромѣ одного, скучнаго, сказалъ Вольтеръ. Можно нѣсколько расширить его мысль и сказать: всѣ виды дѣятельности, всѣ люди хороши, кромѣ скучныхъ. Какіе бы у васъ ни были недостатки и пороки, вамъ все простятъ, если вы

сумѣете быть занимательнымъ и интереснымъ. Поэтому откровенность и естественность справедливо признаются сомнительными добродѣтелями. Во всякомъ случаѣ, если говорятъ, что естественность и откровенность—добродѣтели, это всегда нужно понимать cum grano salis. Т. е. иногда позволительно и даже умѣстно выпалить какую угодно истину, иной разъ можно свободно развалиться какъ бревно средь дороги—но, избави васъ Богъ, возводить такого рода искренность въ принципъ. Всегда „правду матку рѣзать", всегда обнажать всего себя,—помимо того, что это въ сущности невыполнимо и никѣмъ никогда не выполнялось, даже въ знаменитыхъ исповѣдяхъ знаменитыхъ людей—гораздо болѣе опасное и отвѣтственное дѣло, чѣмъ это принято думать. Я съ увѣренностью утверждаю, что, если бы нашелся человѣкъ, который бы захотѣлъ и сумѣлъ разсказать о себѣ всю правду, и разсказать не метафорически, какъ это дѣлаютъ литераторы (всякая метафора есть прикраса), а просто, обыкновеннымъ, человѣческимъ, голымъ языкомъ—онъ бы навсегда погубилъ себя, ибо потерялъ бы всякій интересъ въ глазахъ ближнихъ, да и въ собственныхъ глазахъ. Каждый изъ насъ носитъ въ глубинѣ души своей тяжелую и неизлѣчимую рану—и знаетъ о ней, но держится, обязанъ держаться такъ, какъ будто бы онъ ничего о ней не знаетъ, и всѣ дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ ему. Вспомните Лермонтова:

Взгляни: вокругъ тебя, играючи, идетъ
Толпа дорогою обычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной.

А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты.

Къ сожалѣнію въ этихъ словахъ слишкомъ много ужасной правды — и правду эту необходимо скрывать. Слезы, признанья—неприличны. Ибо дѣйствительно страшное всѣхъ отпугиваетъ. Правда, имъ сплошь и рядомъ, и манятъ—какъ напримѣръ дѣлали Байронъ и Лермонтовъ. Но необходимымъ условіемъ заманчивости страшнаго является его неясность и отдаленность. Издалека всякое чудовище кажется прекраснымъ. И только тотъ, кто умѣетъ держать себя на нѣкоромъ разстояніи отъ людей, можетъ быть интереснымъ. Женщины это не всегда понимаютъ. Если имъ понравился человѣкъ, онѣ стараются вплотную, какъ можно ближе подойти къ нему и обыкновенно удивляются, отчего это мужчины не отвѣчаютъ имъ на откровенность откровенностью, отчего ихъ не допускаютъ въ святая святыхъ. Но тамъ, въ этомъ святилищѣ только и есть прекраснаго, что его недоступность. Обыкновенно, это не святилище, а логово, куда израненный звѣрь-человѣкъ прибѣгаетъ зализывать свои раны. И развѣ это нужно дѣлать на людяхъ? Людямъ вообще и женщинамъ въ особенности всегда нужно давать что-нибудь положительное. Въ литературѣ еще можно воспѣвать отчаяніе, безнадежность, неизлѣчимыя раны—все, что угодно; ибо это все-таки литература, т. е. условность. Но обнаружить въ жизни свою безысходную тоску, признаться въ неизлѣчимой болѣзни и тому подобныхъ вещахъ—значитъ добить себя, а

не облегчить. Всѣ, даже лучшіе люди отшатнутся отъ васъ и развѣ только въ цѣляхъ порядка и благочинія помѣстятъ васъ въ какомъ нибудь не слишкомъ замѣтномъ и потому не очень дорогомъ мѣстѣ своего міровоззрѣнія. Въ міровоззрѣніи, какъ извѣстно, какъ на кладбищѣ, для всѣхъ припасены мѣста, тамъ всѣ люди— гости дорогіе. Тамъ и лишніе люди находятъ свой пріютъ. Тамъ есть особо огороженныя площадки, куда сваливается и гдѣ догниваетъ всякаго рода хламъ. Но тѣмъ, кто еще не имѣетъ охоты попасть въ міровоззрѣніе, мой совѣтъ держать языкъ за зубами или, какъ Достоевскій, Нитше и имъ подобные, заниматься литературой. Писателю въ книгахъ (и только въ книгахъ) все позволено—былъ бы только у него талантъ. Въ жизни же и писателю нельзя слишкомъ распускаться, чтобъ не догадались, что въ своихъ книгахъ онъ разсказываетъ о себѣ правду.

30.

Пушкинъ утверждаетъ, что поэтъ долженъ и можетъ быть самъ судьей своего произведенія. „Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ? Доволенъ— такъ пускай толпа его бранитъ...“ Спорить противъ этого едва ли возможно, да и ненужно. Ибо, какъ можно „доказать“, что верховный судъ принадлежитъ не самому поэту, а общественному мнѣнію? Или, что, наоборотъ, утвержденіе Пушкина справедливо? Слова Пушкина, стало быть, нельзя принять, какъ общеобязательное сужденіе. Мы вправѣ согласиться съ ними и не согласиться. Но, какъ свидѣтельство—они уже, повидимому, не могутъ быть отвергнуты. Нравится ли

это намъ или не нравится, но, повидимому, Пушкинъ бывалъ доволенъ своими произведеніями и не нуждался въ санкціи читателей. Счастливый человѣкъ! И мнѣ кажется, что счастьемъ своимъ онъ былъ обязанъ исключительно тому обстоятельству, что умѣлъ въ своихъ стремленіяхъ не переходить за извѣстную черту. Я не думаю, что всѣ поэты согласились бы повторить приведенный стихъ Пушкина. Шекспиръ, напримѣръ. Я рѣшительно отказываюсь себѣ представить, чтобъ послѣ окончанія „Короля Лира“ или „Гамлета“ онъ могъ сказать себѣ: „я, строже всѣхъ оцѣнивающій свой трудъ, доволенъ имъ“. Я не думаю даже, что у него могъ возникнуть вопросъ о достоинствахъ „Гамлета“ или „Короля Лира“. Болѣе того, мнѣ кажется, что для Шекспира, писавшаго „Гамлета“, слово „довольный“ потеряло вообще всякій смыслъ, что если онъ и употреблялъ его, то только лишь по привычкѣ, какъ иногда по привычкѣ мы называемъ имена давно умершихъ людей. Его собственныя произведенія, которыми вотъ уже триста лѣтъ зачитывается все образованное человѣчество, должны были ему казаться несовершенными, слабыми, жалкими, какъ плачъ ребенка или стоны больного. Онъ ихъ отдавалъ въ театръ и, вѣроятнѣе всего, удивлялся тому, что они имѣли успѣхъ. Можетъ быть, и радовался: его слезы годятся хоть на то, чтобъ развлекать или поучать людей. И въ этомъ смыслѣ, вѣроятно, для него судъ толпы былъ дороже собственнаго суда. Онъ не могъ не обвинить свое дѣтище—слава Богу, что хоть люди его оправдали. Оправдали, правда, потому, что не поняли или плохо поняли, но это уже не важно.

„Если обращаться съ каждымъ по его заслугамъ, то кто же изъ насъ избѣжитъ пощечины?“ спросилъ Гамлетъ. Шекспиръ зналъ, что строгій судъ отвергъ бы его произведенія: въ нихъ такъ много страшныхъ вопросовъ и ни одного удовлетворительнаго отвѣта. Неужели этимъ можно быть „довольнымъ!“ „Комедіей ошибокъ“, „Двѣнадцатой ночью“, даже „Ричардомъ III“ можно быть довольнымъ—но, послѣ „Гамлета“, человѣкъ можетъ успокоиться только въ гробу... Если говорить все, я не вполнѣ увѣренъ, что самъ Пушкинъ до конца дней своихъ остался вѣрнымъ высказанному взгляду, что даже въ 1830 году, когда было написано стихотвореніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, онъ сказалъ все, что̀ думалъ. Можетъ быть, онъ и чувствовалъ, какъ мало можетъ быть доволенъ своими трудами поэтъ—но гордость мѣшала ему признаться въ своей слабости, и онъ пытался лишній разъ утѣшить себя сознаніемъ своего превосходства надъ толпой. Средство хорошее—что и говорить! На обиды—а Пушкину вѣдь пришлось вынести не мало обидъ—нужно отвѣчать презрѣніемъ, и горе тому человѣку, который для того, чтобы презирать обидчиковъ ищетъ дѣйствительныхъ собственныхъ заслугъ и прислушивается къ строгому суду совѣсти! Все это излишняя и опасная скрупулезность. Если человѣкъ хочетъ сохранить силу и вѣру въ себя, онъ долженъ бросить великодушныя мечты. Онъ долженъ презирать людей и даже тогда, когда не можетъ ихъ внутренно презирать, все-таки дѣлать видъ, что никого не ставитъ ни въ грошъ. И казаться всегда довольнымъ... Пушкинъ былъ умнымъ человѣкомъ и очень глубокой натурой.

31.

Метафизики противъ воли. — Очень часто приходитъ въ голову мысль, что зло, быть можетъ, не такъ уже ненужно, какъ это принято думать. Болѣзни, униженія, нищета, уродство, неудачи и всѣ прочія растенія съ такой, поистинѣ, тропической роскошью расцвѣтающія на нашей планетѣ, можетъ быть, нужны самому же человѣку. Такое соображеніе имѣетъ за собою не мало эмпирическихъ наблюденій. Поэты нерѣдко воспѣвали въ стихахъ скорбь.

Nous sommes les apprentis, la douleur est notre maître говорилъ Мюссе. Каждый можетъ, даже не заглядывая въ книги, привести на эту тему сколько угодно цитатъ изъ всевозможныхъ авторовъ и сослаться не только на философовъ, которымъ въ данномъ случаѣ не очень-то довѣряютъ, въ виду того, что ихъ принято считать безсердечными и холодными людьми, но и на поэтовъ, отличающихся мягкостью характера, даже сантиментальностью. Несомнѣнно, можно указать много случаевъ, когда страданія и лишенія шли на пользу человѣку. Правда, и обратно, можно указать не мало и такихъ случаевъ, когда, сколько не ищи, никакой пользы отъ страданій и лишеній не найдешь. И какъ разъ все такіе случаи, когда были глубокія, серьезныя, обидныя, безконечно обидныя страданія. Вотъ, напримѣръ, чеховскіе мужчины и женщины — большей частью, повидимому, списанные съ натуры, по крайней мѣрѣ до того напоминающіе дѣйствительность, что кажутся живыми. Дядя Ваня, 50-лѣтній старикъ не своимъ голосомъ кричитъ на всю сцену,

на весь міръ: „пропала жизнь, пропала жизнь“, и безсмысленно стрѣляетъ въ ничѣмъ неповиннаго профессора. Или герой, „Скучной исторіи“. Былъ спокоенъ и счастливъ человѣкъ, 30 лѣтъ подрядъ занимался важнымъ и значительнымъ дѣломъ, и вдругъ незамѣтно подкралась къ нему страшная и отвратительная болѣзнь, но не убила его сразу, а только открыла предъ нимъ свою всепоглощающую пасть. Зачѣмъ, для чего это? А чеховскія дѣвушки и женщины! Ихъ много, и всѣ онѣ большей частью молоды, невинны, обаятельны. И всегда, на каждомъ шагу подстерегаетъ ихъ безсмысленное, грубое, безобразное горе, подрѣзывающее въ самомъ началѣ даже скромныя надежды. Онѣ горько плачутъ, рыдаютъ—но судьба ихъ не щадитъ. Чѣмъ объяснить эти ужасы! Чеховъ молчитъ и не объясняетъ. И самъ не плачетъ: у него уже давно нѣтъ слезъ—да взрослому человѣку стыдно плакать. Нужно или, стиснувъ зубы, молчать, или—объяснять. Вотъ за дѣло объясненія и берется метафизика. Тамъ, гдѣ обыкновенный здравый смыслъ останавливается, метафизика считаетъ себя вправѣ сдѣлать еще одинъ шагъ. „Мы видѣли, говоритъ она, много случаевъ, когда страданія, съ перваго взгляда казавшіяся нелѣпыми и ненужными, потомъ оказывались имѣющими глубокій смыслъ. Можетъ быть, и тѣ, которыя мы не умѣемъ объяснить, все-таки имѣютъ свое объясненіе. „Пропала жизнь“—говоритъ дядя Ваня. „Пропала жизнь“ вторятъ за нимъ безчисленные голоса невинно гибнущихъ молодыхъ дѣвушекъ—но, можетъ быть, ничего не пропало. Самый ужасъ, испытываемый гибнущимъ, гово-

ритъ за то, что гибель только кажущаяся. Что она только начало великихъ событій. Чѣмъ меньше успѣлъ человѣкъ испытать, чѣмъ больше у него осталось неудовлетворенныхъ страстей и желаній, тѣмъ больше основаній думать, что его существо не можетъ безслѣдно уничтожиться и, такъ или иначе, проявитъ себя во вселенной. Добровольный аскетизмъ и подвижничество, явленія очень распространенныя въ мірѣ, служатъ ключемъ къ объясненію загадки. Человѣка никто не принуждаетъ, онъ самъ возлагаетъ на себя обѣты страданій и воздержанія. Непонятный инстинктъ— но инстинктъ, т. е. нѣчто коренящееся въ глубочайшихъ и невѣдомѣйшихъ тайникахъ нашей природы, подсказываетъ ему страшное для человѣческаго разума рѣшеніе: откажись отъ жизни, сохрани себя. Большинство людей не слышитъ этого голоса или, если и слышитъ, не повинуется ему. И природа, не разсчитывающая на нашу чуткость, прибѣгаетъ къ насилію. Она показываетъ людямъ въ молодости рай, будитъ въ нихъ безумныя надежды и желанія— и затѣмъ въ тотъ моментъ, когда мы ждемъ исполненія ея обѣщаній, безжалостно обнажаетъ предъ нами всю призрачность нашихъ ожиданій. Каждая почти жизнь можетъ быть резюмирована въ нѣсколькихъ словахъ: человѣку показали небо — и бросили его въ грязь. Всѣ мы аскеты—одни по волѣ, другіе—по неволѣ. Здѣсь на землѣ въ людяхъ только пробуждаются мечты и надежды, исполняются же онѣ не здѣсь. И тотъ, кто больше всѣхъ вынесъ лишеній и страданій, проснется наиболѣе живымъ и разбуженнымъ“. Такія рѣчи нашептываетъ намъ метафизика. И мы прислушиваемся

къ нимъ, нерѣдко повторяемъ ихъ, опуская ослабляющія впечатлѣніе „быть можетъ“. Иногда мы имъ вѣримъ и выковываемъ себѣ изъ нихъ философское міровоззрѣніе. И даже утверждаемъ, что, если бы у насъ была власть, мы бы ничего, ровно ничего не измѣнили въ этомъ мірѣ... А все таки, если бы какимъ-нибудь чудомъ эта власть попала въ наши руки, съ какимъ бы наслажденіемъ послали бы мы къ чорту всѣ возвышенныя міросозерцанія, метафизику и идеи и просто на просто безъ дальнихъ размышленій устранили бы съ земли всѣ страданія, все безобразіе, всѣ неудачи, которымъ мы приписываемъ такое огромное воспитательное значеніе. Надоѣло, охъ, какъ надоѣло намъ учиться! Но—ничего не подѣлаешь. А потому, faute de mieux, будемъ попрежнему выдумывать системы. Но условимся не сердиться на тѣхъ, которые не хотятъ знать нашихъ системъ. Вѣдь, по справедливости, они имѣютъ полное право на это.

32.

Нужно уважать старость — такъ говорятъ всѣ, даже старики. И молодые большей частью довольно охотно исполняютъ это требованіе. Но и въ уваженіи и въ его добровольности, нерѣдко даже демонстративно подчеркиваемомъ, сквозитъ нѣчто глубоко обидное для старости. Каждый чуткій молодой человѣкъ этой вольной уступчивостью словно говоритъ старику: „а все-таки восходящая звѣзда свѣтитъ ярче заходящей. У меня такъ много, у тебя такъ мало.— неужели же мнѣ отказать тебѣ въ такой нестоющей вещи, какъ уваженіе?“ И старики, принимая обычную

дань, хорошо знаютъ, что больше имъ ничего не полагается. Къ ихъ возрасту внимательны и почтительны, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ они держали себя стариками, и сторонились отъ жизни. Пусть попробуетъ живой человѣкъ послѣдовать примѣру Фауста — какая поднимется тревога! Старики обыкновенно безсильны и потому принуждены, подчиняясь общественному мнѣнію, дѣлать видъ, будто ихъ ничего не занимаетъ кромѣ интересовъ справедливости, ихъ добраго имени и т. п. очень платоническихъ благъ. Только очень немногіе осмѣливаются итти наперекоръ обычаямъ, и въ такихъ случаяхъ ихъ считаютъ чудовищами и выродками. Мы не хотимъ дозволять старикамъ желать и въ концѣ концовъ жизнь устраивается такъ, какъ будто бы старикамъ ничего и не нужно. Это, конечно, полъ-бѣды: не только старики, но и молодые въ условіяхъ нашего существованія принуждены довольствоваться очень малымъ и вступаться за попранныя человѣческія права— здѣсь, по крайней мѣрѣ—не мѣсто. Меня занимаетъ лишь то обстоятельство, что наука и философія принимаютъ невольную симуляцію за дѣйствительность. Сѣдые волосы принято считать за вѣрный признакъ побѣды надъ страстями. Отсюда выводятъ заключеніе, что, такъ какъ сѣдые волосы въ концѣ концовъ неизбѣжны, то, стало быть, послѣдняя задача человѣка— побѣдить страсти... И на этомъ гранитномъ фундаментѣ строятся цѣлыя философскія системы. Съ обычаемъ спорить не стоитъ—будемъ попрежнему оказывать уваженіе старости. Но для философскихъ предпосылокъ поищемъ иныхъ источниковъ: пора открыть

свободный путь страстямъ даже въ область метафизики.

33.

Достоевскій—advocatus diaboli.—Достоевскій, какъ и Нитше, не любилъ протестанства и всячески старался опорочить его въ глазахъ людей. По обыкновенію, средствъ не разбиралъ, вѣроятно, никогда даже не давалъ себѣ труда хорошенько ознакомиться съ ученіемъ Лютера. Чутье его не обманывало—религія и мораль протестанства менѣе всего годится для него и ему подобныхъ людей. Но развѣ это значитъ, что оно вообще никуда не годится, что можно на него клеветать и судить о немъ, какъ это дѣлалъ Достоевскій, по этимологическому значенію слова? Протестантъ—слѣдовательно, онъ протестуетъ, только протестуетъ и самъ не имѣетъ никакого положительнаго содержанія. Достаточно заглянуть въ элементарный учебникъ исторіи, чтобъ убѣдиться, какъ неправильно такое опредѣленіе. Наоборотъ, въ сущности протестантство наиболѣе утверждающее изъ всѣхъ существующихъ исповѣданій христіанства. Оно прежде всего стремится устроить человѣка на землѣ. Оно протестовало, правда, противъ католичества. Но оно возвысило свой голосъ именно противъ разрушительныхъ тенденцій этого послѣдняго, во имя положительныхъ идеаловъ. Католичество слишкомъ уже надѣялось на свою силу и обаяніе и, главное, на непогрѣшимость своихъ догматовъ, въ жертву которымъ оно безбоязненно приносило тысячи, даже милліоны человѣческихъ жизней. Исковеркать, изуродовать от-

дѣльнаго человѣка ad majorem gloriam dei — въ средніе вѣка, въ эпоху расцвѣта католичества, считалось самымъ обыкновеннымъ, вполнѣ законнымъ дѣломъ. Рискуя показаться парадоксальнымъ, я беру на себя смѣлость утверждать, что идеи затѣмъ только и придумывались, чтобы давать право уродовать людей. Средневѣковье питало загадочную и непонятную ненависть ко всему нормальному, самоудовлетворенному, законченному. Молодой, крѣпкій, красивый, спокойный духомъ человѣкъ возбуждалъ въ вѣрующемъ католикѣ подозрительное и враждебное чувство. Одинъ видъ его оскорблялъ, опровергалъ религію. Его нечего и допрашивать. Если онъ даже ходитъ въ церковь и никогда ни на словахъ, ни въ мысляхъ, не сомнѣвался въ истинности католическихъ догматовъ, онъ все-таки еретикъ, котораго нужно всѣми доступными средствами обратить. А средства католичества извѣстны: лишенія, аскетизмъ, умерщвленіе плоти. Самый нормальный человѣкъ, если его подержатъ нѣкоторое время на монашескомъ режимѣ, потеряетъ душевное равновѣсіе и всѣ тѣ добродѣтели, которыя обыкновенно живутъ въ здоровомъ духѣ и здоровомъ тѣлѣ. Католичеству только этого и нужно было. Оно добивалось отъ людей крайняго напряженія всего ихъ существа. Обыкновенную, естественную любовь находящую себѣ удовлетвореніе, а стало быть, и конецъ въ бракѣ и семьѣ, католичество считало грѣховной. Оно воспретило не только монахамъ, но и священникамъ имѣть семью—и въ результатѣ добилось развитія анормальныхъ, чудовищныхъ страстей. Оно проповѣдывало бѣдность,—и на свѣтъ явилась

неслыханная алчность, которая тѣмъ пышнѣй разросталась, чѣмъ больше ей приходилось скрываться. Оно требовало смиренія, и изъ босыхъ монаховъ выходили деспоты, не имѣвшіе соперниковъ своему властолюбію. То, что увидѣлъ въ Римѣ Лютеръ, человѣкъ менѣе всего умѣвшій понять смыслъ и значеніе поставлявшихся себѣ католическихъ задачъ, было не случайнымъ послѣдствіемъ тѣхъ или иныхъ историческихъ обстоятельствъ, а результатомъ вѣковой работы ряда поколѣній, почти сознательно стремившихся придать жизни возможно болѣе тревожный и опасный характеръ. Лютеръ, деревенскій человѣкъ, нѣмецкій монахъ былъ слишкомъ простодушной, искренней и непосредственной натурой для того, чтобы разобраться въ томъ, что происходило въ Римѣ. Онъ думалъ, что существуетъ только одна истина и что сущность католичества въ томъ, что ему представлялось, какъ образецъ добродѣтельной жизни. И онъ прямо шелъ къ поставленной себѣ цѣли. Какое назначеніе можетъ имѣть монашество? Зачѣмъ отнимать у священниковъ радости семьи? Зачѣмъ вообще лишать людей радостей? И какъ можно примириться съ разнузданностью, царившей въ столицѣ папы? Здравый смыслъ нормальнаго нѣмца возмутился противъ очевидной нелѣпости такого положенія вещей—и Лютеръ не умѣлъ, не хотѣлъ уже больше видѣть ничего хорошаго тамъ, гдѣ былъ забытъ здравый смыслъ. Безумная, неслыханная раскачка жизни, достигавшаяся путемъ постоянныхъ и быстрыхъ переходовъ отъ крайняго аскетизма и слѣпой вѣры къ совершенному невѣрію и свободѣ страстей возбудила мистическій ужасъ въ честномъ

монахѣ и придала ему тѣ огромныя силы, которыя нужны были для того, чтобы начать успѣшную борьбу со всемогущимъ папой и святой католической вѣрой. Какъ было ему не протестовать? И кто отрицалъ—Лютеръ или Римъ, дерзнувшій по примѣру жреческихъ кастъ восточныхъ народовъ перейти отъ охраненія завѣщаннаго ему слова Божія къ испытанію, за свой страхъ и за собственной отвѣтственностью, тайнъ жизни?! Лютеръ, можетъ быть, еще простилъ бы монахамъ, если бы ограничивались одними умствованіями. Но средневѣковые монахи не имѣли ничего общаго съ современными намъ философами. Они не искали въ книгахъ „міровоззрѣній“; логическіе турниры ихъ мало забавляли. Ону бросались въ глубочайшіе омуты жизни — они эксперементировали надъ собой и ближними. Они переходили отъ крайняго самоотреченія, отъ совершеннаго умерщвленія плоти къ разнузданнѣйшимъ вакханаліямъ. Они не боялись ничего и не жалѣли ничего. Словомъ, тотъ Римъ, противъ котораго возсталъ Лютеръ, снова затѣялъ строить Вавилонскую башню, на этотъ разъ не изъ камней, а изъ человѣческихъ душъ. Лютеръ ужаснулся открывшагося ему зрѣлища и отступилъ, отозвавъ за собой чуть ли не цѣлую половину Европы: въ этомъ его положительная заслуга предъ исторіей. А Достоевскій нападаетъ на лютеранство! Ему жаль было стараго католичества и той захватывающей духъ высоты, на которую взлетали его „духовныя“ дѣти? Достоевскому мало было здоровой морали и даваемыхъ ей устоевъ?! Это все не есть „положительное“, это только „протестъ“! Повѣрятъ

мнѣ или нѣтъ, но я снова скажу и всегда будутъ повторять: все-таки правъ былъ не Вл. Соловьевъ, считавшій Достоевскаго пророкомъ, а Н. К. Михайловскій, называвшій его „жестокимъ талантомъ“ и „кладоискателемъ“. Достоевскій искалъ кладовъ—въ этомъ болѣе не можетъ быть никакого сомнѣнія, и молодому поколѣнію, выступающему подъ флагомъ благочестиваго идеализма, приличнѣе было бы сторониться стараго кудесника, въ которомъ только при большой близорукости или совершенной житейской неопытности, можно не разглядѣть опаснаго человѣка, чѣмъ избирать его въ свои духовные вожди.

34.

Убѣждать людей и скучно, и трудно, и, въ концѣ концовъ, право, даже не нужно. Гораздо лучше было бы, если бы каждый человѣкъ имѣлъ свои собственныя мнѣнія. Къ сожалѣнію, этого никакъ нельзя добиться! Хочешь, не хочешь, а ты все-таки долженъ признать законъ тяготѣнія. Кой-кому кажется, что необходимо признать происхожденіе человѣка отъ обезьяны... Въ области эмпирической, какъ это ни обидно, есть истины, самыя настоящія общеобязательныя истины, съ которыми не справится никакой бунтъ. Съ какой бы радостью заявили бы мы представителю научной мысли, что огонь вовсе не жжется, что гремучія змѣи вовсе не ядовиты, что можно сброситься съ высокой башни на землю и не расшибиться и т. д. и т. д.—если бы онъ былъ обязанъ доказать намъ противное. Но, къ сожалѣнію ученый свободенъ отъ обязанности доказывать, за него доказываетъ при-

рода—и какъ доказываетъ!—совершенно безъ помощи логики и морали. Если бы природа, какъ метафизики, вздумала бы принуждать насъ къ заключеніямъ проповѣдями или силлогизмами, какъ вы полагаете, добилась бы она отъ насъ чего-нибудь?! Но она куда догадливѣй и, главное, могущественнѣй метафизиковъ. Логику и мораль она предоставила Гегелю и Спинозѣ, а себѣ въ руки взяла дубину. Вотъ тутъ поди, попробуй спорить: поневолѣ уступишь! Самые умные изъ метафизиковъ, католическіе инквизиторы, подражали природѣ. Они рѣдко обращались къ слову и довѣряли больше огню костровъ, чѣмъ сердечному жару. И, если бы только у нихъ было побольше силы, во всемъ мірѣ нельзя было бы найти двухъ людей, разно думающихъ о непогрѣшимости папы. Метафизическія же идеи, мечтательно надѣющіяся разумными доводами покорить міръ и людей, никогда не добьются господства. Если они хотятъ повелѣвать, пусть обратятся къ болѣе дѣйствительнымъ способамъ убѣжденія.

35.

Эволюція.—Въ послѣднее время мы все чаще и чащеприсутствуемъ при смѣнѣ міровоззрѣній у писателей и даже у лицъ, непричастныхъ къ литературѣ. Старики изъ себя выходятъ: имъ кажется положительно неприличнымъ такъ быстро мѣнять убѣжденія; вѣдь убѣжденія все-таки не перчатки, которыя поносишь и сбросишь. Но молодые не обращаютъ никакого вниманія на негодованіе стариковъ и безпечно переходятъ отъ одного строя идей къ другому. Менѣе рѣшительные

люди все-таки немного стѣсняются и не рѣшаются поступать слишкомъ демонстративно, такъ что, хотя фактически и измѣняютъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, но открыто объ этомъ не заявляютъ. Но есть зато и такіе, которые совершенно открыто и притомъ просто, какъ ни въ чемъ ни бывало, заявляютъ, что теперь они уже далеко ушли отъ тѣхъ убѣжденій, которыхъ держались полгода или годъ тому назадъ. Кой-кто даже печатаетъ цѣлыя книги, въ которыхъ разсказывается, какъ онъ за самое короткое время перешелъ отъ одного міровоззрѣнія къ другому и отъ другого къ третьему. И въ такого рода „эволюціи" не видятъ ничего тревожнаго, полагая, что это въ порядкѣ вещей. Но—это вовсе не „въ порядкѣ вещей". Готовность оставить одни убѣжденія ради другихъ прежде всего знаменуетъ совершенное равнодушіе ко всякаго рода убѣжденіямъ. Старики не даромъ бьютъ въ набатъ. Но намъ людямъ, издавна воюющимъ со всякаго рода постоянствомъ, отрадно видѣть легкомысліе молодыхъ. Они будутъ до тѣхъ поръ странствовать по матеріализму, позитивизму, кантіанству, спиритуализму, мистицизму и т. п., пока не увидятъ, что всѣ теоріи и идеи такъ же мало нужны, какъ фижмы и кринолины, которые носили наши прабабушки. И тогда начнутъ жить безъ идей, безъ заранѣе поставленныхъ цѣлей, безъ предвидѣній, всецѣло полагаясь на случай и собственную находчивость. Нужно и это испробовать! Авось такъ добьемся большаго... Въ всякомъ случаѣ, будетъ интереснѣй...

36.

Сила воли.—Очень опасная и сильно распространенная въ наше — да, впрочемъ, не только въ наше, а и во всѣ времена, болѣзнь, — слабость или параличъ воли, состоитъ въ сущности не въ томъ, что человѣкъ пересталъ совершенно хотѣть, какъ это бываетъ съ очень глубокими стариками, а въ томъ, что онъ теряетъ способность переводить свои желанія въ дѣла. Больная, слабая воля нерѣдко встрѣчается у очень страстныхъ, у безумно страстныхъ людей, такъ что обычное разсужденіе— „не говори – не могу, а говори —не хочу“, далеко не всегда примѣнимо. Человѣкъ часто хочетъ, но не можетъ. И тогда сила страсти, вмѣсто того, чтобы направиться на созиданіе чего-либо внѣ насъ, всецѣло уходитъ на внутреннюю работу. Это справедливо принято считать самымъ опаснымъ послѣдствіемъ ослабленія воли. Ибо внутренняя работа—есть разрушительная работа. Человѣкъ не только ничего не дѣлаетъ или, въ переводѣ на научный что ли языкъ, не только не приспособляетъ природу къ своимъ нуждамъ, но еще уменьшаетъ степень своей собственной приспособленности къ внѣшнимъ обстоятельствамъ. Врачъ, даже обыкновенный смертный, надѣленный здравымъ смысломъ, безъ колебаній рѣшаетъ, что тутъ имѣетъ мѣсто патологическій случай, съ которымъ нужно бороться всѣми средствами. Самъ паціентъ того же мнѣнія до тѣхъ поръ, пока у него есть возможность спастись. Но, когда леченіе не приводитъ ни къ какимъ результатамъ, врачъ удаляется, ссылаясь на недостаточное развитіе своей науки. А паціентъ?

Удалиться ему некуда. Говорить о неизлечимой болѣзни противно. И онъ начинаетъ думать, думать, думать — все о такихъ вещахъ, о которыхъ никто не думаетъ. Его всѣ забыли, и онъ понемногу обо всѣхъ и обо всемъ забываетъ и прежде всего забываетъ о столь распространенной истинѣ, что только тѣ сужденія имѣютъ цѣну, которыя признаны общеобязательными. Не то, что онъ оспариваетъ эту истину: онъ ее забываетъ, и некому о ней ему напомнить. Ему всѣ его сужденія кажутся важными, цѣнными. Нельзя, конечно, выставить принципъ: пусть всѣ люди отвернутся отъ внѣшняго міра и обратятся къ самимъ себѣ. Но зачѣмъ непремѣнно выставлять принципъ? Можно просто сказать: я равнодушенъ къ судьбамъ внѣшняго міра. Я не хочу сдвигать горы, мѣнять направленія рѣкъ, передѣлывать карту Европы, не хочу даже зайти въ мелочную лавку за папиросами. Я не хочу ничего „дѣлать". И хочу думать, что мое бездѣлье — самое важное, что бываетъ на землѣ, что моя „болѣзнь" лучше здоровья и т. д. и т. д. безъ конца — до чего только не додумается забытый медициной и врачами человѣкъ! Сужденія его не обязательны, это ясно, какъ день. Но значитъ это также, что они не интересны? И что слабость, даже параличъ воли — только болѣзнь?

37.

Смерть и метафизика.—Даже поверхностный наблюдатель легко можетъ подмѣтить, что лучшее въ жизни очень трудно достижимо. Нѣкоторые психологи даже думаютъ, что главная прелесть лучшаго въ

его трудной достижимости. Это утвержденіе, повидимому, невѣрно, но во всякомъ случаѣ въ немъ есть доля истины: пути къ хорошему опасны. Потому ли это происходитъ, что природа гораздо бѣднѣе, чѣмъ мы привыкли думать, и не можетъ въ достаточной мѣрѣ напасти „благъ“ для алчущаго и жаждущаго человѣчества, или тутъ замѣшаны какія-нибудь высшія соображенія, которыя мы въ своей ограниченности не умѣемъ отгадать—но фактъ тотъ, что чѣмъ заманчивѣй какая-нибудь цѣль, тѣмъ рискованнѣй и страшнѣй путь къ ней. Нельзя ли сдѣлать, въ видѣ предположенія, по крайней мѣрѣ, и обратнаго заключенія, то-есть, что за всякой опасностью кроется благо и, что, слѣдовательно, опасность служитъ показаніемъ, а не противопоказаніемъ, какъ насъ учитъ повседневный опытъ? И — заключать, такъ заключать—величайшая изъ опасностей, т. е. смерть, должна быть потому наиболѣе многообѣщающей! Тутъ можно и остановиться и не спекулировать на дальнѣйшіе выводы. Я нахожу, что даже должно остановиться, чтобы не спорить съ традиціонной метафизикой. Какъ извѣстно, метафизика всегда умѣла освѣтить отблескомъ вѣчности наше временное существованіе. Послѣдуемъ и мы ея примѣру, т. е. не будемъ дѣлать попытокъ познанія абсолюта. Нашли утѣшительное предположеніе, хотя бы въ области трансцендентнаго—волоките его скорѣй на землю, гдѣ трудящіеся и обремененные ждутъ не дождутся хоть воображаемаго облегченія своей участи. Нужно умѣть все, даже смерть, использовать для цѣлей нашей жизни.

38.

Будущее.—Умный и трезвый мальчикъ, привыкшій довѣрять здравому смыслу, прочитавъ въ книгѣ для дѣтскаго возраста описаніе кораблекрушенія, случившагося какъ разъ въ то время, когда пассажиры ѣли сладкое, очень удивился, узнавъ, что всѣ, даже женщины и дѣти, которыя не могли спасать судно, бросили ѣду и съ воплями и рыданіями метались по палубѣ. Зачѣмъ рыдать, зачѣмъ метаться, зачѣмъ безтолково волноваться? Матросы знаютъ свое дѣло и сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее. Разъ суждено погибнуть — все равно погибнешь, будешь ли волноваться или не будешь. Мальчику казалось, что, если бы онъ былъ на кораблѣ, онъ бы не ушелъ отъ стола и ѣлъ бы сладкое до самой послѣдней минуты. Нужно отдать справедливость его трезвому и безукоризненно правильному заключенію. Осталось жить нѣсколько минутъ — развѣ не лучше употребить ихъ возможно болѣе пріятно? Логическая цѣпь разсужденій идеальная, хоть самого Аристотеля зови. И мальчику никакъ нельзя было доказать, что онъ тоже бросилъ бы сладкое, даже если бы это было его любимѣйшее сладкое, и вмѣстѣ съ остальными пассажирами сталъ бы безтолково и безсмысленно метаться по судну. Отсюда мораль: не гадай о будущемъ. Сегодня господствуетъ въ тебѣ здравый смыслъ, и сладкое является для тебя высшимъ закономъ. Но завтра ты прогонишь и здравость, и смыслъ, сдружишься съ безтолковостью и нелѣпостью и, можетъ быть, даже полюбишь горькое. Такъ вѣдь?

39.

Синтетическія сужденія a priori.—Кантъ, какъ извѣстно, нашелъ въ математикѣ и естественныхъ наукахъ синтетическія сужденія a priori. Правъ былъ онъ или неправъ, т. е. должны ли указанныя имъ сужденія считаться апріорными или апостеріорными—одно несомнѣнно: всѣ они принимаются людьми если не за абсолютно, то за относительно безспорныя. Иначе обстоитъ дѣло въ области метафизики, какъ разъ въ той области, гдѣ скрываются наиболѣе важныя и любопытныя для насъ истины. Кантъ принужденъ былъ признать, что тутъ именно кончается способность нашего разума судить a priori. Но, такъ какъ все-таки безъ метафизическихъ сужденій обойтись нельзя, то онъ и предложилъ замѣнить ихъ постулатами, допущеніями, оптимистически предполагающими, что въ области трансцендентнаго мы найдемъ все, чего намъ не хватаетъ въ мірѣ явленій. Такъ что, хотя настоящей, научной метафизики онъ и не могъ изобрѣсти, зато онъ выдумалъ ненаучную метафизику, т. е. окольнымъ путемъ, послѣ долгихъ странствованій, привелъ своихъ читателей съ противоположной стороны къ тому же мѣсту, откуда онъ обѣщалъ увести ихъ. Вѣдь ненаучная метафизика существовала и до Канта, фантазій на умозрительныя темы было сколько угодно и у средневѣковыхъ философовъ. И даже всѣ онѣ обыкновенно подкрѣплялись „нравственными“ доказательствами. Канту, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ задался цѣлью реформировать метафизику, нужно было бы прежде всего возстать

противъ ея излюбленнаго пріема добывать истину посредствомъ „заключеній“. Люди ужасно экономныя и жадныя существа. Имъ хочется побольше знать и покупать свои знанія возможно дешевле. Вслѣдствіе этого они вообразили себѣ, что каждая, добытая ими путемъ опыта, т. е. затраты силъ, истина даетъ право на полученіе еще нѣсколькихъ новыхъ—уже безвозмездно, или, говоря философскимъ языкомъ, a priori, изъ разума. И они не только не стыдятся спекулировать на даровщину, но еще гордятся такой своей способностью. Вмѣсто того, чтобъ смотрѣть, прислушиваться, ощупывать, словомъ—искать, они хотятъ заключать! Конечно, если бы имъ удалось перехитрить природу и выманить у нея какимъ угодно путемъ—хитростью, наглостью, обманомъ—важную тайну, мы бы простили имъ все: побѣдителей не судятъ. Но вѣдь изъ ихъ „заключеній“ ровно ничего не выходитъ, кромѣ метафизическихъ системъ, которыя даже Канту, больше чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ, казались пустой болтовней. Не пора ли бросить заключенія и добывать истину a posteriori, какъ это дѣлали Шекспиръ, Гете, Достоевскій, и—всѣ почти поэты, т. е. по просту говоря каждый разъ, когда придетъ охота узнать что-нибудь—пойти и посмотрѣть. И, наоборотъ, если лѣнь или страшно сдѣлать новый опытъ, пріучить себя, какъ это дѣлаютъ позитивисты, относиться равнодушно къ послѣднимъ вопросамъ бытія. А то нравственныя, онтологическія и тому подобныя доказательства—право, уже неприлично вспоминать о нихъ. Да кто принимаетъ ихъ серьезно? Каждый новый опытъ—любопытенъ, наши же заключенія т. е. синтетическія сужденія a priori—боль-

шей частью только широковѣщательная ложь, нестоющая даже того клочка бумаги, на который ее заносятъ.

40.

Общія правила.—Люди обращаются къ философамъ за общими принципами. И, такъ какъ философы тоже люди и сообразуютъ свое производство съ потребностями рынка, то они большей частью и занимаются изготовленіемъ общихъ правилъ. Межъ тѣмъ является вопросъ: какой толкъ въ общихъ правилахъ? Почти одновременно съ вопросомъ приходитъ и отвѣтъ: никакого. Природа повелительно требуетъ отъ каждаго изъ насъ индивидуальнаго творчества. Люди не хотятъ этого понять и все ждутъ отъ философіи послѣднихъ истинъ, которыхъ не было, нѣтъ и никогда не будетъ. Истинъ столько, сколько людей на свѣтѣ. Да почему бы въ самомъ дѣлѣ каждому взрослому человѣку не быть творцомъ, не жить за свой страхъ и не имѣть собственнаго опыта? Дѣтей, подростковъ, даже юношей можно водить на помочахъ, учить. Но совершеннолѣтнихъ, ищущихъ указки, слѣдуетъ всячески клеймить и порицать. Въ нихъ говоритъ лѣнь и трусость. Они боятся попробовать и потому вѣчно ходятъ за совѣтами къ мудрецамъ. Мудрецы же безъ колебанія берутъ на себя отвѣтственность за жизнь другихъ. Они выдумываютъ общія правила, какъ будто бы имъ въ самомъ дѣлѣ доступны источники познанія, закрытые для обыкновенныхъ смертныхъ. Пустое! Мудрецы не больше знаютъ, чѣмъ глупые—у нихъ только больше храбрости и самоувѣренности. Всякій умный человѣкъ отъ всей души смѣется надъ „книжными“ взглядами. А вѣдь

книги—отъ мудрецовъ. И онѣ дѣйствительно часто бываютъ чрезвычайно интересны—но именно постольку, поскольку онѣ не заключаютъ въ себѣ общихъ правилъ. Горе тому, кто вздумалъ бы строить свою жизнь по Шопенгауеру, Гегелю, Толстому, Шиллеру или Достоевскому! Ихъ можно и даже должно читать—но жить надо своимъ умомъ. Это особенно хорошо знаютъ тѣ, которые дѣлали соотвѣтствующіе опыты—т. е. пробовали устраиваться сообразно той или иной вычитанной теоріи. Въ лучшемъ случаѣ получалась пошлость. Значитъ выхода нѣтъ! Хочетъ человѣкъ или не хочетъ, рано или поздно придется ему признать непригодность всякаго рода шаблоновъ и начать творить самому. И, развѣ, après tout, это уже такъ ужасно? Нѣтъ общеобязательныхъ сужденій — обойдемся необщеобязательными. Отъ этого пострадаютъ только одни учителя...

41.

Метафизическія утѣшенія.—Метафизики, какъ извѣстно, самымъ безпощаднымъ образомъ преслѣдуютъ всякаго рода эвдаймонистическія ученія, видя въ нихъ своего рода laesio majestatis человѣческаго достоинства. Наше достоинство, говорятъ намъ, запрещаетъ намъ ставить себѣ высшей цѣлью свое личное счастье. Положимъ, что такъ. Но, зачѣмъ придумывать тогда утѣшенія, хотя бы метафизическія? Зачѣмъ столь „чистому“, идейному понятію, какъ метафизика, давать въ спутники, въ союзники даже столь грубое, „чувственное“ (въ кантовскомъ смыслѣ) слово, какъ утѣшеніе? Ей гораздо приличнѣе было бы побрататься

съ гордой безутѣшностью! Утѣшеніе предполагаетъ ровность и спокойствіе духа, даже тихую радость. Но вѣдь метафизика обязана (если только она согласна признать за собою какія бы то ни было обязательства) отталкивать отъ себя съ презрѣніемъ всѣ земныя блага и перебрасывать ихъ матеріалистамъ и позитивистамъ, не умѣющимъ, подняться до чистой и безразличной созерцательности. Что метафизику до радостей и страданій? Они сами по себѣ—онъ самъ по себѣ. И вдругъ онъ начинаетъ мечтать объ утѣшеніи! Очевидно, здѣсь кроется недоразумѣніе, и очень крупное. Чѣмъ больше вдумываешься и всматриваешься въ послѣднія цѣли безконечныхъ метафизическихъ задачъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ ихъ конечности. Метафизики только и хлопочутъ о томъ, чтобы добыть какое-нибудь новое благо—я чуть не сказалъ наслажденіе. Вольтеръ утверждалъ, что, если бы не было Бога, Его нужно было бы выдумать, и эти слова объясняютъ его крайнимъ позитивизмомъ. Но позитивнаго — здѣсь только форма. Содержаніе же чисто метафизическое. Ибо каждый метафизикъ гораздо болѣе озабоченъ тѣмъ, чтобы убѣдить себя, что Богъ существуетъ, чѣмъ самымъ существованіемъ Его. Разъ онъ увѣровалъ, съ него этого вполнѣ достаточно, хотя бы оказалось, что онъ ошибается. Онъ нашелъ утѣшеніе—большаго онъ и не искалъ. Иначе онъ бы понялъ, что то обстоятельство, что онъ вѣритъ, нисколько не служитъ доказательствомъ реальности объекта его вѣры. Онъ бы понялъ, что вовсе и не важно, вѣритъ ли онъ или не вѣритъ, что весь вопросъ только въ томъ, существуетъ ли высшее сознательное

начало или мы, живые люди, являемся вѣчными рабами и данниками мертвыхъ законовъ необходимости. Но что ему до всего этого! Онъ, объявившій себя непримиримымъ врагомъ эвдаймонизма, хочетъ утѣшенія, утѣшенія и утѣшенія. Сомнѣніе въ его правѣ быть утѣшеннымъ приводитъ его въ ярость и бѣшенство. И онъ готовъ отстаивать свои убѣжденія всѣми дозволенными и недозволенными способами — начиная съ моральнаго негодованія и кончая даже кулаками. Само собою разумѣется, что попытки вразумить такого человѣка—безплодны. Разъ человѣкъ не хочетъ Бога, а думаетъ только о наилучшемъ устройствѣ, вы не оторвете его вниманія отъ ближайшаго момента. А межъ тѣмъ все-таки, можетъ быть, что есть Богъ и выдумывать Его не нужно ни Вольтеру, ни метафизикамъ. И что невѣріе въ Бога вовсе не служитъ возраженіемъ, что оно именно служитъ доказательствомъ Его существованія — большимъ, чѣмъ вѣра. Метафизикамъ это соображеніе не приходило въ голову? Жаль! Можетъ быть, они въ этомъ нашли бы для себя „утѣшеніе“ и отказались бы отъ нравственной и кулачной расправы и другихъ подобныхъ пріемовъ, къ которымъ они, къ сожалѣнію, слишкомъ часто прибѣгаютъ.

42.

Практическій совѣтъ.— Образованнымъ, много читающимъ людямъ нужно постоянно имѣть въ виду, что литература—это одно дѣло, а жизнь—другое. Это, однако, еще вовсе не значитъ, что писатели всегда лгутъ. Я положительно беру на себя смѣлость утверждать, что есть писатели, которые очень рѣдко и

неохотно лгутъ. Но нужно умѣть читать, а этому очень нелегко научиться: на сто грамотныхъ людей едва-ли девяносто девять понимаютъ, что они читаютъ. Принято думать, напримѣръ, что писатель умѣвшій вдохновенно воспѣть въ своей книгѣ страданія, всегда готовъ раскрыть объятія всякому, кто придетъ къ нему съ тяжелой нуждой. Это вычитываютъ въ его сочиненіяхъ. И потомъ, когда убѣждаются, что въ жизни пѣвецъ страданій бѣжитъ безъ оглядки отъ земныхъ страдальцевъ, этому очень удивляются, этимъ даже возмущаются и начинаютъ говорить о противорѣчіи между словомъ и дѣломъ. А межъ тѣмъ весь секретъ въ томъ, что у пѣвца и своихъ страданій достаточно, болѣе чѣмъ достаточно и, такъ какъ онъ не можетъ отъ нихъ избавиться, то онъ воспѣваетъ ихъ. L'ucello canta nella gabbia non di gioia, ma di rabbia, говоритъ итальянская поговорка. Любить страдальцевъ, особенно безнадежныхъ страдальцевъ прямо невозможно, и кто утверждаетъ противное, тотъ завѣдомо лжетъ. Правда, были однажды произнесены слова: придите ко мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Но вы помните, что спросили о Немъ евреи: кто онъ такой, что говоритъ, какъ власть имѣющій? И если бы онъ не умѣлъ, не имѣлъ права отвѣтить на этотъ вопросъ, онъ долженъ былъ бы отказаться отъ своихъ словъ. Мы же, обыкновенные люди, не имѣющіе ни его силы, ни его правъ—мы можемъ любить только не потерявшихъ надежды ближнихъ, и всякія притязанія наши, переходящія этотъ предѣлъ, есть пустое, не стоющее вниманія хвастовство. Нельзя требовать отъ пѣвца страданій ничего, кромѣ его пѣ-

сенъ. Скорѣй нужно подумать о томъ, чтобъ облегчить его, чѣмъ о томъ, чтобъ получить отъ него облегченіе. Не всегда же человѣку плакать и искать слезъ. Закончу второй итальянской поговоркой: non e un si triste cane, che non meni la coda...

43.

Если больной человѣкъ лѣчится и аккуратно исполняетъ совѣты и предписанія образованнаго и заслуживающаго довѣрія врача, всякій скажетъ, что онъ поступаетъ разумно. Если больной отказывается лѣчиться не въ силу принципіальнаго недовѣрія къ врачамъ и медицинѣ, а такъ, безъ всякой причины, по безпечности, что-ли, всякій скажетъ, что онъ поступаетъ глупо. Если же здоровый человѣкъ рѣшится привить себѣ какую-нибудь опасную болѣзнь, чахотку, скажемъ, или проказу, мы безъ всякаго колебанія объявимъ его сумасшедшимъ и даже, пожалуй, не остановимся предъ насиліемъ, чтобъ помѣшать ему въ осуществленіи его явно безумнаго намѣренія. До такой степени мы убѣждены, что болѣзнь есть зло, а здоровье — благо. Спрашивается: на чемъ основано наше убѣжденіе? Обыкновенный человѣкъ, конечно, не захочетъ серьезно поставить такой вопросъ, очевидно нелѣпый уже на первый взглядъ. Но, обыкновенный человѣкъ не согласился бы усомниться въ неподвижности земли, обыкновенный человѣкъ хохочетъ, когда ему говорятъ о проблемѣ отношенія реальнаго міра къ міру нашихъ представленій и т. п. Мало ли что не кажется обыкновенному человѣку не подлежащимъ обсужденію! Философъ не вправѣ ссылаться на права обыкновеннаго

человѣка. Философъ обязанъ сомнѣваться, сомнѣваться и сомнѣваться и именно тогда спрашивать, когда никто не спрашиваетъ, рискуя стать посмѣшищемъ для толпы. Если бы здраваго смысла было достаточно для добыванія истины, мы бы давно все знали. Такъ что, хочешь или не хочешь, приходится поставить вопросъ: почему мы здоровье цѣнимъ выше болѣзни? И даже еще рѣзче: что лучше—здоровье или болѣзнь? И, если только мы отвергнемъ утилитарную точку зрѣнія—а утилитаризму въ философіи не можетъ быть мѣста, въ этомъ, конечно, всѣ согласны—то сейчасъ же станетъ ясно, что у насъ, по меньшей мѣрѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній отдавать предпочтеніе здоровью предъ болѣзнью. Мы не выдумывали ни того, ни другого; явившись на свѣтъ мы нашли ихъ готовыми, въ томъ видѣ, въ которомъ ихъ изобрѣла природа. Съ какой же стати мы, такъ мало посвященные въ ея тайныя намѣренія, беремъ на себя право судить о томъ, что удалось ей и что̀ не удалось? Намъ пріятно здоровье и непріятна болѣзнь—но вѣдь это соображеніе не достойно философа! На то онъ и философъ, чтобъ умѣть быть объективнымъ, иначе, въ чемъ его преимущество предъ чернью? Философы выдумали автономную мораль, имѣющую въ своемъ распоряженіи чистыя идеи, рѣшительно никакого отношенія къ эмпирическому содержанію жизни не имѣющія. Нужно сдѣлать еще одинъ шагъ. Нужно, чтобъ „разумъ“ тоже имѣлъ запасъ своихъ чистыхъ идей на всѣ случаи жизни. Пусть онъ цѣнитъ по собственному, свободному усмотрѣнію, нисколько не сообразуясь съ принятыми мнѣніями. И, когда у него нѣтъ

никакихъ другихъ основаній—пусть пользуется отрицательнымъ методомъ: все, что утверждаетъ здравый смыслъ—ошибочно, стало быть, должно быть отвергнуто. Здравый смыслъ предпочитаетъ здоровье болѣзни, разумъ уже по этому одному дѣлаетъ противоположное утвержденіе: высшее благо есть болѣзнь. Вотъ такой разумъ заслуживалъ бы названія автономнаго, самозаконнаго. Онъ, какъ истинный монархъ, ничѣмъ, кромѣ собственной воли, не управляется. Пусть всѣ „соображенія“ говорятъ въ пользу здоровья—разумъ долженъ оставаться непреклоннымъ и твердить свое, до тѣхъ поръ пока ему не удастся пріучить людей къ абсолютному повиновенію. Онъ не только болѣзнь долженъ возвести на пьедесталъ, онъ долженъ восхвалять страданіе, безобразіе, неудачу, безнадежность. Онъ долженъ воевать на каждомъ шагу съ утилитаризмомъ и здравымъ смысломъ, пока не заставитъ человѣчество безропотно платить себѣ полную дань. Онъ боится возмущенія? И въ послѣднемъ счетѣ онъ также же, какъ и мораль, примѣняется ко вкусамъ толпы?

44.

Опытъ и наука.—Какъ извѣстно, наука не признаетъ опыта во всемъ его объемѣ и по существу признать его не можетъ. Огромное количество единичныхъ фактовъ выбрасывается ею за бортъ, какъ излишній и ненужный балластъ. Она принимаетъ въ свое вѣдѣніе только тѣ явленія, которыя постоянно чередуются съ извѣстной правильностью; самый драгоцѣнный для нея матеріалъ—это тѣ случаи, когда явленіе

можетъ быть по желанію искусственно вызвано, когда, возможенъ, стало быть, экспериментъ. Она объясняетъ движеніе земли и смѣну временъ года, ибо тутъ подмѣчается правильная послѣдовательность, она наглядно представляетъ громъ и молнію, добывая искру на электрической машинѣ. Словомъ, поскольку наблюдается правильное чередованіе явленій, постольку расширяется область науки. Но, какъ же быть съ единичными, не повторяющимися и не могущими искусственно быть вызванными явленіями? Если бы всѣ люди были слѣпыми и только одинъ изъ нихъ на минуту прозрѣлъ и увидѣлъ бы красоту и великолѣпіе Божьяго міра, наука не могла бы считаться съ его показаніями. А между тѣмъ свидѣтельство одного зрячаго значитъ больше, чѣмъ показанія милліона слѣпыхъ. Въ жизни человѣка возможны внезапныя озаренія—хотя бы на нѣсколько секундъ. Неужели о нихъ нужно молчать только потому, что при нормальныхъ обстоятельствахъ ихъ не бываетъ и что ихъ нельзя вызвать въ каждую данную минуту?! Или, если говорить, то непремѣнно въ поэтической формѣ, чтобъ дать право всякому сказать: это прекрасный вымыселъ, но все-таки вымыселъ, дѣйствительностью опровергаемый?... Наука этого требуетъ. Она признаетъ истинными только такія сужденія, которыя могутъ быть провѣрены всякимъ и всегда. Не ясно ли, что этимъ она превышаетъ предѣлы своей компетенціи? Опытъ гораздо шире, чѣмъ научный опытъ, и единичныя явленія говорятъ намъ гораздо больше, чѣмъ постоянно повторяющіяся. Наука полезна—спору нѣтъ, но истинъ у нея нѣтъ и никогда не будетъ. Она даже не можетъ знать, что́ такое истина и на-

копляетъ лишь общеобязательныя сужденія. Между тѣмъ, повидимому, существуетъ и всегда существовали ненаучные пріемы отысканія истины, которые и приводили если не къ самому познанію, то къ его преддверію, но мы такъ опорочили ихъ современными методологіями, что не смѣемъ и думать о нихъ серьезно. Вѣдь просиживали астрологи, алхимики, гадатели, кудесники въ теченіе многихъ лѣтъ цѣлыя ночи на пролетъ наединѣ со своими думами—кто далъ намъ право утверждать, что они попусту убивали время? Они не нашли философскаго камня?! Но, можетъ быть, и не въ камнѣ было дѣло! Камень только предлогъ, доступное пониманію непосвященнаго человѣка объясненіе подозрительнаго затворничества. Если бы алхимикъ или древній гадатель откровенно признался ближнимъ, что его занятія не преслѣдуютъ общеполезныхъ цѣлей, чѣмъ оправдалъ бы онъ свою праздность? Имъ нужно было казаться полезными или, по крайней мѣрѣ, страшными, чтобъ оградить себя отъ назойливаго любопытства и контроля. И они безсознательно или сознательно лгали, то обнадеживая, то пугая людей. Но, несомнѣнно, у нихъ было свое, важное дѣло, которое имѣло только одинъ недостатокъ—оно было ихъ личнымъ, а не общественнымъ дѣломъ. А о личныхъ дѣлахъ принято молчать... И поразительно! Обыкновенно человѣкъ колеблется въ своихъ сужденіяхъ, по поводу самыхъ незначительныхъ вопросовъ. Но у каждаго бывали въ жизни моменты, когда неизвѣстно откуда къ нему внезапно приходила неслыханная смѣлость и рѣшительность въ сужденіяхъ. Вчера еще робкій и тихій,—сегодня онъ готовъ одинъ противопоставить свое мнѣ-

ніе цѣлому свѣту — и защищать его противъ всѣхъ, нынѣ живущихъ, противъ всѣхъ, когда-либо жившихъ людей. Спрашивается, откуда эта увѣренность и что она значитъ сама по себѣ? Обосновать ее принятыми способами доказательствъ, нѣтъ и не можетъ быть никакой возможности. Если влюбленный рѣшаетъ, что его возлюбленная прекраснѣй всѣхъ женщинъ въ мірѣ и стоитъ того, чтобы отдать за нее жизнь; если обиженный утверждаетъ, что его обидчикъ самый низкій человѣкъ и заслуживаетъ пытки и казни; если самозванный Колумбъ убѣждаетъ себя, что грезящаяся ему Америка—единственный предметъ, достойный вниманія — кто скажетъ этимъ людямъ, что ихъ сужденія, никѣмъ, кромѣ нихъ не раздѣляемыя, не имѣютъ права называться истинными? Или, точнѣе, сказать-то имъ скажутъ — но кому они повѣрятъ? И ради кого они согласятся отречься отъ своего познанія? Ради объективной истины? Т. е. ради удовольствія считать, что вслѣдъ за ними всѣ люди повторятъ ихъ сужденія. Но имъ этого не нужно. Пусть донъ-Кихотъ, съ мечемъ въ рукѣ бѣгаетъ по свѣту и дерется съ каждымъ встрѣчнымъ, чтобъ доказать красоту своей Дульцинеи или опасность, грозящую отъ вѣтряныхъ мельницъ и стада барановъ. Донъ-Кихотъ, а вмѣстѣ съ нимъ и современные нѣмецкіе философы, имѣютъ неясное сознаніе, родъ предчувствія, что на самомъ дѣлѣ они воюютъ не съ рыцарями, а съ баранами, не съ великанами, а съ мельницами и что ихъ идеалъ въ сущности обыкновенная дѣвушка, которая только на то и годится, чтобъ пасти свиней и, чтобъ заглушить въ себѣ роковыя сомнѣнія, они обращаются къ мечу,

къ доказательствамъ, и не успокаиваются до тѣхъ поръ, пока имъ не удается заткнуть глотки всѣмъ людямъ. Когда они слышатъ изъ всѣхъ устъ похвалы Дульцинеѣ, они говорятъ себѣ: да, она дѣйствительно прекрасна и никогда не пасла свиней. Когда всѣ удивляются ихъ подвигамъ въ дракѣ съ баранами и мельницами, они торжествуютъ: это не бараны, значитъ, какъ могло казаться, а рыцари, не мельницы, а великаны. Это называется доказанными, общеобязательными сужденіями: поддержка толпы есть необходимое условіе существованія современной философіи и ея рыцарей печальнаго образа. Научная философія ждетъ, не дождется новаго Сервантесса, который бы положилъ конецъ дикому обычаю пролагать посредствомъ доказательствъ путь истинѣ. Всѣ сужденія имѣютъ право на существованіе, и, если уже говорить о привилегіяхъ, то нужно отдать предпочтеніе тѣмъ, которыя теперь наиболѣе всего находятся въ загонѣ, т. е. такимъ, которыя не могутъ быть провѣренными и стать, въ силу этого, общеобязательными. Разъ человѣкъ нашелъ слова, чтобъ выразить свое дѣйствительное отношеніе къ міру—онъ имѣетъ право говорить, и его можно слушать, хотя бы его отношеніе было единственнымъ въ своемъ родѣ, не встрѣчавшимся донынѣ и никогда не имѣющимъ повториться. Провѣрять его наблюденіями и экспериментами строжайшимъ образомъ возбраняется. Если въ васъ привычка „объективной провѣрки“ настолько убила природную воспріимчивость къ жизненной правдѣ, что вы уже не полагаетесь ни на свое зрѣніе, ни на свой слухъ и довѣряете только показаніямъ независящихъ отъ вашей воли приборовъ—

ну, тогда, конечно, вамъ ничего не остается дѣлать. Держитесь убѣжденія, что наука есть совершенное знаніе и обобщайте. Но, если вы сохранили живые глаза и чуткій слухъ — бросьте инструменты и приборы, забудьте методологію и научное донкихотство и попытайтесь довѣриться себѣ. Что за бѣда, что вы не добудете общеобязательныхъ сужденій, и увидите въ баранахъ барановъ? Это шагъ впередъ, можетъ быть. Вы разучитесь смотрѣть вмѣстѣ со всѣми, но научитесь видѣть тамъ, гдѣ еще никто не видѣлъ, и не размышлять, а заклинать, вызывать чуждыми для всѣхъ словами невиданную красоту и великія силы. Повторяю, не даромъ астрологи, алхимики и гадатели пренебрегали экспериментальнымъ методомъ, который, къ слову сказать, вовсе не есть изобрѣтеніе новаго времени, а существуетъ столько лѣтъ, сколько существуетъ на землѣ жизнь. И животныя экспериментируютъ, только не сочиняютъ трактатовъ по индуктивной логикѣ и не гордятся своимъ мышленіемъ. Корова, однажды обжегшая морду въ пойлѣ, второй разъ подходитъ осторожнѣе къ корыту. То же самое, только систематически, производитъ каждый экспериментаторъ. Но животнымъ часто инстинктъ помогаетъ тамъ, гдѣ не хватаетъ опыта. А у насъ, у людей, развѣ достаточно опыта? И развѣ опытъ можетъ дать то, что намъ нужнѣе всего? А разъ такъ, пусть наука, вмѣстѣ съ ремесломъ, служитъ нуждамъ повседневности, пусть даже философія, тоже жаждущая служить, отыскиваетъ общеобязательныя истины. Но за ремесломъ, наукой и научной философіей есть еще область знанія. Во всѣ времена люди, каждый на свой страхъ и рискъ, стре-

мились къ ней. Неужели мы, люди XX-го вѣка, добровольно откажемся отъ своихъ суверенныхъ правъ, и изъ боязни общественнаго мнѣнія займемся исключительно добываніемъ полезныхъ свѣдѣній? Или, чтобъ не казаться себѣ обездоленными, примемъ вмѣсто философскаго камня современную метафизику, прикрывающую свой страхъ предъ дѣйствительностью постулатами, абсолютами и тому подобными на видъ трансцендентными выраженіями?

45.

Русскій духъ.—Отличительныя свойства русской литературы, даже всего русскаго искусства, какъ извѣстно — простота, правдивость и совершенное отсутствіе риторическихъ прикрасъ. Достоинство это или недостатокъ—судить не берусь, но одно мнѣ кажется несомнѣннымъ: наша простота и правдивость есть слѣдствіе нашей относительной малокультурности. Въ то время, когда въ Европѣ человѣческая мысль уже много столѣтій бьется надъ неразрѣшимыми вопросами—мы только начинаемъ пробовать свои силы. У насъ нѣтъ еще неудачъ въ прошломъ. Отецъ самаго глубокомысленнаго русскаго писателя былъ либо бариномъ, дѣлившимъ свое время между роскошными забавами и однообразной службой, либо мужикомъ, которому заботы о добываніи насущнаго хлѣба не оставляли ни одной минуты для праздной пытливости. Откуда намъ знать, существуютъ ли предѣлы для человѣческаго познанія? Намъ кажется, что если мы не знаемъ, то только потому, что еще не искали какъ слѣдуетъ. Чужой опытъ для насъ не обязателенъ —

о немъ вѣдь можно получить самыя неопредѣленныя и отрывочныя свѣдѣнія изъ ненадежнѣйшаго источника, книгъ. Человѣку свойственно вѣрить въ лучшее, впредь до доказательства противнаго, и всякую попытку отнять у васъ вѣру мы встрѣчаемъ, обыкновенно, энергичнымъ отпоромъ. Наиболѣе скептически настроенный русскій человѣкъ въ глубинѣ души своей таитъ надежду. Отсюда наше безстрашіе въ „правдивости“, такъ ошеломившее европейскую критику. Реализмъ выдумали на Западѣ, тамъ его обосновали, какъ теорію — но тамъ же, въ противовѣсъ ему, выдумали еще множество теорій, смягчающихъ безутѣшные выводы, къ которымъ приводитъ реализмъ. Тамъ есть être surpême, deus sive natura, гегелевскій абсолютъ, кантовскіе постулаты, англійскій утилитаризмъ, прогрессъ и еще десятки, сотни философскихъ и соціологическихъ идей, которыми такъ ловко окутываютъ даже сами крайніе реалисты „правду жизни“, что она совсѣмъ перестаетъ быть правдой. Западный человѣкъ надѣется на себя и только на себя. Онъ твердо убѣжденъ, что, если не поможетъ себѣ самъ, то никто ему не поможетъ. Соотвѣтственно этому, всѣ помыслы его направлены къ тому, чтобы какъ можно лучше устроить свою жизнь. Ему отмѣрено извѣстное, ограниченное время: если онъ не успѣетъ спѣть свою пѣсню, она такъ и останется недопѣтой. Судьба не прибавитъ ему ни одной минуты для не исполненныхъ тактовъ. И, въ качествѣ опытнаго музыканта, онъ превосходно владѣетъ собой. У него ни одна секунда не пропадаетъ даромъ, ибо онъ знаетъ, что стоитъ хоть разъ замедлить темпъ — и прощай навсегда гармо-

нія! Темпъ это все, а условіе темпа, это легкость и быстрота въ движеніи. Артисту, въ теченіе одного короткаго такта нужно дать нѣсколько звуковъ и такъ дать, чтобы осталось впечатлѣніе, что онъ нисколько не торопился, что у него въ распоряженіи было больше времени, чѣмъ ему нужно было. При чемъ каждый звукъ долженъ быть законченнымъ, отдѣланнымъ, имѣть свою полноту и экспрессію. Одного природнаго дарованія для этого мало. Нуженъ опытъ, нужны традиціи и школа, нуженъ унаслѣдованный инстинктъ. Carpe diem—европеецъ уже два тысячелѣтія это знаетъ, мы же до сихъ поръ убѣждены, что чего-чего, а времени у насъ хоть отбавляй. Считать дни, а тѣмъ болѣе часы и минуты - найдите хоть одного русскаго, который унизился бы до такого мѣщанскаго занятія! Мы осматриваемся, потягиваемся, протираемъ глаза, мы хотимъ прежде рѣшить, что́ дѣлать и какъ дѣлать, и только потомъ начать жить. И рѣшить не какъ-нибудь, не на основаніи отрывочныхъ, неполныхъ, взятыхъ у другихъ свѣдѣній, а собственнымъ опытомъ, собственнымъ умомъ. Традицій мы не признаемъ: ни въ одной литературѣ не было столь вызывающей борьбы съ традиціями, какъ у насъ. Мы все хотѣли пересмотрѣть, все перерѣшить. Нечего и говорить, что наша смѣлость коренится въ совершенно некультурномъ довѣріи къ своимъ силамъ. У насъ Бѣлинскій, не доучившійся студентъ, человѣкъ, изъ третьихъ рукъ черпавшій свѣдѣнія о европейской философіи, начинаетъ тяжбу со вселенной по поводу давно забытыхъ жертвъ Филиппа II и инквизиціи. И въ этой тяжбѣ смыслъ и сущность всей русской художественной лите-

ратуры. Подъ самый конецъ своей дѣятельности, Достоевскій поднимаетъ тотъ же вопросъ и тотъ же споръ по поводу слезинки замученнаго ребенка. Русскому человѣку кажется, что онъ все можетъ, оттого онъ ничего не боится. Онъ рисуетъ жизнь въ самыхъ мрачныхъ краскахъ—и, если вы предложите ему вопросъ: какъ можно принять такую жизнь? Какъ можно примириться со всѣми ужасами, которыми полна дѣйствительность и которые такъ безпощадно обрисовывали всѣ наши писатели, начиная съ Пушкина и кончая Чеховымъ, онъ вамъ отвѣтитъ словами Ивана Карамазова: я не принимаю этой жизни. Отвѣтъ, на первый взглядъ, нелѣпый: не принять жизнь нельзя, разъ она есть. Но подъ этимъ отвѣтомъ кроется иное: еще не вполнѣ израсходованная вѣра въ возможность окончательной побѣды надъ „зломъ". Въ силу этого русскій писатель не прячется отъ врага—а прямо идетъ къ нему на встрѣчу. Наши сектанты за-живо закапываются въ землю, толстовцы и иные послѣдователи различныхъ толковъ, въ такомъ огромномъ разнообразіи рождающихся въ Россіи, идутъ въ народъ, идутъ, куда только Богъ пошлетъ, разрушая собственныя и чужія жизни. Писатели не отстаютъ отъ сектантовъ. Они тоже не хотятъ разсчитывать, не хотятъ ловить мгновенія. И не изъ лѣни, какъ можетъ показаться поверхностному, далекому отъ русской жизни наблюдателю, а изъ увѣренности — ни на чемъ, если угодно, не основанной—въ томъ, что они слишкомъ богаты, чтобы быть обязанными считать. Минуты, секунды, такты — все это такъ ничтожно, незначительно—этого простымъ, невооруженнымъ гла-

зомъ не разглядишь. Мы хотимъ щедрой рукой зачерпнуть изъ бездонной вѣчности, все же ограниченное—удѣлъ европейскаго мѣщанства. Русскіе писатели, за немногими исключеніями, совершенно искренно презираютъ мелочность Запада. И даже тѣ, которые преклонялись предъ Западомъ, никогда настоящимъ образомъ не понимали, не хотѣли понимать его. Оттого западно-европейскія идеи принимали у насъ всегда такой фантастическій характеръ. Даже эпоха 60 годовъ, съ ея „трезвостью", была въ сущности самой пьяной эпохой. У насъ читали Дарвина и лягушекъ рѣзали тѣ люди, которые ждали Мессіи, второго пришествія. У насъ и сейчасъ продолжается то же. Мы разрѣшаемъ себѣ величайшую роскошь, о которой только можетъ мечтать человѣкъ—искренность, правдивость, точно и въ самомъ дѣлѣ мы были духовными Крезами, у которыхъ тьма всякаго рода богатствъ, которые все свое могутъ показывать, которымъ нечего стыдиться себя. Да и Крезы, самые богатые и сильные властелины міра, не считали себя вправѣ всегда говорить правду: и царямъ приходится притворяться—вспомните дипломатическія отношенія; а мы, мы думаемъ, что можемъ говорить одну только правду, что всякая ложь, скрывающая нашу истинную сущность, есть преступленіе, ибо наша истинная сущность есть лучшее, что̀ бываетъ въ мірѣ!.. Разскажите это европейцу—оно покажется ему забавнѣйшимъ анекдотомъ, если только онъ хоть что-нибудь разберетъ въ вашихъ словахъ. Европеецъ всѣ силы своего ума и таланта, всѣ свои знанія, все свое искусство направляетъ къ тому, чтобы сдѣлать себя и все окружающее возможно менѣе обнаженнымъ, естествен-

нымъ, ибо естественное—въ Европѣ объ этомъ и не споритъ никто — безобразно и страшно. Не только изящныя искусства, даже наука и философія въ Европѣ инстинктивно лгутъ, и этимъ оправдываютъ свое существованіе. Европейскій ученый даетъ вамъ прежде и послѣ всего законченную теорію,—ну, а кто не знаетъ, что̀ обозначаетъ собой законченность, зачѣмъ нужна законченность? Оборвать рѣчь, не сказавши послѣдняго, обнадеживающаго слова, не давши исчерпывающаго синтеза, оставить договаривать природу—на это не пойдетъ никто изъ нашихъ западно-европейскихъ сосѣдей. У нихъ утѣшительный конецъ и разрѣшающее послѣднее слово припасены за-долго до начала и перваго слова. У нихъ прикрасы и риторика—conditio sine qua non творчества, единственное лѣкарство противъ всѣхъ золъ. Въ философіи тамъ господствуетъ теодицея, въ наукѣ—закономѣрность. Даже Кантъ не умѣлъ избѣгнуть декламаціи, даже у Канта послѣднимъ доказательствомъ является „нравственная потребность...“ Итакъ, намъ предстоитъ выборъ между художественной и законченной ложью старой, культурной Европы, ложью, явившейся результатомъ тысячелѣтняго труднаго и мучительнаго опыта, и безхитростной, безыскусственной простотой и правдивостью молодой, некультурной Россіи. Они ближе къ концу, мы ближе къ началу. Но, кто ближе къ истинѣ? И можетъ ли быть разговоръ о добровольномъ, свободномъ выборѣ? Вѣроятно, нѣтъ. И, вѣроятно, ни старость, ни молодость равно не могутъ дать намъ той истины, которую мы ищемъ. Да и существуетъ ли послѣдняя истина? Не есть-ли самое понятіе объ истинѣ, самое

предположеніе объ ея возможности лишь результатъ ограниченности—нашего опыта? Мы a priori рѣшаемъ, что одно должно быть возможно, а другое невозможно, и изъ этой произвольной предпосылки выводимъ понятіе истиннаго. И каждый, соотвѣтственно своимъ силамъ и условіямъ своего существованія, судитъ по-своему. Робкій и запуганный человѣкъ хлопочетъ о порядкѣ, который обезпечилъ бы ему хоть одинъ день спокойной жизни. Молодость мечтаетъ о блескѣ и красотѣ. Старость не хочетъ ни о чемъ думать, ибо не умѣетъ надѣяться. И такъ далѣе безъ конца. И все это называется истиной, истинами. Каждый человѣкъ воображаетъ, что то, что онъ видѣлъ, исчерпываетъ собой жизнь. А потому единственно правыми оказываются эмпирики и позитивисты: только до тѣхъ поръ можетъ быть разговоръ объ истинѣ, пока мы не отрываемся отъ реальныхъ условій нашего существованія. Стоитъ разъ оторваться отъ нихъ—и конецъ наукѣ: все оказывается возможнымъ. Наша довѣрчивая правдивость, какъ и европейская риторика оказываются „по ту сторону“ истины и лжи. Молодой Востокъ и старый Западъ только терпятъ навязываемую истиной ограниченность и по возможности стараются отвязаться отъ нея—первый, игнорируя ея существованіе, второй — приспособляясь къ ней. И, развѣ въ концѣ концовъ это не одно и то же? Развѣ искусная риторика не такъ же соблазнительна, какъ и правда? И то, и другое жизнь. Невыносима только риторика, которая хочетъ сойти за правду и правда, которая хочетъ казаться культурной. Такого рода маскарадъ предполагаетъ за истиной, т. е. за ограничен-

ностью объективное, вѣчное значеніе. А это обидно: намъ хочется думать, впредь до доказательства противнаго, по крайней мѣрѣ, что только одно утвержденіе имѣетъ и можетъ имѣть объективное значеніе: въ мірѣ нѣтъ ничего невозможнаго. И каждый разъ когда кто-либо пытается увѣрить насъ, что есть и другія, болѣе ограниченныя истины, мы ощетиниваемся и защищаемся всѣми доступными намъ средствами. Даже не пренебрегаемъ логикой и моралью, надъ которыми сами такъ часто смѣемся. Что въ томъ удивительнаго? Когда защищаешь свое послѣднее достояніе—средствъ не разбираешь...

46.

Nur für Schwindelfreie! Собственно говоря, закончить слѣдовало бы какой-нибудь моралью. Слѣдовало бы заявить читателю, что, несмотря на все вышесказанное или даже въ виду всего вышесказаннаго—въ заключеніяхъ, какъ извѣстно, всегда можно произвольно подмѣнять выраженіе „несмотря“ выраженіемъ „въ виду“, особенно, если заключеніе дѣлается изъ большого числа разбросанныхъ данныхъ,—такъ вотъ въ виду вышесказаннаго, надежды все-таки еще не погибли. Всякое разрушеніе ведетъ къ созиданію, послѣ тяжелой работы насъ ждетъ сладкій часъ отдыха и т. п. и т. п.—всѣхъ банальностей, которыми писатели „примиряютъ съ собой“ читателей не перечтешь. Но, съ этимъ никогда не опоздаешь. А разъ такъ, то почему бы не отложить мораль на нѣсколько лѣтъ, даже на нѣсколько десятковъ лѣтъ—если Богъ дастъ вѣку. Зачѣмъ непремѣнно сейчасъ, въ концѣ каждой книги

дѣлать „выводъ“? Я почти увѣренъ въ томъ, что рано или поздно обѣщаю читателю все, чего проситъ его душа. Онъ могъ бы, конечно, обойтись и безъ моихъ утѣшеній. Ну, что стоитъ ему самому надавать себѣ какихъ угодно обѣщаній? Вѣдь исполнить ихъ въ равной степени не можетъ ни читатель, ни писатель. Но, если иначе нельзя, если писатель непремѣнно обязанъ во всеуслышаніе признать исполнимыми тайныя желанія бѣдныхъ людей, согласимся, по крайней мѣрѣ, дать ему отсрочку—до старости, usque ad infinitum... А пока, какъ девизъ: nur für Schwindelfreieie! Въ Альпахъ есть узкія, трудно проходимыя, лежащія надъ пропастями тропинки. Ходить по нимъ отваживаются только привычные, не боящіеся головокруженія, горцы. Кто же подверженъ головокруженіямъ — выбираетъ большія, торныя дороги или попросту сидитъ въ долинахъ и оттуда любуется снѣжными вершинами. Развѣ непремѣнно нужно лазить? За линіей вѣчнаго снѣга нѣтъ ни тучныхъ пастбищъ, ни золота. Говорятъ, что тамъ можно найти разгадку вѣчной тайны — но мало ли чего не говорятъ! Не всякому слуху вѣрить можно. Кому надоѣли долины, кто любитъ карабкаться, кто не боится глядѣть въ пропасть и — главное — у кого ничего не осталось въ жизни, кромѣ „метафизической потребности“, тотъ, разумѣется, полѣзетъ на вершины, даже не справляясь о томъ, что̀ ждетъ его тамъ. Тотъ не боится, тотъ жаждетъ головокруженія. Но, едва ли онъ станетъ звать за собой людей: не всякій годится ему въ товарищи. Да въ такихъ дѣлахъ товарищи и не нужны. Особенно такіе, которые привыкли къ удобнымъ путямъ, къ маякамъ, къ верстовымъ столбамъ,

къ обстоятельнымъ картамъ, впередъ постоянно предсказывающимъ малѣйшія извилины предстоящаго пути. Они не только не помогутъ, они затормозятъ дѣло. Они окажутся излишнимъ и тяжелымъ живымъ баластомъ, который къ тому же и за бортъ выбросить нельзя. Носись съ ними, утѣшай ихъ, обѣщай имъ! Не лучше ли безъ нихъ въ одиночку идти своимъ путемъ? И не только не манить ихъ за собой, но, по возможности отпугивать, преувеличивая опасности и трудности предпріятія? Чтобъ совѣсть ихъ слишкомъ не грызла—кто любитъ большія дороги, тотъ любитъ и спокойную совѣсть—придумаемъ оправданіе ихъ бездѣйствію. Скажемъ имъ, что они лучшіе, достойнѣйшіе люди, что они — соль земли, словомъ, отдадимъ имъ всю дань уваженія, которая нужна самой требовательной натурѣ. Но, разъ они подвержены головокруженію, они имѣютъ вполнѣ законное право оставаться дома и не идти въ горы. Ибо горные пути, какъ это вамъ скажетъ любой альпійскій проводникъ— только для тѣхъ, кто не подверженъ головокруженію: nur für Schwindelfreie.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

„Юлій Цезарь“ Шекспира.

1601 годъ былъ роковымъ для Шекспира. Что случилось, съ великимъ поэтомъ — мы точно не знаемъ. Разные изслѣдователи высказываютъ различныя догадки. Одни полагаютъ, что на него сильно повліялъ судебный процессъ и осужденіе его высокихъ друзей и покровителей Эссекса и Соутгамптона, нелѣпо задумавшихъ и еще болѣе нелѣпо пытавшихся осуществить планъ сверженія съ престола королевы Елизаветы; другіе говорятъ о несчастной страсти къ „черной дамѣ“, воспѣтой въ сонетахъ; третьи пріурочиваютъ къ этому времени смерть отца Шекспира и т. д.

Каждой изъ этихъ догадокъ можно давать больше или меньше вѣры — это дѣло склонности ума и рѣшительности въ сужденіяхъ; но одно — несомнѣнно: въ жизни Шекспира произошло какое-то страшное, потрясшее все его существо, событіе, и съ 1601 года онъ становится совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Соотвѣтственно тому и творчество его принимаетъ иной характеръ. Еще недавно написалъ онъ комедію „Двѣнадцатая ночь“, гдѣ такъ много искренняго, веселаго и безпечнаго смѣха и, почти непосредственно вслѣдъ за ней, онъ пишетъ „Юлія Цезаря“, въ которомъ ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не смѣетъ даже на мгновеніе улыбнуться и „Гамлета“, гдѣ смѣется лишь

самъ Гамлетъ, но такъ смѣется, что не знаешь, чему больше ужасаться,—его смѣху или его безумнымъ рыданіямъ.

„Юлій Цезарь“ и „Гамлетъ“, такъ мало по сюжету и внѣшней обстановкѣ другъ на друга похожіе, написаны на одну тему, которая выражается восклицаніемъ принца, не совсѣмъ точно, но тѣмъ не менѣе очень удачно переданнымъ русскимъ переводчикомъ въ извѣстныхъ словахъ: „пала связь временъ, зачѣмъ же я связать ее рожденъ“. Это значитъ — прежняя, безсознательная, дающаяся намъ всѣмъ даромъ, вѣра въ цѣлесообразность и осмысленность человѣческой жизни рушилась. Нужно сейчасъ-же, немедленно найти новую вѣру — иначе жизнь обращается въ непрерывную, невыносимую пытку. Но какъ это сдѣлать? Гдѣ найти вѣру? И есть ли такая вѣра на землѣ?

„Юлій Цезарь“ первый опытъ безпокойнаго, нетерпѣливаго, лихорадочнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и скрытнаго, боящагося обнаружить себя исканія, когда не столько нуженъ отвѣтъ на вопросъ, сколько отвѣтъ немедленный. Шекспиру кажется, что онъ не можетъ больше ждать, что уже всѣ силы истощились, что еще нѣсколько дней, даже часовъ такихъ нечеловѣческихъ мукъ — и онъ обезумѣетъ. Это, разумѣется, ошибка. Человѣкъ выносливѣйшее животное. Отвѣтъ не только не придетъ сейчасъ, но не придетъ и черезъ многіе годы, а Шекспиръ не обезумѣетъ и будетъ жить, съ сознаніемъ, что для него все погибло, и что всѣ отвѣты, когда либо дававшіеся на гамлетовскій вопросъ—были лишь пустыми словами. Но въ „Юліи Цезарѣ“ Шекспиръ боится допустить даже

возможность такого предположенія. Онъ напряженно вспоминаетъ все, что когда-либо приходилось ему слышать отъ людей или читать въ книгахъ, въ надеждѣ, что кто-либо изъ древнихъ или новыхъ мудрецовъ наставитъ и научитъ его, покажетъ ему, какъ связывается распавшаяся связь временъ... Вѣдь должно же быть гдѣ-нибудь то „слово“, которымъ разрѣшаются всѣ его мучительныя сомнѣнія...

Плутархъ, котораго Шекспиръ зналъ въ англійскомъ переводѣ Томаса Норта, казалось, былъ лучшимъ совѣтчикомъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Плутархъ прежде всего учитель, моралистъ. У него есть твердые незыблемые принципы, въ основаніи которыхъ лежитъ вѣра въ нравственный міропорядокъ. Онъ глубоко убѣжденъ, что мораль всевластна и всесильна, и что въ сознательномъ подчиненіи долгу смертные могутъ найти достаточное утѣшеніе при какихъ угодно жизненныхъ превратностяхъ. Онъ приверженецъ Платона, и вслѣдъ за нимъ настойчиво проводитъ ту мысль, что можно вынести какую угодно несправедливость, только бы самому не быть несправедливымъ. Правда, мораль Плутарха, какъ и его учителя Платона, не безусловно чиста или, какъ говорятъ теперь въ философіи, не „автономна“. Она освящается у него религіей и находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ боговъ. Свой діалогъ о „Позднемъ наказаніи безбожника“ Плутархъ, какъ и Платонъ нѣкоторые свои, заканчиваетъ фантастическимъ изображеніемъ загробнаго міра. Несправедливый человѣкъ, въ его представленіи, казнится не только безплотной моралью, но и всемогущими богами. Да и не только

въ этомъ сочиненіи—почти во всѣхъ своихъ повѣствованіяхъ Плутархъ, по обычаю древнихъ, замѣшиваетъ небожителей въ человѣческія дѣла. Такому воззрѣнію Шекспиръ, какъ сынъ XVII вѣка и современникъ Бэкона, не могъ, конечно, придавать серьезнаго значенія. Для него плутарховскіе боги имѣли только символическій смыслъ. Онъ, какъ теперь дѣлаемъ мы всѣ, совершенно отдѣлилъ мораль отъ религіи, но тѣмъ не менѣе не пересталъ ожидать отъ нея чудесъ и не отказался отъ мысли, что этому безплотному богу, какъ и всѣмъ богамъ, можно и должно приносить жертвы—даже жертвы человѣческія...

Эта мысль и составляетъ содержаніе „Юлія Цезаря“ — и, само собою, она связана не съ личностью Цезаря, который менѣе всего способенъ своей жизнью оправдать такую идею, а съ личностью его убійцы, благороднаго Брута. Брутъ своимъ поведеніемъ долженъ доказать, что тотъ, кто до конца рѣшится слѣдовать внушеніямъ высокой морали, можетъ не бояться ничего. Въ III-ей сценѣ 4-го дѣйствія Брутъ съ Кассіемъ обмѣниваются слѣдующими, обыкновенно незамѣчаемыми критикой, словами.

Брутъ. Кассій, у меня
Такъ много горя!
Кассій. Если предъ бѣдами
Случайными ты упадешь духомъ
То гдѣ же *философія* твоя?

Какъ видите, Шекспиръ считаетъ, что у Брута была философія, которая научаетъ смотрѣть въ глаза какому угодно несчастію и мужественно выноситъ всѣ

„случайныя бѣды“. Не правда ли, завидная философія, и стоитъ перечесть не только Плутарха, но и всѣхъ его учителей и какое угодно множество книгъ, чтобъ только добыть это высокое ученіе! Вѣдь „случайныхъ бѣдъ“ Брута, о которыхъ говоритъ Кассій, съ избыткомъ хватило бы на цѣлый десятокъ самыхъ добродѣтельныхъ, самыхъ римскихъ мужей. Бѣды Брута начались еще задолго до того времени, какъ онъ рѣшился вступить въ заговоръ противъ Цезаря. Та же „философія“, которая, по словамъ Кассія, столь многому можетъ научить человѣка, уже не разъ, все ссылаясь на свои божественныя права, требовала отъ Брута жертвъ. Плутархъ разсказываетъ, что во время борьбы Цезаря съ Помпеемъ, Брутъ принялъ сторону Помпея, убившаго его отца, ибо считалъ его дѣло — правымъ. А какую жизнь велъ бѣдный Брутъ! Онъ не ѣлъ, не пилъ, не спалъ и даже во время походовъ, когда другіе отдыхали и занимались своими частными дѣлами, онъ проводилъ ночи на пролетъ за чтеніемъ разныхъ книгъ, утверждавшихъ его въ вѣрѣ во всемогущество морали!

Когда же Цезарь, другъ и благодѣтель Брута, явился въ Римъ и сталъ грозить древней свободѣ, мораль только кивнула своему вѣрноподданному—и онъ все забылъ и сталъ готовиться къ жертвоприношенію, разумѣется, человѣческому. Мораль въ этомъ случаѣ куда требовательнѣе, чѣмъ обыкновенные языческіе боги, которые считали себя вполнѣ удовлетворенными какой-нибудь овцой или козленкомъ и только въ рѣдкихъ, особенно торжественныхъ, случаяхъ требовали себѣ сотню быковъ.

Морали подавай людей, и не одного, а много—и не перваго встрѣчнаго, а самое близкое и дорогое тебѣ существо—отца, мать, сына, друга...

Для чего же морали всѣ эти жертвы? Съ такими вопросами можно было обращаться къ богамъ, и боги иногда на такіе вопросы отвѣчали,—но мораль стоитъ выше подобныхъ вопросовъ: sic volo, sic jubeo—sit pro ratione voluntas. Шекспиръ это понималъ превосходно, но его критики, къ сожалѣнію, не умѣли или не хотѣли понять этого. Не только современный Брандесъ, но даже и люди старой вѣры (да еще къ тому нѣмцы, слѣдовательно идеалисты par excellence), Гервинусъ и Крейссигъ или ихъ довѣрчивый ученикъ французъ Мезьеръ или англичанинъ Hudson, всѣ считаютъ возможнымъ нападать на Брута за его безропотную и смиренную готовность исполнять велѣнія морали. Брута называютъ „мечтателемъ“, „непрактическимъ идеалистомъ“, „плоскимъ идеалистомъ“... Зачѣмъ, спрашиваютъ, убилъ онъ Цезаря, когда и слѣпому было видно, что республику уже нельзя спасти, и что свобода все равно погибла для Рима!

Но критики ошиблись въ адресѣ: со своими упреками имъ нужно было обратиться не къ Бруту, и даже не къ Шекспиру, а непосредственно къ самой морали: вѣдь изъ-за нея, только изъ-за нея кроткій по своей природѣ Брутъ пустился на злодѣйскія дѣла. Вслушайтесь, хоть немного, въ его монологи, присмотритесь, хоть поверхностно, къ его поступкамъ, наконецъ, если для васъ труденъ Шекспиръ, прочтите популярнаго Плутарха, и вы убѣдитесь, что, если Брутъ и предпринималъ что-либо, то не изъ личныхъ, эго-

истическихъ побужденій, а единственно во исполненіе велѣній долга. Кантъ могъ бы быть имъ вполнѣ доволенъ: все время онъ, совсѣмъ какъ того требуетъ автономная мораль, поступалъ вопреки своимъ симпатіямъ и желаніямъ. Цезарь былъ его другомъ и благодѣтелемъ, онъ любилъ Цезаря, какъ родного отца— и онъ же убилъ Цезаря. Кассій только намекнулъ ему, что нужно дѣйствовать, и Брутъ уже готовъ на все. „Что ты хочешь сообщить мнѣ“, спрашиваетъ онъ своего друга—

Если это
Ко благу клонится народа—пусть
И честь и смерть возстанутъ предо мною,
Я глазъ своихъ не отвращу отъ нихъ.

И это—не фразы! Брута ждали ужаснѣйшія испытанія, но онъ не бросилъ своего дѣла. Отъ него никто не слышалъ даже жалобъ. Жаловаться—значило бы не довѣрять морали, пожалуй обвинять ее. А ее нужно уважать: такъ учитъ до сихъ поръ наша этика и ея геніальный обосновательъ Кантъ. Брутъ обязанъ считать свой жребій счастливымъ! сама мораль сдѣлала его своимъ избранникомъ! Тутъ нужно торжествовать: вѣдь высшее, „абсолютное“ благо—это приносить въ жертву высокой нравственности себя и другихъ.

И не ради какихъ-нибудь цѣлей: всякая цѣль должна быть безусловно исключена, иначе въ чистое дѣло морали привносится—страшно сказать—эвдаймонистическій элементъ—и вся „автономія“ оказывается пустымъ звукомъ. Предъ Брутомъ и Шекспиромъ стоитъ незапятнанная идея долга во всей своей голубиной чистотѣ — и ей, этой идеѣ, они приносятъ

жертвы: они, ибо (и этого нельзя ни на минуту упускать изъ виду, если хочешь понять „Юлія Цезаря“) Шекспиръ дѣлаетъ то же, что и Брутъ складываетъ предъ алтаремъ морали все, что ему было дорого, все, что у него было лучшаго на землѣ.

И какихъ ужасныхъ жертвъ у нихъ потребовали! У Шекспира Порція говоритъ Бруту:

Если бы могла твоя забота
Такъ дѣйствовать на тѣло, какъ на душу,
Мнѣ-бъ не узнать тебя!

То же можно о самомъ Шекспирѣ сказать: если-бъ за тотъ короткій промежутокъ времени, который отдѣляетъ его послѣднюю комедію отъ первой трагедіи, его наружность измѣнилась такъ, какъ измѣнилась его душа—самые близкіе люди отказались бы узнать его. Но онъ, какъ и его Брутъ, въ разсказѣ Плутарха, „въ общественныхъ мѣстахъ старается держаться спокойно“, и никто не хочетъ догадаться, какія мысли занимали поэта, когда онъ писалъ „Юлія Цезаря“. Одни, какъ Свинбернъ, толкуютъ, что Шекспиръ хотѣлъ возвеличить республику, другіе приписываютъ Шекспиру желаніе доказать ту великую истину, что въ политикѣ слѣдуетъ держаться тѣхъ же принциповъ, которыми люди довольствуются въ своемъ домашнемъ обиходѣ. Но объ этомъ вѣдь писали многіе—и выходили ученые трактаты, а не трагедіи. Когда Шекспиръ былъ занятъ „Юліемъ Цезаремъ“, ему, очевидно, было не до республики и не до политики. Изъ своего Плутарха, которому онъ такъ довѣрялъ и во всемъ слѣдовалъ, онъ могъ безъ труда понять, что республика

была обречена на гибель не Цезаремъ, а ходомъ историческихъ событій. Описывая подробно римскую жизнь этой эпохи, Плутархъ говоритъ: „...толпа не расходилась часто до тѣхъ поръ, пока ораторская трибуна не покрывалась трупами и не заливалась кровью, и такимъ образомъ, Римъ, какъ корабль безъ кормчаго, былъ преданъ всѣмъ ужасамъ анархіи. Поэтому самые благоразумные граждане считали еще счастіемъ, если вся эта безумная сумятица не приведетъ ни къ чему худшему, чѣмъ монархія, и многіе осмѣливались уже открыто говорить, что государственные недуги могутъ быть исцѣлены только монархическимъ правленіемъ, и что для этого лѣченія слѣдуетъ избрать наиболѣе снисходительнаго врача, — чѣмъ они намекали на Помпея» *). Уже одного этого замѣчанія было бы достаточно для Шекспира, чтобы оставить всѣ свои республиканскія симпатіи, если у него таковыя были, или во всякомъ случаѣ попридержать ихъ до времени. Но онъ шелъ къ Плутарху не за историческими уроками, которыхъ у него было и безъ того достаточно, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ его хроники, не имѣющія себѣ равныхъ во всемірной литературѣ. Ему нужно было найти въ жизни нѣчто такое, предъ чѣмъ могъ бы склониться каждый—и слабый и сильный, и правый и виноватый, и счастливый и несчастный; ему нужно было высшее начало въ жизни, которое могло бы въ минуты отчаянія и безнадежности поддержать падающаго человѣка. Отъ него требовали жертвы, и онъ хотѣлъ

*) Плутархъ, Жизнеопис. Юл. Цезаря гл. 28.

знать, кому онъ ее приноситъ... Развѣ при этомъ можно думать о политикѣ, о формахъ правленія, о нуждахъ отдаленнаго Рима?! Шекспиръ прочелъ у Плутарха, что благородный, честный, безкорыстный Брутъ убилъ своего лучшаго друга и затѣмъ принужденъ былъ положить конецъ своей жизни самоубійствомъ. Какъ оправдать Брута, какъ убѣдить себя, что въ своемъ несчастьи и своихъ неудачахъ Брутъ былъ выше, правѣе, достойнѣе счастливаго, удачливаго Цезаря? Вѣдь намѣренія Брута были чисты, а чистота намѣреній оправдываетъ все. Или это—неправда?! Чистота намѣреній не оправдываетъ? Плутархъ и философія лгутъ?! Шекспиръ, когда писалъ „Юлія Цезаря“, не смѣлъ думать, что здѣсь возможенъ обманъ. Нравственность права, и жрецы ея правы: абсолютное благо не у Цезарей а у Брутовъ. Нужно только быть послѣдовательнымъ, нужно только вѣрить высокимъ завѣтамъ, нужно не бояться жертвъ—все остальное приложится, и претерпѣвшій до конца спасется.

Этимъ и объясняется „прямолинейность“ Брута, возбуждающая въ критикахъ столько неудовольствія. Для Шекспира на одной чашкѣ вѣсовъ лежала человѣческая жизнь — на другой требованія высокой морали, и онъ сдѣлалъ все, что было въ его власти, чтобъ перетянула вторая. Когда бы и зачѣмъ бы нравственность ни позвала Брута—онъ всегда готовъ отозваться на ея призывъ. Другіе участники заговора руководятся посторонними соображеніями — честолюбіемъ, ненавистью къ Цезарю и т. д. Бруту же, какъ разсказываетъ Плутархъ, „даже и враги не приписывали такихъ намѣреній“. Къ убійству онъ питаетъ отвращеніе: онъ

не выноситъ даже лжи и притворства, которыхъ требуетъ характеръ предпринятаго дѣла. Онъ хотѣлъ бы дѣйствовать прямо и открыто, онъ хотѣлъ бы избѣгнуть пролитія крови. Но долгъ требуетъ,—и онъ безропотно повинуется. Онъ говоритъ, обращаясь къ Кассію и заговорщикамъ:

Не будемъ мы, Кай Кассій, мясниками,
Мы Цезаря лишь въ жертву принесемъ:
Противъ его мы духа возстаемъ,
А духъ людей вѣдь не имѣетъ крови.
О, если бы его, не убивая,
Могли его мы духомъ овладѣть!
Но онъ — увы! За этотъ духъ страдая,
Кровавой смертью долженъ умереть.
Убьемъ его мы смѣло, но безъ гнѣва,
Какъ жертву, приносимую богамъ...

Бруту нельзя ни одну секунду дѣйствовать по тѣмъ побужденіямъ, по которымъ обыкновенно дѣйствуютъ люди. Ему нельзя ни сердиться, ни радоваться, онъ не вправѣ ни бояться, ни желать. Онъ долженъ повиноваться, онъ священнодѣйствуетъ, онъ приноситъ жертвы. У Фихта есть удивительныя слова, — удивительныя тѣмъ, что они необыкновенно отчетливо характеризуютъ „желательныя“ отношенія человѣка къ идеалу. „Я призванъ, говоритъ онъ, свидѣтельствовать объ истинѣ; моя судьба, моя жизнь ничего не значатъ; дѣло моей жизни значитъ безконечно много. Я жрецъ истины, я наемникъ ея, я обязанъ для нея все дѣлать, на все дерзать, все вынести“. Замѣните въ этой краснорѣчивой фразѣ слово „истина“ словомъ нравственность, и вы получите profession de foi Брута. И онъ

жрецъ, и онъ наемникъ, и онъ обязался на все дерзать, все вынести ради своего идеала. Но ни въ одномъ изъ монологовъ Брута нѣтъ того радостнаго, торжествующаго, стремительнаго паѳоса, которымъ одушевлена рѣчь Фихте.

Наоборотъ, отъ словъ Брута вѣетъ какой-то странной, мрачной подавленностью. Онъ не можетъ говорить свободно, словно предчувствуя, что его вѣра, ради которой онъ дерзнетъ дѣйствительно на все, обманетъ его. И его предчувствія сбылись. Фихтевская философія, почерпнутая Шекспиромъ у Плутарха, тоже представляющаго изъ себя огромные залежи de la pâture de grandes âmes, оказалась лишь книжной мудростью, которую нужно отвергнуть въ критическую минуту жизни. Краснорѣчивыя слова объ истинѣ, добрѣ и красотѣ способны наэлектризовать толпу въ ярко освѣщенныхъ залахъ — и здѣсь они умѣстны, здѣсь они заставляютъ биться восторгомъ тысячи молодыхъ сердецъ. Но Шекспиру они не даютъ, не могутъ дать ничего. „Есть многое на небѣ и землѣ, что не снилось учености“ ученѣйшихъ. Объ этомъ Шекспиръ говоритъ уже въ „Гамлетѣ“, написанномъ почти одновременно съ „Юліемъ Цезаремъ“. Въ „Гамлетѣ“ нѣтъ даже попытки разрѣшить жизненную трагедію традиціонной моралью. Плутархъ и всѣ учителя мудрости отвергнуты. Гамлетъ столкнулся съ духомъ, пришельцемъ изъ иныхъ странъ, и всѣ прежнія вѣрованія, убѣжденія, идеалы показались ему дѣтскими измышленіями. Первою мыслью Гамлета послѣ бесѣды съ духомъ было:

...Мнѣ помнить о тебѣ? Да, бѣдный духъ,
Пока есть память въ черепѣ моемъ!

Мнѣ помнить? Да съ страницъ воспоминанья
Всѣ пошлые разсказы я сотру,
Всѣ изреченья книгъ, всѣ впечатлѣнья,
Минувшаго слѣды, плоды разсудка
И наблюденій юности моей!
Твои слова, родитель мой, одни
Пусть въ книгѣ сердца моего живутъ,
Безъ примѣси другихъ ничтожныхъ словъ.

Книги не годятся, плоды разсудка выбрасываются за бортъ. Все, кромѣ того, что́ слышалъ Гамлетъ отъ духа, кажется „ничтожными словами". Ни краснорѣчіе Фихте, ни научно обоснованная, автономная мораль Канта не могутъ отогнать страшное видѣніе, посѣтившее бѣднаго принца.

А вѣдь „духъ" въ Гамлетѣ не есть плодъ разстроеннаго воображенія. И самъ Гамлетъ, и Шекспиръ отлично знаютъ, что „иной міръ" навсегда закрытъ для насъ: „страна безвѣстная, откуда путникъ не возвращался къ намъ". Въ наше просвѣщенное время оттуда утѣшенія не приходятъ. Въ этомъ смыслѣ мы всѣ позитивисты до мозга костей — и не только не придаемъ значенія чужимъ разсказамъ о такого рода чудесахъ, но даже отказались бы вѣрить свидѣтельству своихъ собственныхъ чувствъ, какъ бы осязательно оно ни было. Но мы позитивисты лишь на половину. Мы не принимаемъ духовъ, когда они являются къ намъ со словами помощи и одобренія — и отсылаемъ ихъ прочь, какъ обманчивую иллюзію, какъ галлюцинацію. Но когда къ намъ, какъ къ Гамлету, являются тѣни, чтобы пытать насъ — мы ни на минуту не сомнѣваемся въ ихъ реальности: наши ученыя за-

клинанія безпомощны и безсильны... Никто изъ критиковъ ни разу не обвинилъ Шекспира въ томъ, что онъ позволилъ себѣ внести въ реалистическую трагедію такой нелѣпый вымыселъ, какъ явленіе духа. Должно быть, мы чувствуемъ, что наша наука только отчасти справилась съ суевѣріемъ старины. Она уничтожила рай, но адъ принуждена была сохранить, да еще перевести его поближе къ намъ, сюда на землю, изъ потусторонняго въ посюсторонній міръ.

Это основной мотивъ всѣхъ трагедій Шекспира. Въ „Юліи Цезарѣ“ онъ еще не вполнѣ явственно слышенъ, такъ какъ поэтъ все старается увѣрить себя, что Брутъ, поступивъ въ наемники къ морали, попалъ въ рай, а не въ адъ. Брутъ упорно стремится побѣдить усиліями разума и воли страшный и безумный кошмаръ дѣйствительности. „Я не спалъ съ тѣхъ поръ, говоритъ онъ, какъ Кассій на Цезаря меня вооружилъ“. Но тѣмъ не менѣе Шекспиръ не даетъ своему герою терять душевное равновѣсіе. Его рѣчи къ заговорщикамъ ясны и опредѣленны; онъ предусматриваетъ всѣ подробности предпріятія, онъ не хочетъ выполнить свой планъ какъ-нибудь, наскоро, лишь бы развязаться съ нимъ. Нѣтъ, онъ все время остается на высотѣ задачи. Кассій предлагаетъ заговорщикамъ поклясться другъ другу въ томъ, что они выполнятъ задуманное. Но Брутъ не хочетъ клятвъ. Это оскорбило бы высокую мораль, которой онъ служитъ. Ей нужно подчиняться свободно, а не въ силу клятвъ.

Кассій предлагаетъ погубить Антонія, который можетъ оказаться коварнымъ врагомъ. Другой на мѣстѣ Брута принялъ бы это предложеніе: гдѣ тамъ уже

думать объ отдѣльныхъ жизняхъ, когда затѣевается государственный переворотъ! Но Брутъ вѣдь обязанъ считаться съ моралью: она, какъ ревнивая любовница, требуетъ, чтобъ человѣкъ всегда о ней и только о ней одной думалъ. И Антоній спасенъ!.. Когда заговорщики расходятся, у Брута находится и ласковое слово для его слуги, Люція, и привѣтливая улыбка для жены, Порціи, словно онъ не наканунѣ страшнаго дѣла, словно наступающія иды марта будутъ однимъ изъ обыкновенныхъ дней года. Брутъ всегда правдивъ, твердъ и справедливъ. Послѣ убійства Цезаря онъ обращается съ рѣчью къ народу. И — единственный, быть можетъ, въ исторіи случай—въ этой рѣчи нѣтъ ни одного слова лжи и никакихъ ораторскихъ украшеній. Онъ могъ сказать людямъ: смотрите, каковъ я — я ничего ни отъ кого не утаиваю. Наконецъ, въ 4-мъ дѣйствіи, въ сценѣ ссоры съ Кассіемъ, вы видите, что Брутъ горячится, выходитъ изъ себя; но и тутъ онъ правъ предъ моралью: онъ негодуетъ на Кассія за его недобросовѣстное веденіе дѣла.

О себѣ лично онъ никогда не думаетъ! А ему извѣстно, что судьба ко всѣмъ „бѣдамъ“, имъ вынесеннымъ, прибавила еще новую, страшнѣйшую: его бѣдная подруга жизни, Порція, тоже, въ качествѣ дочери Катона, считавшая себя обязанной все вынести, на все дерзнуть ради морали, получивъ ложныя извѣстія о Брутѣ, отчаялась и умерла страшной смертью: проглотила раскаленный уголь. Но „философія“ не велитъ Бруту смущаться. Все ей отдай, ничего не жалѣй. Она требуетъ, чтобъ ты убилъ Цезаря — убей Цезаря, хоть онъ и лучшій твой другъ. Она требуетъ

междоусобной войны — начни войну. Она приводитъ къ тому, что любимая, ни въ чемъ неповинная жена принуждена глотать горячіе угли — и это прими. Она отъ тебя потребуетъ, чтобъ ты самъ глоталъ огонь и при этомъ восторженно улыбался. И, если она этого отъ тебя добьется, она чуть-чуть подаритъ тебя снисходительной улыбкой и скажетъ то, что сказалъ Антоній о Брутѣ:

Прекрасна была жизнь Брута; въ немъ стихіи
Такъ соединились, что природа можетъ,
Возставъ, сказать предъ цѣлымъ міромъ: „это —
Былъ человѣкъ“.

Всего только? спросите вы. Когда Шекспиръ писалъ „Юлія Цезаря“, онъ хотѣлъ думать, что этого достаточно, ибо былъ убѣжденъ, что ничего другого у жизни вырвать нельзя. Жизнь требуетъ жертвъ — это уже не теорія, не вымыселъ, не Плутархъ, не Платонъ — но кому же ихъ отдать? Неужели никому и ничему? Признать ихъ безцѣльными? Такъ не лучше ли снести ихъ къ алтарю морали и принять ея бездушную похвалу — все, что она можетъ дать? Нѣтъ, хуже, въ тысячу разъ хуже! Это видно уже и въ „Юліи Цезарѣ“, гдѣ даже самъ Брутъ, такъ беззавѣтно исполнившій свой долгъ, въ послѣднюю минуту теряетъ охоту продолжать свое служеніе и отворачивается отъ высшаго „абсолютнаго блага“, такъ краснорѣчиво описываемаго въ философскихъ книгахъ. „О, Цезарь“, говоритъ онъ, „я тебя убилъ не такъ охотно, какъ себя“. Но въ „Юліи Цезарѣ“ этотъ диссонансъ не замѣтенъ для безпечнаго уха, тѣмъ болѣе, что онъ заглушается сказаннымъ Антоніемъ надъ трупомъ

Брута надгробнымъ словомъ. Въ „Гамлетѣ“ же нѣтъ и слѣда внѣшне твердыхъ, брутовскихъ рѣчей и дается полная свобода отчаянію. Въ „Королѣ Лирѣ“ ставится въ заключеніи трагедіи страшный вопросъ: „это ли обѣщанный конецъ?“, а въ „Макбетѣ“ герой, страшный убійца, который бы долженъ былъ не смѣть и думать о себѣ и валяться въ прахѣ предъ высокой моралью, дерзаетъ бросить вызовъ судьбѣ: „тебя, судьба, зову на поединокъ“, восклицаетъ онъ... Отъ величайшаго смиренія Шекспиръ перешелъ къ величайшему дерзновенію. Не въ этомъ ли смыслъ трагическихъ переживаній? И не здѣсь ли нужно искать разгадку тайны трагической красоты? Во всякомъ случаѣ ясно, что „автономная мораль“, долгъ an sich, къ которымъ Шекспиръ прибѣгъ въ труднѣйшую минуту жизни, не принесли ему ничего. Современная этика, претендующая на суверенныя права, была имъ отвергнута. Нужно либо вернуться назадъ, къ Плутарху и его дѣтскимъ вѣрованіямъ и миѳамъ, либо идти впередъ — куда впередъ? Вслѣдъ за Шекспиромъ — къ Макбету?!

Сказаннымъ достаточно выясняется роль Брута въ разбираемой нами трагедіи. Что касается самого Цезаря — нужно признаться, что онъ, сравнительно, не удался Шекспиру. И, странное дѣло, очень долгое время критики не хотѣли замѣчать этого обстоятельства. Почему? Трудно сказать навѣрное: вѣроятно, авторитетъ Шекспира слишкомъ импонировалъ имъ, и всѣмъ казалось неловкимъ порицать то, что вышло изъ-подъ пера столь славнаго поэта. Теперь, однако, ослѣпленіе прошло. Брандесъ, напримѣръ, даже поз-

воляетъ себѣ по поводу Цезаря читать длинныя нотаціи Шекспиру. Это, конечно, смѣшно: Цезарь у Шекспира вышелъ неживымъ и карикатурнымъ—но, разумѣется, не потому, что великому поэту не подъ силу было справиться со своей задачей, какъ думаетъ Брандесъ. Можетъ быть, если бы онъ взялся писать о Цезарѣ не въ 1601—2 году, а пятью, шестью годами раньше, онъ изобразилъ бы его иначе. Но теперь, когда дѣло шло о торжествѣ „автономной морали“, объ „идеѣ долженствованія“, какъ высшемъ принципѣ человѣческой дѣятельности, Цезарь не могъ занимать поэта ни какъ человѣкъ, ни какъ историческій дѣятель. Тѣмъ болѣе, что и у самого Плутарха онъ изображенъ въ слегка комическомъ видѣ. Передавая, напримѣръ, извѣстный эпизодъ о томъ, какъ Цезарь былъ захваченъ въ плѣнъ морскими разбойниками и какъ онъ гордо и вызывающе велъ себя въ плѣну, Плутархъ заключаетъ свой разсказъ слѣдующимъ насмѣшливымъ замѣчаніемъ: „... но разбойникамъ все это очень нравилось, и они въ его дерзкихъ выходкахъ видѣли лишь однѣ невинныя шутки“. Такими ироническими замѣчаніями пересыпанъ весь разсказъ Плутарха о Цезарѣ, и уже этого было бы достаточно для того, чтобы внушить Шекспиру недовѣріе къ качеству Цезаревскаго величія. Но, даже и помимо того, Цезарь естественно долженъ казаться смѣшнымъ человѣку, который принужденъ искать себѣ послѣдняго оплота въ Брутѣ. Ибо торжество Цезаря — значитъ пораженіе Брута.

Не менѣе загадочнымъ, хотя уже совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, выходитъ у Шекспира Антоній. Его

фигура очерчена безподобно, его рѣчи —сплошь до послѣдняго слова — перлы художественнаго творчества. Но, что поразительнѣе всего: у читателя остается впечатлѣніе, что Шекспиръ на время изъ-за Антонія забываетъ своего Брута. Антоній близокъ поэту, онъ имъ невольно любуется и прощаетъ ему все, даже его измѣнническую политику съ Брутомъ. А вѣдь Антоній такъ же далекъ отъ автономной морали, какъ и Цезарь,—пожалуй, еще дальше... Для него нормы не существуютъ. Онъ ничѣмъ не связанъ и боится только силы. Это великолѣпный образчикъ смѣлаго, красиваго и хитраго хищника. Пока Брутъ силенъ—Антоній угодливо склоняетъ предъ нимъ колѣни. Но Брутъ отвернулся, опасный моментъ прошелъ, и хищникъ, почуявъ себя на волѣ, однимъ ловкимъ, красивымъ и свободнымъ прыжкомъ бросается на своего укротителя: изъ-за угла, изъ кустовъ, коварно, лживо, не считаясь ни съ благодарностью, ни съ иными высокими чувствами и правилами. Но въ каждомъ его движеніи насъ невольно поражаетъ довѣряющая себѣ, непокорная, непризнающая надъ собой чуждыхъ законовъ, самодержавная жизнь. Впечатлѣніе получается тѣмъ болѣе захватывающее, что мы недавно, вслѣдъ за Шекспиромъ, спускались въ душное и темное подземелье, гдѣ современная инквизиція, автономная мораль, пытала Брута, заставляла его глотать пылающіе уголья... Конечно, и хищникъ не всегда вѣрно разсчитываетъ: тамъ, гдѣ онъ надѣется на побѣду, его ждетъ нерѣдко пораженіе. Но погибнуть въ борьбѣ за свое право все же не такъ страшно, какъ признать себя безправнымъ существомъ, наемникомъ—хоть бы морали:

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ.

Брутъ не можетъ знать этихъ неизъяснимыхъ наслажденій — онъ борется не за себя, а за идею, за призракъ, который люди сдѣлали Богомъ, Брутъ, — не цѣль, а средство, не жрецъ — а жертвенное животное.

Даже и съ Кассіемъ намъ какъ будто легче, чѣмъ съ Брутомъ, хотя онъ дѣлами своими возбуждаетъ въ насъ ненависть, порой отвращеніе. Онъ убиваетъ Цезаря изъ узко-личныхъ разсчетовъ, онъ грабитъ провинціи, черезъ которыя проходитъ съ войскомъ, онъ сквозь пальцы смотритъ на взяточничество подчиненныхъ ему офицеровъ, онъ отказываетъ Бруту въ денежной помощи и т. д.

Не будь наряду съ нимъ Брута, мы дали бы просторъ своему моральному негодованію. Но всѣ преступленія Кассія кажутся намъ маловажными сравнительно съ поставленной себѣ Брутомъ задачей. Брутъ хочетъ себя и весь міръ принести въ жертву идеѣ — и для насъ слово жертва становится невыносимымъ.

Жаль, безконечно жаль глядѣть на Порцію, бѣдную подругу бѣднаго Брута. И ее, ни въ чемъ неповинную, сожрала ненасытная мораль. Трогательно и вмѣстѣ ужасно вспомнить, какъ ранила она себя въ бедро, чтобъ провѣрить себя и убѣдиться, что она достойная дочь Катона и жена Брута. Она вынесла первое испытаніе, но, чѣмъ дальше — тѣмъ ей становится труднѣе. Когда Брутъ уходитъ въ сенатъ, у

нея уже нѣтъ силъ владѣть собой, и она чуть не выдаетъ ввѣренную ей мужемъ страшную тайну. Но все же она справляется съ собой—съ тѣмъ, чтобы потомъ умереть мучительной смертью. И о ней можно бы сказать: „прекрасна была ея жизнь“, и ее можно поставить въ примѣръ всѣмъ, жаждущимъ отличиться предъ высокой нравственностью. Глотайте угли — а тамъ уже исторія васъ не забудетъ и соорудитъ вамъ памятникъ — каждому отдѣльно, или всѣмъ вмѣстѣ, если васъ наберется много. Это ли не утѣшеніе? Это ли не оправданіе жертвъ и требовательности автономной морали?

Еще есть одно, многоголовое дѣйствующее лицо въ „Юліи Цезарѣ“ — это народъ, или вѣрнѣе „толпа“. Шекспиръ не даромъ заслужилъ славу „реалиста“. Онъ нисколько не льститъ толпѣ и не приукрашиваетъ ее шаблонными добродѣтелями. У него она легкомысленна, измѣнчива, неблагодарна, жестока. Сегодня она бѣжитъ за колесницей Помпея, завтра оретъ ура въ честь Цезаря, а еще черезъ нѣсколько дней умиляется рѣчамъ его убійцы Брута, чтобъ потомъ, поддавшись убѣжденіямъ Антонія, требовать головы своего недавняго любимца. Непостоянствомъ толпы принято возмущаться. Но на самомъ дѣлѣ здѣсь, повидимому, лишь осуществляется древнѣйшій законъ справедливости: око за око, зубъ за зубъ. Толпѣ, въ сущности, нѣтъ никакого дѣла до Помпеевъ, Цезарей, Антоніевъ, Суллъ, какъ всѣмъ этимъ героямъ нѣтъ никакого дѣла до толпы. Сегодня хозяйничаетъ Цезарь—хвала ему; завтра Антоній—можно пойти и за нимъ. Пусть только даютъ хлѣбъ и зрѣлища. А объ

ихъ заслугахъ вспоминать нѣтъ никакой надобности. Они и сами достаточно хорошо объ этомъ помнятъ и награждаютъ себя съ истинно царской щедростью. Правда, иной разъ въ густые ряды честолюбцевъ затешется и честный, безкорыстный Брутъ. Но у кого есть время и охота искать жемчужину въ кучѣ песку? Толпа—пушечное мясо для героевъ, герои—забава для толпы. Справедливость торжествуетъ, и занавѣсъ можетъ быть опущенъ...

Власть идей.

(Д. Мережковскій. „Л. Толстой и Достоевскій“ т. II).

De la musique avant toute chose...

. . . . . .

Et tout le reste est littérature.

Paul Verlaine.

I.

Мнѣ уже пришлось однажды говорить съ читателями „Міра Искусства“ о книгѣ Д. С. Мережковскаго „Л. Толстой и Достоевскій“ по поводу 1-го тома этого сочиненія, вышедшаго въ 1901 году отдѣльнымъ изданіемъ *). Между прочимъ, указывая, какъ на недостатокъ работы, на слишкомъ рѣзко выраженное стремленіе автора къ синтетическому объединенію добытаго имъ у Достоевскаго и Толстого психологическаго матеріала, я замѣтилъ: „впрочемъ, у меня осталось впечатлѣніе, что и для самого г. Мережковскаго синтезъ имѣетъ только внѣшне-объединяющее, формальное значеніе и принятъ имъ лишь для литературныхъ цѣлей, такъ что я совѣтую читателю, по прочтеніи книги, больше размышлять объ ея матеріальномъ содержаніи, чѣмъ о формальной цѣльности“.

*) См. «Міръ Искусства», 1901 г. №№ 8 и 9.

Я и сейчасъ продолжаю думать, что общая идея, послѣдній синтезъ имѣетъ въ книгѣ только формальное, литературное значеніе. Когда-то мнѣ пришлось прочесть извѣстную сказку о томъ, какъ солдатъ сварилъ щи изъ топора. Бѣднягу опредѣлили на постой въ деревнѣ къ очень скупой бабѣ, которая ничего, кромѣ черстваго хлѣба, не давала своему жильцу. Ни просьбы, ни убѣжденія не помогали. Тогда солдатъ пустился на хитрость—предложилъ изготовить отличныя щи изъ обыкновеннаго топора. Хозяйку эта идея очень прельстила. Затопили печь, налили въ горшокъ воды, положили въ воду топоръ и стали ждать. Когда вода закипѣла, солдатъ сказалъ, что совсѣмъ были бы хороши щи изъ топора, кабы прибавить кусочекъ мяса. Заинтригованная хозяйка, забывъ скупость, пошла въ погребъ и принесла мяса. Потомъ, подъ тѣмъ же предлогомъ, солдатъ спросилъ капусты, сала, соли и т. д. Въ концѣ концовъ щи вышли превосходныя, и хозяйка, вмѣстѣ съ жильцомъ, поужинали на славу. Что же до топора, то онъ, разумѣется, не „доварился“, и солдатъ обѣщалъ его доварить въ другой разъ.

На мой взглядъ, общая идея всегда играетъ въ книгѣ ту же роль, что и топоръ въ щахъ солдата. Сколько ни возись съ ней, она такъ и останется недоваренной. И главное—книга отъ того нисколько не страдаетъ: были бы только въ ней всѣ остальные элементы, изъ которыхъ составляется духовная пища человѣка.

Когда я читалъ первый томъ книги „Л. Толстой и Достоевскій“, мнѣ казалось, какъ я и высказалъ тогда, что г. Мережковскій и самъ не придаетъ боль-

шой цѣны синтезу. И въ этомъ смыслѣ второй томъ этого сочиненія явился для меня совершенной неожиданностью. Правда, я позволяю себѣ думать, что въ значительной степени онъ явился неожиданностью и для самого автора: мнѣ представляется, что въ то время, какъ онъ началъ писать свой трудъ, онъ— „даль свободнаго романа сквозь магическій кристаллъ еще не ясно различалъ". Можетъ быть, онъ даже и не предвидѣлъ, что задумаетъ выпустить огромный отдѣльный томъ подъ заглавіемъ „Религія Л. Толстого и Достоевскаго". Пожалуй, ему тогда, какъ мнѣ теперь, казалось, что на такую тему и писать нельзя, не нарушивъ великой 3-ей заповѣди—нельзя, по крайней мѣрѣ, свѣтскому человѣку, не искушенному въ богословскихъ тонкостяхъ. Говорить на пространствѣ 600 страницъ большого формата о религіи—т. е. о Богѣ — кто изъ насъ можетъ быть настолько увѣренъ въ себѣ, чтобъ не бояться соблазна суесловія?! А вѣдь нѣтъ большаго грѣха, чѣмъ упоминать всуе имя Господа!

И въ самомъ дѣлѣ, нарушеніе 3-ей заповѣди привело г. Мережковскаго къ дурнымъ послѣдствіямъ. Человѣкъ, весь пропитанный современными идеями, поэтъ, романистъ, критикъ — по своему призванію, онъ попытался въ новой для него области примѣнить тѣ пріемы изслѣдованія, которые приняты въ наукѣ и литературѣ. До сихъ поръ онъ занимался научными и литературными вопросами, теперь онъ, по его собственнымъ словамъ, сталъ „заниматься вопросами религіозными". Уже самое выраженіе это „заниматься религіозными вопросами" — выраженіе, въ

послѣднее время ставшее входить въ употребленіе— (я его у г. Минскаго въ „философскихъ разговорахъ“ встрѣтилъ и еще кое-гдѣ) заключаетъ въ себѣ большое недоразумѣніе. Религіозныхъ „вопросовъ“ нѣтъ и быть не можетъ, и „заниматься“ тутъ нечѣмъ. Существуютъ вопросы политико-экономическіе, соціальные, если угодно—даже теологическіе, и на Западѣ поэтому развились соотвѣтствующія дисциплины, которыя постепенно переносились и на русскую почву и даже въ нѣкоторой степени акклиматизировались у насъ. Но религія—это не дисциплина и не наука, и всякая попытка приравнять ее къ какой бы то ни было области человѣческаго знанія должна считаться по существу своему незаконной и встрѣтить потому надлежащій отпоръ. Мнѣ кажется, что отчасти и самъ г. Мережковскій предчувствовалъ это—и отсюда у него такое невѣроятное количество совсѣмъ не идущихъ къ свѣтской книгѣ богословскихъ выраженій, для которыхъ онъ, по возможности, даже сохраняетъ особенности ихъ традиціоннаго правописанія (стыдно признаться—но грѣхъ утаить: я совсѣмъ было позабылъ о существованіи въ русскомъ алфавитѣ прописной ижицы, такъ что, встрѣтивъ ее въ книгѣ г. Мережковскаго, не сразу распозналъ, въ чемъ дѣло, и принялъ было ее за римское пять). Но этимъ пріемомъ онъ скорѣе испортилъ, чѣмъ исправилъ дѣло. Ему представилось, что, произнося часто святыя слова, онъ уже этимъ самымъ въ достаточной степени воздаетъ Божье—Богу, и что, слѣдовательно, ему разрѣшается безъ всякаго стѣсненія воздавать Кесарю—Кесарево. Вся огромная книга цѣликомъ почти посвящена дока-

зательству той „философской“ идеи, что въ мірѣ существуетъ нѣкое единство, которое—не знаю, какъ уже правильнѣй выразиться — не то представляетъ собой религію, не то должно замѣнить ее. Ни одна изъ формъ существующихъ и существовавшихъ религій не удовлетворяетъ г. Мережковскаго. Даже историческія формы христіанства кажутся ему въ высокой степени несовершенными, и онъ стремится къ отысканію какой-то новой формы. Исторія человѣчества представляется ему однимъ непрерывнымъ стремленіемъ къ отысканію этой, пока еще неизвѣстной, формы. Онъ думаетъ, что на насъ и на ближайшія къ намъ поколѣнія возложена задача отыскать новую религію, что съ задачей этой близкое будущее справится, а затѣмъ—наступитъ конецъ міра...

Мнѣ эта схема представляется очень подозрительной—прежде всего потому, что я подъ новыми, вѣрнѣе, обновленными словами узнаю старыя идеи. Снимите съ теорій г. Мережковскаго рясы и ризы, въ которыя онъ безъ всякаго на то права облачилъ ихъ, и вы увидите предъ собой давно знакомую и очень свѣтскую особу, которая въ міру называлась прогрессомъ. Прогрессъ тоже всегда держалъ при себѣ блестящій штатъ возвышенныхъ, отвлеченныхъ идей; онъ тоже любилъ въ свое оправданіе ссылаться на болѣе или менѣе отдаленное будущее. Сходство даже въ томъ, что прогрессивнымъ поколѣніямъ обыкновенно казалось, что самая великая и трудная задача выпала именно на ихъ долю, и что имъ суждено сыграть въ исторіи очень выдающуюся роль. И конецъ міра вовсе уже не такъ несвойственъ современному міросозерцанію: ученые не

разъ соображали, что рано или поздно остынетъ солнце, и, слѣдовательно, земля замерзнетъ. Правда, они клали болѣе значительные сроки. Но „скоро“ г. Мережковскаго—тоже очень условное скоро. Онъ самъ оговариваетъ, что мѣрило у него—вѣчность. А въ сравненіи съ вѣчностью—даже тысячелѣтія суть мгновенія. Я бы, впрочемъ, все-таки довольно легко примирился съ общей идеей г. Мережковскаго, если бы во второмъ томѣ, какъ и въ первомъ, она играла бы только внѣшнюю роль. Прогрессъ—такъ прогрессъ: идея—не хуже и не лучше всякихъ другихъ идей. Я бы и синтеза не сталъ очень оспаривать: de gustibus aut nihil aut bene, какъ говоритъ одинъ изъ героевъ Чеховской „Чайки“. Но на этотъ разъ г. Мережковскій, ради своихъ идей, забываетъ рѣшительно все на свѣтѣ—а этого уже никоимъ образомъ простить нельзя.

И прежде всего онъ забываетъ самого себя, такъ что мнѣ приходится выступать въ странной роли защитника г. Мережковскаго противъ г. Мережковскаго. Вся огромная книга написана такъ, какъ будто бы автора ея совсѣмъ не было на свѣтѣ, или какъ будто бы все можетъ быть важно, интересно, значительно, кромѣ г. Мережковскаго. Откуда такое самоуниженіе? Любопытно, что въ концѣ концовъ онъ и самъ какъ будто догадывается, что что-то у него неладно, и въ предисловіи пытается ex post facto оправдаться. „Тѣ мысли, пишетъ онъ, которыя я желалъ бы здѣсь высказать, не мысли самоувѣреннаго, бунтующаго противъ церкви нигилиста, нитшеанца, западника, декадента,—я не знаю, какъ еще меня называютъ, ру-

гаютъ—а мои самыя робкія, мучительныя сомнѣнія, мои болѣзни и немощи, отъ которыхъ я ищу исцѣленія—отчасти моя исповѣдь" [1]). Если бы это было такъ! Но, какъ мы увидимъ дальше, г. Мережковскій не только никогда не смѣетъ сомнѣваться, болѣть и тѣмъ паче еще исповѣдываться—онъ никому не прощаетъ ни болѣзни, ни слабости. (Напомню здѣсь пока, что князя Андрея изъ „Войны и міра" онъ „называетъ, ругаетъ"—„неумнымъ неудачникомъ!"). Я уже не говорю о сомнѣніяхъ. Стоитъ только человѣку на мгновеніе задуматься или опечалиться—и г. Мережковскій теряетъ всякое самообладаніе. „Синтезъ, идея идетъ, гляди веселѣй, чего волкомъ смотришь!"—вотъ слова команды, непрерывно срывающіяся съ устъ г. Мережковскаго, и горе тому, кто ослушается его приказанія—будь то „великій писатель земли русской" графъ Толстой, будь то знаменитый нѣмецкій философъ Фридрихъ Нитше или даже самъ Достоевскій, зачастую являющійся для г. Мережковскаго пророкомъ. Порядокъ, равненіе во фронтѣ—прежде всего, иначе не получится той идеальной законченности, которая называется синтезомъ, и которая, какъ намъ говорили нѣмцы, составляетъ конечную цѣль всякихъ умственныхъ исканій... Намъ теперь нельзя исповѣдываться, т. е. говорить правду. Намъ нужно быть строго объективными, научными, т. е. высказывать о вещахъ, до которыхъ намъ нѣтъ рѣшительно никакого дѣла, сужденія, къ которымъ мы совершенно равнодушны. И при этомъ еще „глядѣть весело"!

---

[1]) Религ. Л. Толстого и Достоевскаго, стр. XXIV.

II.

Въ этомъ смыслѣ второй томъ книги г. Мережковскаго является полной противоположностью первому. Въ первомъ онъ внимательно, неторопливо, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей вглядывается въ жизнь и только отъ времени до времени, словно противъ воли, чтобъ не спорить съ традиціями, морализируетъ и дѣлаетъ обобщенія. Во второмъ—онъ разъ навсегда закрылъ глаза на дѣйствительность и, весь отдавшись во власть идей, начинаетъ обобщать и судить, или, какъ ему кажется, созидать новую религію.

Уже въ самомъ началѣ книги мы наблюдаемъ первыя вспышки гнѣва у г. Мережковскаго по поводу того, что гр. Толстой въ „Войнѣ и Мирѣ“ непочтительно отнесся къ Наполеону и, такимъ образомъ, оскорбилъ идею всемірнаго единенія, которую будто бы представлялъ собой французскій императоръ. Нисколько не колеблясь, придавъ возможную твердость своему по природѣ мягкому голосу, г. Мережковскій восклицаетъ, что Толстой „нарисовалъ на Наполеона каррикатуру, не смѣшную, не злую, а только позорную—надо уже когда-нибудь прямо признаться—позорную уже, конечно, не для Наполеона“ [1]). Я думаю, что не слѣдовало бы торопиться съ такого рода признаніями. Но, какъ извѣстно, только первый шагъ труденъ. Разъ произнесши роковое слово и убѣдившись, что оно не повлекло за собой никакихъ видимыхъ послѣдствій, что небо осталось спокойнымъ, да и земля не содрогнулась, г. Мережковскій почувство-

[1]) Ib., стр. 56.

валъ себя совершенно свободнымъ и сталъ говорить о Толстомъ рѣшительно невѣроятныя вещи, которыя— я въ этомъ глубоко убѣжденъ—нисколько не выражаютъ собой его дѣйствительныхъ сужденій о великомъ писателѣ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить любопытную черту литературнаго творчества г. Мережковскаго, которую можно назвать идейнымъ радикализмомъ. Онъ по натурѣ своей представляется мнѣ страстнымъ охотникомъ за идеями, въ своемъ увлеченіи способнымъ даже дойти до браконьерства. Но не всякая добыча въ этой области соблазняетъ его. Онъ признаетъ и любитъ только самыя крайнія, самыя радикальныя идеи. Оттого-то въ его сочиненіяхъ онъ совершенно обходится безъ положительной степени: все у него превосходныя. И затѣмъ вы у него рѣдко найдете страницу, на которой не было, примѣрно, десяти или больше сильныхъ и рѣзкихъ выраженій. Въ этомъ, правда, отчасти можно видѣть вліяніе Достоевскаго и Нитше—но, можетъ быть, и обратно; можетъ быть, онъ оттого и избралъ себѣ въ учителя Достоевскаго и Нитше, что они отвѣчаютъ его радикальнымъ вкусамъ. Г. Мережковскій всегда чувствуетъ неодолимую потребность негодовать, умиляться, отчаиваться, выходить изъ себя, совершенно примиряться и т. д. И что особенно цѣнно въ немъ— его настроенія обыкновенно возникаютъ самостоятельно, совершенно независимо отъ того, даетъ ли къ нимъ настоящій поводъ предметъ, о которомъ у него идетъ рѣчь. Точно также и убѣжденія его— вовсе не такого рода, чтобъ, однажды ихъ высказавъ, никогда бы уже нельзя было отречься отъ нихъ.

Наоборотъ, внутренно онъ относится къ нимъ съ почти идеальнымъ, суверееннымъ презрѣніемъ. Эта черта дѣлала бы его оригинальнѣйшимъ русскимъ писателемъ, если бы онъ имѣлъ смѣлость быть самимъ собой и не считалъ необходимостью такъ послѣдовательно и упорно скрывать свою истинную сущность подъ нѣмецкими идеями. Когда онъ возвѣщаетъ какую-нибудь истину, отъ которой ему такъ же легко отказаться, какъ перемѣнить перчатки, и отъ которой онъ не сегодня, завтра навѣрное отречется, такъ какъ онъ достаточно утонченный человѣкъ, чтобъ à la longue не выносить ни одной изъ выдуманныхъ имъ самимъ или другими людьми истинъ, онъ при этомъ дѣлаетъ такой торжественный, убѣжденный, я чуть не сказалъ вѣчный—видъ, какъ и любой изъ публицистовъ толстаго журнала, 25 лѣтъ подрядъ долбившій своихъ читателей какой-нибудь гуманностью или прогрессомъ. Или когда онъ возмущается и негодуетъ,—неопытный человѣкъ и въ самомъ дѣлѣ можетъ подумать, что г. Мережковскій узкій и нетерпимый фанатикъ, готовый сжечь на кострѣ всякаго, кто вздумаетъ ему противорѣчить. Ничуть не бывало: завтра онъ будетъ, разумѣется, негодовать по поводу того, что его сегодня умиляло, и прославлять то, что его возмущало. И, кто имѣлъ терпѣніе изучать г. Мережковскаго—тотъ ни на минуту въ томъ не усомнится. Г. Мережковскій высказываетъ то или иное убѣжденіе лишь потому, что оно сейчасъ пришлось ему по вкусу и соблазнило его съ чисто эстетической стороны; онъ негодуетъ или умиляется только потому, что ему пришла пора умиляться и

негодовать. Его мысли и настроенія чудесно независимы отъ чего бы то ни было внѣшняго. Монтэнь нашелъ бы въ г. Мережковскомъ идеальнаго собесѣдника! И какъ обидно видѣть, что столь свободный человѣкъ насильно втискиваетъ себя въ рамки обыденныхъ схемъ и чуть ли не на каждой страницѣ отрекается отъ своей глубочайшей сущности. При его литературномъ талантѣ, при его искусствѣ изобрѣтать новыя и эксплоатировать старыя идеи, при его способности быстро переходить отъ одного настроенія къ другому, какой великолѣпный образецъ свободной, довѣряющей себѣ непослѣдовательности мы бы могли имѣть въ его лицѣ! Какъ отрадно было бы увидѣть не только въ стихотворныхъ, но и въ прозаическихъ произведеніяхъ примѣръ того поэтическаго безпорядка, того живого хаоса, о которомъ мы, запуганные нѣмецкими учителями, скоро не будемъ уже смѣть даже мечтать. Я всегда надѣялся, что г. Мережковскій, скорѣй чѣмъ кто-нибудь другой, рѣшится требовать и для прозы той magna charta libertatis, которая уже давно считается неоспоримой прерогативой поэзіи. И вмѣсто того, во второмъ томѣ я встрѣчаю тѣ же однообразные, сѣрые, нѣмецкіе мундиры, тѣ же краткія слова команды, что и вездѣ... Даже своимъ объемомъ и форматомъ книга г. Мережковскаго напомнила нѣмцевъ: огромный, толстый томъ... Г. Мережковскій уступилъ по всей линіи вѣчно торжествующимъ побѣдителямъ при Седанѣ. И только изрѣдка замѣчается у него робкій, вопросительный, недоумѣвающій взглядъ живого человѣка: —да полно, точно ли вся эта военщина такъ нужна...

А межъ тѣмъ, именно Нитше могъ бы научить г. Мережковскаго совсѣмъ иному. Прежде всего—иной формѣ изложенія мыслей. Нитше, какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи, совсѣмъ не былъ похожъ на нѣмца. Онъ писалъ краткіе афоризмы и до такой степени повліялъ на нѣмецкій языкъ, что въ настоящее время большіе періоды встрѣчаются только въ газетныхъ передовицахъ и у ученыхъ профессоровъ, профессіонально охраняющихъ все умирающее и даже умершее. На мой взглядъ, афоризмъ—есть лучшая литературная форма. Конечно, и въ афоризмѣ человѣческая мысль окажется болѣе или менѣе помятой и раздавленной. Но афоризмъ даетъ одно неоцѣнимое преимущество: онъ освобождаетъ отъ послѣдовательности и синтеза. Поэта никто не провѣряетъ, думалъ и чувствовалъ ли онъ вчера, въ прошломъ году, пять лѣтъ тому назадъ, когда писалъ свои старые стихи—то же, что думаетъ сегодня. А если провѣряютъ и отмѣчаютъ разницу,—то отнюдь не затѣмъ, чтобъ укорять его, скорѣй—чтобъ похвалить. Прозаикамъ необходимо добиться той же свободы, и Нитше, какъ и Достоевскій (писавшій тоже и публицистическія статьи), ни мало не заботились о „единствѣ“, да еще всемірномъ. Всѣ еще помнятъ, въ какихъ несомнѣнныхъ противорѣчіяхъ уличали Достоевскаго,—о Нитше, я уже не говорю. Разумѣется, если бы вмѣсто того, чтобы писать небольшія статьи, они сочиняли бы огромныя книги, имъ бы ничего не стоило подогнать подъ ранжиръ свои идеи и сгладить всѣ неровности: премудрость, какъ извѣстно, небольшая. Но они никогда не имѣли времени объ этомъ думать—а можетъ быть,

и сознательно не хотѣли: вѣдь отлично знали они, что никакого единства въ мірѣ нѣтъ, не можетъ — да пожалуй и не должно быть, и что идея нисколько не выигрываетъ отъ того, что ея безплотныя сосѣдки маршируютъ съ ней въ ногу.

Меня очень удивляетъ, что человѣкъ съ такимъ эстетическимъ чутьемъ, какъ г. Мережковскій, соблазнился исключительно радикальными идеями, которыя, какъ матеріалъ для творчества, такъ мало соотвѣтствуютъ характеру его литературнаго дарованія. Если дозволительно—а я думаю, что дозволительно—сравнивать литературныя дарованія съ вокальными талантами, я бы сказалъ, что у г. Мережковскаго tenore di grazia. Поэтому хорошо могутъ ему удаваться только лирическія роли. Межъ тѣмъ его всегда тянетъ къ драматическимъ партіямъ. И, чувствуя, что онѣ ему не вполнѣ даются, онъ прибѣгаетъ къ разнаго рода искусственнымъ пріемамъ — чтобъ усилить впечатлѣніе: къ форсировкѣ голоса, къ вставочнымъ высокимъ нотамъ, къ безконечнымъ повтореніямъ. Разумѣется, это ни къ чему не ведетъ. Читатель вскорѣ привыкаетъ къ громкимъ звукамъ и однообразнымъ высокимъ нотамъ; а повторенія не только не убѣждаютъ, но еще раздражаютъ. Впервые высказанная мысль почти всегда привлекаетъ наше вниманіе, но стоитъ ее прослушать 3, 4 раза (а г. Мережковскій по десяти и больше разъ повторяетъ одно и то же)— и вотъ она уже примелькалась и потеряла все свое обаяніе. И отчего собственно г. Мережковскому героическія партіи кажутся почетнѣе лирическихъ? Вѣдь вотъ, напримѣръ, такой замѣчательный писатель, какъ

Монтэнь, никогда не драматизируетъ, а пишетъ чудесно! Или, въ наше время, Метерлинкъ, всегда поющій mezza-voce. Я думаю, что оба они ничего не теряютъ даже по сравненіи съ Достоевскимъ, Толстымъ или Нитше. У г. Мережковскаго, желающаго непремѣнно быть не самимъ собою, несоотвѣтствіе характера его дарованія съ характеромъ взятой имъ на себя задачи сказывается часто очень невыгоднымъ для него образомъ. Въ самыхъ драматическихъ мѣстахъ, онъ, уступая никогда не замолкающей въ человѣкѣ потребности держаться естественно, вдругъ какимъ-нибудь небольшимъ замѣчаніемъ, иногда даже однимъ словомъ, портитъ цѣльность впечатлѣнія. Такъ иногда итальянскій пѣвецъ, исполняющій партію въ оперѣ Вагнера, вставивъ крохотный форшлагъ, изогнутое sostenuto или столь любезное лирическимъ тенорамъ fermato на высокой нотѣ — нарушаетъ стильность музыки и вызываетъ въ слушателѣ досадное чувство. Приведу одинъ-другой примѣръ изъ книги г. Мережковскаго. Повторяя слова Христа „думаете ли вы, что я пришелъ принести миръ на землю? Не миръ пришелъ я принести, но мечъ, ибо я пришелъ раздѣлить“, онъ прибавляетъ отъ себя: „конечно, это мечъ для высшаго мира, это раздѣленіе для высшаго соединенія“ [1]). Или вотъ отрывокъ изъ „Войны и Мира» съ поясненіями: „Мари, ты знаешь Еванг.“, но онъ вдругъ замолчалъ. „Мы не можемъ понимать другъ друга“. Какое страшное молчаніе! Сколько въ немъ жестокости. Была ли вообще на землѣ большая жестокость, большее проклятье жизни? И въ этомъ-то проклятьи,

[1]) Ib. стр. 65.

которое вѣдь въ концѣ концовъ есть, быть можетъ, лишь обратная сторона циническаго, животнаго себялюбія — „все это ужасно просто, гадко; — всѣ вы живете и думаете о живомъ, а я“, — заключается, по мнѣнію Л. Толстого, вся „благая вѣсть“ Евангелія. Полно, не злая ли вѣсть?“ [1]). Или еще: „нѣтъ, пишетъ г. Мережковскій, кого другого, а насъ этими „воскресеньями“ не обманешь и не заманишь — слишкомъ мы имъ знаемъ цѣну: „мертвечинкой отъ нихъ припахиваетъ“. Богъ съ ними, мы ихъ врагу не пожелаемъ“ [2]). Можно было бы привести и больше примѣровъ, но, вѣроятно, и этихъ достаточно для поясненія сказаннаго. Форшлагъ „конечно“ въ первой фразѣ, длинное fermato — во второй, и неожиданная бравурность въ третьей — такихъ вещей слѣдуетъ всѣми силами избѣгать. Разумѣется, на своемъ мѣстѣ форшлагъ не мѣшаетъ, а fermato и бравурный тонъ — могутъ быть красивыми. Но тамъ, гдѣ нужно быть простымъ и краткимъ — а послѣ цитатъ изъ Евангелія, послѣ упоминанія о Евангеліи обязательно говорить просто и кратко — всѣ риторическія украшенія строжайше возбраняются. Отъ логики мы освобождаемся, но поэтика, видно, еще на долгое время останется въ силѣ.

III.

Отъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ идеямъ г. Мережковскаго. Онъ считаетъ, что только тотъ человѣкъ заслуживаетъ вниманія и уваженія, который сознательно и прямолинейно стремится создать религію.

---

[1]) Ib. стр. 185.
[2]) Ib. стр. 156.

Въ этомъ коренится и его уваженіе къ Наполеону: „Да, пишетъ онъ, въ эгоизмѣ Наполеона, безумномъ или животномъ съ точки зрѣнія нравственности „позитивной“, не желающей быть и не смѣющей не быть „христіанской“, скрывается, съ иной точки зрѣнія, нѣчто высшее, потустороннее, первозданное, премірное, религіозное: „Я создавалъ религіи“.—Какъ будто не себя онъ любитъ въ себѣ, а ему самому еще неоткрывшееся, невѣдомое“ [1]). Правда, г. Мережковскій не долго вѣритъ Наполеону и со свойственнымъ ему чарующимъ непостоянствомъ, черезъ 35 страницъ, приводя вновь слова Наполеона: „я создавалъ религію“, уже не придаетъ имъ большого значенія. „Ну, конечно, говоритъ онъ, никакой религіи Наполеонъ не создавалъ, а, если и создавалъ, то не создалъ и не могъ создать“ [2]). Тутъ и форшлагъ „ну, конечно“ годится, тутъ и трель и даже самое продолжительное фермато было бы кстати. А умѣстнѣе всего была бы ссылка на 41 страницу, гдѣ утверждается противное. Такимъ образомъ, какъ я уже замѣтилъ, г. Мережковскій достигъ бы высшей цѣли, какая только возможна въ настоящее время въ литературѣ—провозглашенія свободы человѣческаго сужденія отъ всего, навязаннаго извнѣ.

Вторымъ великимъ качествомъ Наполеона г. Мережковскій считаетъ его убѣжденіе, что власть его, хотя она и добыта имъ силой, собственно все-таки дана ему Богомъ. И онъ съ восторгомъ, десятки разъ повторяетъ сказанную Наполеономъ фразу: „Dio mi la dona, guai a chì la tocca“.

---

[1]) Ib. стр. 41.
[2]) Ib. стр. 77.

Но, если пошло на убѣжденія, то я позволю себѣ высказать убѣжденія прямо противоположныя. Я считаю, что никто изъ людей не вправѣ создавать религію и что тутъ нечего создавать. Ибо одно изъ двухъ: либо Богъ есть — и тогда религія дана намъ Библіей; либо Бога нѣтъ—тогда намъ съ Мережковскимъ лучше всего замолчать. Что же касается Наполеоновъ, то въ обоихъ случаяхъ ихъ дѣятельность, — только возвышенное комедіанство и кривлянье, которое съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ изображено въ „Войнѣ и мірѣ“ гр. Толстымъ — однимъ изъ тѣхъ русскихъ людей, который — что бы про него ни говорили — все-таки больше всѣхъ другихъ сдѣлалъ для разрушенія престижа господствующихъ нынѣ научно-позитивныхъ идей. А къ этому и только къ этому и сводится въ настоящее время истинное дѣло тѣхъ, кто хочетъ оберечь религію отъ всепобѣждающей обыденности. Обыденность тѣмъ и страшна, что она умѣетъ все эксплоатировать въ свою пользу и не разъ уже обезцѣнивала высшія религіозныя истины, заставляя ихъ служить своимъ цѣлямъ. И далѣе, на мой взглядъ, утвержденія въ родѣ тѣхъ, которыя скрываются въ итальянской фразѣ Наполеона, не только не свидѣтельствуютъ объ особой близости человѣка къ Богу и о серьезныхъ религіозныхъ исканіяхъ, но наоборотъ, указываютъ на совершенный религіозный индифферентизмъ. Ибо вообразить себѣ, что первенство на землѣ, хотя добытое и собственными силами, а не по праву рожденія, есть признакъ первенства также и передъ Богомъ—значитъ забыть величайшее слово Евангелія о томъ, что первые здѣсь

будутъ послѣдними тамъ... Когда Толстой писалъ о Наполеонѣ, онъ исходилъ изъ этой великой мысли (о которой, къ слову сказать, г. Мережковскій ни разу въ своей книгѣ не вспомнилъ) — и опровергать его цитатами изъ Тэна не приходится. Чтобъ окончательно противопоставить свое убѣжденіе убѣжденіямъ г. Мережковскаго, я скажу: страницы „Войны и Мира", посвященныя Наполеону — суть слава и гордость русской литературы.

Пусть, однако, читатель не думаетъ, что я имѣю цѣлью защищать писательскую репутацію гр. Толстого. Нѣтъ, къ счастью, въ этомъ надобности не представляется. Здѣсь рѣчь идетъ о г. Мережковскомъ и о его „религіи" — и только объ этомъ. Я хочу установить тотъ фактъ, что г. Мережковскій подъ видомъ религіи предложилъ намъ пользующійся нынѣ въ Европѣ такимъ исключительнымъ успѣхомъ обыкновенный морализирующій идеализмъ. Почти каждая страница его книги служитъ тому доказательствомъ.

„Если, пишетъ онъ, Наполеонъ погибъ, то не потому, что слишкомъ, а потому что все-таки недостаточно любилъ себя, любилъ себя не до конца, не до Бога (вездѣ курсивъ автора), не вынесъ этой любви, ослабѣлъ, потерялъ равновѣсіе и, хотя бы на одно мгновеніе, самъ себѣ показался безумнымъ, смѣшнымъ: „отъ великаго до смѣшного только одинъ шагъ". „Отъ этого маленькаго сомнѣнія, а не отъ вѣры въ себя онъ погибъ". Не стану оспаривать этого, но полагаю, что дозволительно спросить: откуда это извѣстно г. Мережковскому, какъ могъ онъ проникнуть въ такія глубокія тайны человѣче-

скихъ судебъ? Нужно замѣтить, что въ приведенныхъ словахъ заключается не мимолетная, случайно забредшая въ голову автора мысль и не простое предположеніе, а одна изъ основныхъ его идей, которую онъ съ несвойственнымъ ему постоянствомъ и съ обычнымъ паѳосомъ проводитъ черезъ всю книгу. Къ сожалѣнію, г. Мережковскій самъ не нашелъ нужнымъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, а такъ какъ отвѣтомъ рѣшается судьба книги, то волей неволей приходится пуститься въ догадки. И я полагаю, что этотъ догматъ о спасительности безконечной любви къ себѣ, какъ и весь идейный радикализмъ, внушенъ г. Мережковскому Фридрихомъ Нитше. Если бы кто сталъ мнѣ возражать, я берусь соотвѣтствующими цитатами изъ сочиненія этого послѣдняго доказать справедливость своего предположенія. Между идеями г. Мережковскаго и мыслями Нитше есть, правда, трудно уловимое, но очень существенное различіе — на первый разъ даже представляющееся различіемъ только въ формѣ изложенія. Нитше удалось счастливо избѣгнуть слишкомъ рѣзкой отчетливости и опредѣленности въ выраженіи своихъ мыслей. Онъ умѣлъ—и въ этомъ его главная заслуга—не переступать ту тонкую чуть видную черту, которая отдѣляетъ дѣйствительныя переживанія человѣка отъ выдуманныхъ имъ идей. Онъ—замѣчательный представитель той почти божественной безпочвенности, о которой мечтали древніе греки: иногда ему удавалось ходить, не касаясь ногами земли. У него нигдѣ нѣтъ той тяжеловѣсной принципіальности и того неповоротливаго догматизма, которые г. Мережковскій, вслѣдъ за другими моралистами, хочетъ во чтобы то

ни стало внести въ свое міровоззрѣніе. Исключеніемъ является только VIII-й томъ, написанный послѣ того, какъ Брандесъ уже успѣлъ представить его европейской публикѣ и, когда Нитше, увидѣвъ, что на него глядитъ чутъ ли не весь цивилизованный міръ, пересталъ думать для себя и сталъ поучать людей. Вѣроятно, именно по этой причинѣ г. Мережковскій, часто вспоминающій и цитирующій Нитше, всегда обращается къ самымъ послѣднимъ его сочиненіямъ— къ „Антихристу“ и „Сумеркамъ идоловъ“. Разъ нужны догматы, все остальное, написанное Нитше, представляетъ мало интереса. А г. Мережковскому на этотъ разъ нужны догматы и только догматы. Онъ во что бы то ни стало хочетъ доказать, что моралисты правы, что могутъ быть у людей прочныя убѣжденія, что земля на трехъ китахъ стоитъ и что каждый желающій можетъ этихъ китовъ увидѣть собственными глазами. Вотъ два новыхъ образца разсужденій г. Мережковскаго: „Раскольниковъ нарушилъ заповѣдь Христову тѣмъ, что любилъ другихъ меньше, чѣмъ себя; Соня—тѣмъ, что любила себя меньше, чѣмъ другихъ, а вѣдь Христосъ заповѣдалъ любить другихъ не меньше и не больше, а какъ себя (курсивъ, разумѣется, опять авторскій, да и какъ не подчеркнуть такія слова!). Оба они „вмѣстѣ прокляты“, вмѣстѣ погибнутъ, потому что не умѣли соединять любовь къ себѣ съ любовью къ Богу“ [1]). Оставляю на совѣсти г. Мережковскаго истолкованіе словъ Христа—въ увѣренности, что онъ не долго будетъ на немъ настаивать. Но каковъ принципъ?! Нужно умѣть

[1]) Ibid. стр. 138.

соединять съ любовью къ другимъ любовь къ себѣ! Сколько моралистовъ позавидуютъ твердости и опредѣленности убѣжденій г. Мережковскаго. Другой примѣръ: — „О, вы не бродите съ краю, а смѣло летите внизъ головой“, говоритъ Ставрогину Шатовъ. И это, выясняетъ г. Мережковскій, вѣрно только отчасти. Въ своихъ безсознательныхъ поискахъ послѣдняго соединенія Ставрогинъ иногда дѣйствительно „летитъ внизъ головой“. Но въ своемъ религіозномъ сознаніи онъ именно только бродитъ, блуждаетъ, блудитъ „съ краю“. Если бы онъ бросился внизъ головой, то спасся бы, почувствовалъ, что у него уже есть крылья — и перелетѣлъ бы черезъ бездну“. (Курсива у г. Мережковскаго нѣтъ, но на мой взглядъ послѣдняя фраза вполнѣ его заслуживаетъ). Опять вѣчный принципъ: бросайся внизъ головой, — вырастутъ крылья! Нитше говоритъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда при немъ высказываютъ новую и смѣлую мысль, онъ никогда не обсуждаетъ ее, а всегда предлагаетъ ея автору попытаться осуществить ее. Подождемъ и мы: когда личный опытъ г. Мережковскаго подтвердитъ его идею, быть можетъ, мы станемъ довѣрчивѣй относиться къ морали.

Изъ всего этого, между прочимъ, слѣдуетъ, что г. Мережковскій, — хотя онъ и стоитъ далеко отъ русскихъ литературныхъ круговъ и говоритъ за свой страхъ, — повидимому, всецѣло раздѣляетъ давно укоренившееся у насъ убѣжденіе, что писатель долженъ говорить не то, что онъ думаетъ, а то, что въ данное время полезно и нужно публикѣ. Не знаю, можетъ быть, онъ и правъ. Но, если это и такъ, если и въ

самомъ дѣлѣ писатель долженъ всю свою жизнь обманывать читателя и подслащать литературной ложью (или идеалами) горестное существованіе интеллигентнаго человѣка, то вѣдь это слѣдуетъ дѣлать съ большой осторожностью—такъ, чтобы люди не замѣтили, что ихъ обходятъ. И успѣть въ этомъ трудномъ дѣлѣ можно только въ томъ случаѣ, если писатель, обманывая другихъ, ни на минуту не забываетъ, что онъ говоритъ неправду и неправдой этой мучается. Такимъ образомъ, благодаря постоянно живущему въ немъ тягостному и неестественному раздвоенію, его рѣчь пріобрѣтаетъ тотъ особенный характеръ взволнованности и мятежной напряженности, который всегда свойственъ проповѣдникамъ, и въ которомъ неопытная, вѣчно наивная и вѣчно жаждующая сильныхъ впечатлѣній толпа обыкновенно видитъ признакъ сошедшей на человѣка небесной благодати. „Какъ дрожитъ у него голосъ, какъ сверкаетъ его взглядъ, какъ блѣднѣетъ и мѣняется его лицо! Все существо его—одинъ трепетъ! О, тутъ не можетъ быть сомнѣнія—его устами говоритъ божество“—непосвященные всегда такъ разсуждаютъ... Но, если человѣкъ станетъ необыкновенныя вещи говорить обыкновеннымъ тономъ, и если, чтобъ не слишкомъ тратиться, онъ прежде чѣмъ выступать предъ людьми, постарается самъ убѣдиться въ своихъ истинахъ, примириться съ собой, устранить внутреннее раздвоеніе, то это кончится тѣмъ, что онъ будетъ единственнымъ вѣрующимъ послѣдователемъ своихъ идей. Поэтому я опять высказываю сожалѣніе, что г. Мережковскій хотя бы на минутку, на ту минуту, когда нужно написать о Наполеонѣ, Раскольниковѣ или

Ставрогинѣ, вѣритъ въ истинность того, что онъ говоритъ. Выходитъ уже слишкомъ просто и обыкновенно. Чтобъ убѣждать человѣка въ пригодности различныхъ метафизическихъ идей, нужно либо сразу оглушить его отчаяннымъ крикомъ, какъ это дѣлалъ Достоевскій, котораго многіе (даже Вл. Соловьевъ) серьозно принимали за настоящаго пророка Божія— либо, если голоса не хватаетъ, говорить меньше, чѣмъ знаешь, но съ такимъ видомъ, какъ будто бы могъ сказать еще многое: такъ совѣтовалъ опытный въ этихъ дѣлахъ старикъ Вольтеръ.

Разумѣется, возможенъ и третій выходъ: нисколько не заботясь о читателяхъ, прямо высказывать все, что ты думаешь. Но, въ настоящее время, кромѣ А. Чехова, нѣтъ ни одного человѣка, который бы имѣлъ достаточно внутренней вѣры, религіозности, чтобы не побояться принять такое предложеніе. Всѣ глубоко убѣждены, что если открыть глаза на дѣйствительность, если захотѣть говорить правду—то въ результатѣ получится одно отчаяніе. А читатель требуетъ во чтобы то ни стало отъ писателя „положительныхъ" идеаловъ. Тутъ съ одной правдой далеко не уйдешь:

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

IV.

Въ силу своего недовѣрія къ дѣйствительности (къ дѣйствительности, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: не надо забывать, что Достоевскій называлъ себя реалистомъ—и съ полнымъ правомъ) Мережковскій перенесъ, какъ сказано, споръ съ религіозной

на моралистическую почву и вмѣсто Бога предлагаетъ намъ подъ именемъ „всемірнаго объединенія“ идеализмъ. Отсюда и его въ своемъ родѣ безпримѣрная нетерпимость по отношенію къ гр. Толстому. Какъ извѣстно, идеализмъ, добивающійся „общеобязательныхъ“ сужденій, былъ всегда деспотичнѣйшимъ ученіемъ—даже въ устахъ тѣхъ лицъ, которыя въ силу своего зависимаго общественнаго положенія, совершенно искренно мечтали о свободѣ мысли и слова. Если идеалисты и готовы уничтожить всякаго рода внѣшнія стѣсненія — они никогда не откажутся отъ права нравственнаго суда и осужденія. Г. Мережковскій являетъ тому превосходный примѣръ. Вполнѣ либеральный по натурѣ и своимъ симпатіямъ, онъ, соображая, что гр. Толстой не признаетъ и никогда не признаетъ высказываемыя имъ сужденія общеобязательными и единственно истинными, въ буквальномъ смыслѣ слова, иногда смѣшиваетъ съ грязью великаго писателя земли русской. И притомъ—дѣйствуетъ bona fide, т.-е. рѣшительно не испытываетъ ни малѣйшихъ признаковъ угрызенія совѣсти или даже чего-нибудь похожаго на угрызенія совѣсти. Наоборотъ, такъ какъ онъ убѣжденъ, что дѣйствуетъ во имя великой идеи и, такъ какъ для идеи, вообще говоря, ничѣмъ не жаль пожертвовать, то онъ, повидимому, даже чувствуетъ извѣстное нравственное удовлетвореніе: маленькій Давидъ, сильный только правдой, побиваетъ огромнаго Голіаѳа. Исторія интересная: она лишній разъ можетъ выяснить намъ, чего добивается мораль или идеализмъ, когда они начинаютъ настаивать на общеобязательныхъ сужденіяхъ.

Г. Мережковскому не нравится въ гр. Толстомъ то, что онъ въ немъ называетъ раціонализмомъ, поклоненіемъ здравому смыслу, ибо въ раціонализмѣ онъ видитъ помѣху свободному движенію мистической мысли. Это, разумѣется, вполнѣ естественно. Читатели, которые слѣдили въ прошломъ году за „Міромъ Искусства“ или знаютъ мою болѣе раннюю книгу „Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Нитше“ ни на минуту не заподозрятъ во мнѣ сторонника толстовской морали и ея главной идеи — „добро — есть Богъ“. Но изъ этого только слѣдуетъ, что на людяхъ, не желающихъ превращать Бога въ отвлеченное понятіе, лежитъ обязанность доказать свою правоту. И, разумѣется, г. Мережковскій, какъ человѣкъ достаточно образованный, превосходно знаетъ, что onus probandi— лежитъ на насъ, а не на сомнѣвающихся скептикахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Мережковскій достаточно искушенъ въ этихъ дѣлахъ, чтобы брать на себя подобнаго рода onus и, такъ какъ при томъ онъ считаетъ, что отъ читателей нужно всячески скрывать внутреннія сомнѣнія писателей и что суть не въ томъ, насколько ему дѣйствительно удастся поразить Голіаѳа, а въ томъ, насколько удастся убѣдить публику въ одержанной побѣдѣ, то онъ, не дѣлая даже попытки вдуматься въ смыслъ толстовскаго раціонализма, поднимаетъ вопросъ о нравственныхъ качествахъ своего противника. А въ такихъ случаяхъ, какъ извѣстно, всегда оказывается правымъ тотъ, кто успѣетъ первымъ разсердиться, раскричаться и даже, какъ мы сейчасъ увидимъ, ударить—не въ переносномъ, а почти въ буквальномъ смыслѣ этого слова—ударить врага...

Читатель, вѣроятно, помнитъ еще ту сцену въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ у Достоевскаго, въ которой изображается, какъ старый лакей Григорій побилъ молодого лакея Смердякова за то, что этотъ послѣдній во время урока не побоялся указать на замѣченныя имъ въ словахъ Св. Писанія противорѣчія. На мѣстѣ Григорія другой учитель, болѣе толковый и терпѣливый, вѣроятно умѣлъ бы отвѣтить своему ученику и смирилъ бы строптиваго спорщика. Но неуклюжая мысль бывшаго двороваго человѣка растерялась при первомъ возраженіи, и онъ наградилъ мальчика полновѣсной пощечиной. Тутъ есть много любопытнаго, но во всякомъ случаѣ, мы несомнѣнно находимся въ области комическаго, и примѣръ Григорія насъ менѣе всего можетъ соблазнить къ подражанію. Григорій первый разъ въ жизни услышалъ возраженія отъ Смердякова: но для насъ возраженія вѣдь не новость. Г-нъ Мережковскій, какъ это ни невѣроятно, соблазнился: ему во что бы то ни стало захотѣлось пріобрѣсть общеобязательныя сужденія— хотя бы по способу Григорія. „Вотъ славная пощечина!“ восклицаетъ онъ и считаетъ, что „раціонализмъ“, а съ нимъ и гр. Толстой окончательно раздавлены, и что яснополянскія сомнѣнія отнынѣ не должны приниматься въ соображеніе. Моралисты такъ всегда поступали. Какъ только они замѣчали свое безсиліе, они тотчасъ же начинали возмущаться и негодовать, что осквернены ихъ свѣтлые идеалы, что погублены надежды и т. д. Если же негодованія оказывалось недостаточно, они иной разъ не брезгали обращаться и къ „пощечинѣ“—къ поддержкѣ организованной или

неорганизованной внѣшней силы. И разъ вступивши на этотъ путь, г. Мережковскій считаетъ, что сдѣлалъ все: ему остается только придумывать различныя варіаціи на тему о смердяковской пощечинѣ. Что бы ни сказалъ Толстой—г. Мережковскій вспомнитъ Смердякова. Подъ конецъ, такъ какъ и Нитше ему мѣшаетъ, онъ начинаетъ поносить и Нитше, забывая благодарность, которой мы обязаны учителямъ своимъ. Приведу одинъ, другой примѣръ варіацій г. Мережковскаго на тему о Смердяковѣ, такъ какъ „своими словами“ мнѣ никогда не удастся должнымъ образомъ объяснить, что собственно онъ предпринялъ. Выписавъ изъ „Бѣсовъ“ фразу Ставрогина, оканчивающуюся словами „я точно зараженъ смѣхомъ“, и желая доказать, что смѣхъ Ставрогина неумѣстенъ, г. Мережковскій пишетъ: „это-то и есть нашъ современный и будущій, западно-европейскій и русскій всемірный демонъ—отецъ нашей „лжи“, нашей середины, нашего мѣщанства, нашей позитивной, либерально-консервативной, смердяковской, толстовской и Нитшеанской пошлости (курсивъ мой)—самый „маленькій и гаденькій, золотушный бѣсенокъ съ насморкомъ, изъ неудавшихся“, и въ то же время, самый великій, съ каждымъ днемъ растущій, наполняющій собою міръ, и однако еще никѣмъ не узнанный (!), невидимый бѣсъ“ [1]). Или еще по поводу идеала великаго инквизитора: „въ идеалѣ великаго инквизитора“, въ „тысячемилліонномъ стадѣ счастливыхъ младенцевъ“, поросятъ эпикуровыхъ, учениковъ Карла Маркса, у которыхъ паръ вмѣсто души—без-

[1]) Ib. стр. 351.

численныхъ маленькихъ, успокоенныхъ подъ властью Звѣря, Карамазовыхъ и Смердяковыхъ, даже не въ звѣриномъ, а въ скотскомъ царствѣ, противоставленномъ царству Божьему, въ страшной, соціалъ-демократической Вавилонской башнѣ, „хрустальномъ дворцѣ“ всемірной сытости — не сказывается ли эта именно, угаданная Смердяковымъ глубочайшая сущность Ивана – любовь къ „спокойному довольству“ во что бы то ни стало, любовь къ безпочвенной серединѣ? — Сущность всей нашей европейской и американской бѣлолицой китайщины, грядущаго „серединнго царства“ съ его „безчувственной космополитической мразью“, сущность нашего современнаго, позитивнаго и буржуазнаго Чорта, безсмертнаго Чичикова, купца „Мертвыхъ душъ“ и купца Брехунова, душа барина помѣщика Нехлюдова, Ростова, да и самого Л. Н. Толстого (опять мой курсивъ) и душа лакея Лаврушки, барина Карамазова и лакея Смердякова“ [1]). Эхъ, угораздило написать человѣка! Положительно, по мнѣ должно быть стыдно чувствовать себя такимъ благороднымъ и возвышеннымъ! И этотъ огромный періодъ à la Нитше... А вѣдь я бы могъ выписать десятки, чуть ли не сотни такихъ періодовъ, въ которыхъ Толстой, Нитше, а подчасъ и самъ Достоевскій оказываются пошляками, Смердяковыми, лакеями, Чичиковыми, „поросятами, у которыхъ паръ вмѣсто души“ и т. д. И этотъ тонъ настолько доминируетъ въ книгѣ, что остается впечатлѣніе, будто, Мережковскій ни о чемъ больше не говорилъ. Въ сущности впечатлѣніе не совсѣмъ правильное. Г. Мережковскій

[1]) Ib. стр. 391.

не только разноситъ Толстого и Нитше: онъ не забываетъ и свой синтезъ. Толстого и „раціонализмъ“ ему нужно только устранить, чтобы, какъ указано выше, открыть путь своей мистической идеѣ.

Кстати о словѣ мистическій. Скажу откровенно: не люблю я этого слова и дивлюсь тому, что г. Мережковскій такъ часто пользуется имъ. Правда, когда-то, по всѣмъ видимостямъ, это было хорошее, живое, значительное слово. Но, походивъ долго по рукамъ, оно отъ частаго употребленія совершенно вывѣтрилось и въ немъ, какъ въ потертомъ золотомъ, давно уже нѣтъ драгоцѣннаго металла — остались только надпись, да лигатура, и въ настоящее время ему та же цѣна, что и фальшивой монетѣ.

V.

Лучшія страницы второго тома—это тѣ, которыя посвящены Достоевскому. Достоевскаго г. Мережковскій слушаетъ и внимательно слушаетъ, рѣдко стѣсняетъ его свободу и только иногда исправляетъ и дополняетъ. Безъ исправленій и дополненій моралисты, какъ извѣстно, обойтись не могутъ: они стремятся къ „совершенству“ и знаютъ—одни во всемъ мірѣ—что такое истинное совершенство. Уже въ первомъ томѣ, гдѣ г. Мережковскій, держась метода Нитше, умѣлъ счастливо избѣгнуть нитшеанскихъ идей, онъ иногда, въ интересахъ синтеза, то вытягивалъ, то укорачивалъ разбираемыхъ имъ писателей. Тѣмъ болѣе во второмъ, гдѣ вся почти задача сводится къ синтезу. Такъ, на стр. 397 онъ пишетъ. „Понимаетъ ли, по крайней мѣрѣ, самъ Достоевскій, что другого

чорта вовсе нѣтъ, что это подлинный, единственный сатана, и что въ немъ постигнута послѣдняя сущность нуменальнаго „зла“, насколько видимо оно съ нашей планеты категоріямъ нашего разума и переживаемому нами историческому мгновенію? Кажется, Достоевскій это лишь пророчески смутно — сознавалъ, но не созналъ до конца. Если бы онъ созналъ, то былъ бы весь нашъ, а таковъ, какъ теперь, онъ почти нашъ...“ (курсивъ мой). И еще на стр. 445: „Да и здѣсь, на этихъ высочайшихъ крайнихъ точкахъ западно-европейской и русской культуры, въ Кириловѣ и Нитше, такъ же, какъ, можетъ быть, отчасти и въ самомъ Достоевскомъ и навѣрное во Львѣ Толстомъ, все еще господствуетъ „духъ времени“, страшный демонъ середины, непроницаемой, нейтрализующей среды между двумя полюсами („двѣ нити вмѣстѣ свиты“), нашъ демонъ, наполнившій собою міръ, самый великій и самый гаденькій золотушный бѣсенокъ съ насморкомъ, изъ неудавшихся, духъ, смѣшивающій и смѣющійся, духъ русскаго лакея Лаврушки и всемірнаго лакея Смердякова“. Не могъ удержаться г. Мережковскій—даже Достоевскаго принялся стыдить! И какъ только не пришло ему въ голову то простое соображеніе, что лучше „не понимать“ и быть вмѣстѣ съ Достоевскимъ, Толстымъ и Нитше, чѣмъ „понимать“ и остаться въ сторонѣ отъ нихъ. И что, съ другой стороны, если Смердяковъ и Лаврушка попали въ такую почетную компанію, какъ Толстой, Достоевскій и Нитше, то тѣмъ самымъ они настолько возвысились, что, пожалуй, теперь и не стыдно быть на нихъ похожими — въ

концѣ концовъ не только не стыдно, но даже лестно.

Жаль, страшно жаль, что г. Мережковскій уступилъ традиціямъ и погнался за объединяющими идеями! Я не говорю уже о первомъ томѣ, но даже во второмъ встрѣчаются превосходныя страницы о Достоевскомъ. Считаю своей пріятной обязанностью сдѣлать здѣсь изъ его книги большую выписку о Раскольниковѣ, какъ потому, что мнѣ хочется воздать должное г. Мережковскому, такъ и потому, что это дастъ возможность читателю оцѣнить всѣ преимущества нитшевскаго психологическаго, описательнаго метода предъ навязчивымъ и безпощаднымъ общенѣмецкимъ морализированіемъ... „Раскольниковъ испыталъ подобное тому, что долженъ былъ бы испытать человѣкъ, который вдругъ потерялъ бы ощущеніе вѣса и плотности своего тѣла: никакихъ преградъ, никакихъ задержекъ; всюду пустота, воздушность, безпредѣльность: ни верху, ни низу; никакой точки опоры; оставаясь неподвижнымъ, онъ, какъ будто, вѣчно скользитъ, вѣчно падаетъ въ бездну. Послѣ „преступленія“ Раскольниковъ испытываетъ вовсе не тяжесть, а именно эту неимовѣрную легкость въ сердцѣ своемъ—эту страшную пустоту, опустошенность, отрѣшенность отъ всего существующаго—послѣднее одиночество: „точно изъ-за тысячи верстъ я смотрю на васъ“, говоритъ онъ своей сестрѣ и матери. Онъ еще среди людей, но какъ будто уже не человѣкъ; еще въ мірѣ, но какъ будто уже внѣ міра. Ему легко и свободно. Ему слишкомъ легко, слишкомъ свободно. Страшная свобода. Созданъ ли человѣкъ для такой свободы? Можетъ ли онъ ее

вынести, безъ крыльевъ, безъ религіи? Раскольниковъ не вынесъ. И какъ могли, какъ могли подумать, какъ до сихъ поръ еще думаютъ всѣ, что онъ оправдываетъ себя, потому что боится вины своей, боится „угрызеній совѣсти". Да онъ ихъ только и жаждетъ, только и ищетъ сознанія вины своей, раскаянія, какъ своего единственнаго спасенія" [1]). Вотъ какъ надо писать, вотъ какъ надо думать, искать, смотрѣть! Вотъ гдѣ виденъ истинный и достойный ученикъ Ницше! И вѣдь обошлось безъ синтеза. Разумѣется, читатель, который ищетъ метафизическихъ, нравственныхъ и иныхъ утѣшеній, взвоетъ, можетъ быть, даже взреветъ отъ негодованія, прочитавъ эти строки—и отвернется отъ писателя, который столь безстрашно говоритъ правду о жизни; но нужно умѣть выдержать негодованіе и даже презрѣніе толпы, нужно умѣть, сохранивъ все возможное спокойствіе, отвѣтить воющимъ, ревущимъ и негодующимъ читателямъ: за метафизическими, нравственными и иными утѣшеніями извольте обратиться къ нѣмцамъ, къ толстымъ, многотомнымъ нѣмцамъ. У нихъ этого добра—хоть отбавляй, особенно у Канта, спеціально занимавшагося изготовленіемъ такихъ вещей, какъ „постулаты" свободы воли, безсмертія души—и даже Бога! Къ сожалѣнію, г. Мережковскій, вмѣсто того, чтобы отсылать къ Канту ищущихъ идеаловъ читателей, самъ идетъ къ нему на поклоненіе. Я знаю, что г. Мережковскій никогда не удѣлялъ слишкомъ много вниманія вопросамъ теоретической философіи, и я не стану, конечно, требовать отъ него обширной философской эрудиціи и

[1]) Стр. 128.

основательнаго знакомства съ деталями Кантовской системы. Если бы даже онъ допустилъ какую-нибудь ошибку, я бы не поставилъ ему этого въ упрекъ. Но онъ оберегся отъ ошибки—зато сдѣлалъ худшее. Онъ повторилъ общее мѣсто о заслугахъ Канта и сознательно присоединилъ свой голосъ къ огромному хору хвалителей и почитателей кенигсбергскаго философа.

Повторяю: онъ зналъ, что онъ дѣлаетъ; онъ не могъ не знать, что, становясь на сторону Канта, онъ зажимаетъ ротъ Раскольниковымъ, Карамазовымъ, Достоевскимъ, Толстымъ, Нитше, и прерогативу свободнаго слова дѣлаетъ исключительнымъ достояніемъ нѣмецкихъ идеалистовъ. Вотъ его подлинныя слова, въ значительной степени являющіяся итогомъ всей книги: „одно изъ двухъ: надо или опровергнуть Канта, или принять его и, въ такомъ случаѣ, согласиться съ нимъ, что область, доступная изслѣдованію нашего разума, есть только область явленій, область чувственнаго опыта, происходящаго во времени и пространствѣ; Богъ—внѣ явленій, внѣ пространства и временъ; а слѣдовательно и вопросъ о бытіи или небытіи Божіемъ находится внѣ области, доступной изслѣдованію разума. „Богъ необходимъ“ это не разумная, не опытная, а мистическая посылка, не опровергаемая и не доказуемая разумомъ. Разумъ не утверждаетъ и не отрицаетъ, онъ только говоритъ: „я не знаю, есть ли Богъ или нѣтъ его“ [1]). Г. Мережковскій такъ разсуждаетъ не потому, что онъ лично провѣрилъ, насколько Кантъ и его критицизмъ дѣйствительно неопровержимы: ему, вѣроятно, некогда было заниматься этимъ.

[1]) Стр. 440.

Вѣроятно, онъ никогда даже и не поинтересовался допросить, какъ слѣдуетъ, знаменитаго философа, для какой собственно надобности потребовалось ему принизить права человѣческаго „разума“. Г-ну Мережковскому въ настоящую минуту нужно было лишить права голоса Нитше (см. 441 страницу), и онъ наскоро заключилъ союзъ съ Кантомъ, позабывши, что Кантъ есть, былъ и будетъ основателемъ того идеализма, къ которому обратились столь презираемые имъ бывшіе марксисты. Кантъ не только не можетъ поддержать человѣка, ищущаго Бога, но своими „постулатами“ онъ въ зародышѣ убиваетъ всякую надежду на возможность найти Бога. „Разумъ не утверждаетъ и не отрицаетъ бытія Божія“—это прежде и послѣ всего значитъ, что намъ до Бога нѣтъ и не должно быть никакого дѣла—а разъ такъ, то никакія мистическія посылки уже не спасутъ ничего. Мы можемъ доказать незыблемость научныхъ принциповъ, мы можемъ обосновать вѣчную мораль—ограничимся этимъ, а съ Богомъ—какъ будетъ, такъ и будетъ; это дѣло чистаго случая или, какъ говоритъ Кантъ, вѣры. Не нужно однако смѣшивать Кантовской вѣры съ религіей: онѣ ничего общаго между собой не имѣютъ. Позитивизмъ вѣдь тоже не отрицаетъ вѣры, даже вѣры въ Бога! Въ концѣ одной изъ главъ своей логики Милль, несомнѣнный позитивистъ, помѣстилъ небольшое примѣчаніе, приблизительно строкъ въ двадцать, въ которомъ онъ со свойственною ему ясностью и убѣдительностью (beleidigende Klarheit—говорилъ Нитше) высказываетъ ту мысль, что позитивизмъ не исключаетъ вѣры въ Бога. Мнѣ жаль,

что у меня нѣтъ подъ рукой его книги, и я не могу привести этого мѣста, никогда, насколько мнѣ извѣстно, еще не оцѣненнаго по достоинству. Но за смыслъ я ручаюсь. Здѣсь, впрочемъ, форма дѣло второе: главное, что Богъ, о которомъ въ текстѣ книги никогда не упоминается, попалъ въ примѣчаніе. Это характерно и многозначительно: г. Мережковскій навѣрное со мной согласится. Но еще интереснѣе, что вѣдь Кантъ сдѣлалъ тоже, что и Милль. Его постулатъ Бога—есть тоже Богъ „въ примѣчаніи". Все нужно доказывать (напр., законъ причинности, нравственный законъ), въ Бога же можно вѣрить, ибо въ концѣ концовъ не такъ и важно—существуетъ ли Онъ на самомъ дѣлѣ или не существуетъ: главное чтобъ Его не оспаривали. Въ этомъ смыслѣ и значеніе критицизма, какъ и миллевскаго позитивизма. Нужно было сосредоточить все вниманіе и весь интересъ на мірѣ явленій (и не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ явленій, не возмущающихъ душевнаго спокойствія человѣка), нужно было придать прочность научнымъ положеніямъ и моральнымъ принципамъ, которымъ сталъ угрожать англійскій скептицизмъ — и Кантъ прибѣгнулъ къ геніальнѣйшей изъ возможныхъ уловокъ. Увидѣвъ, что борьба невозможна, что выдержать напоръ новаго теченія—безнадежная затѣя, Кантъ рѣшилъ пригнуться, въ разсчетѣ, что вихрь пронесется надъ нимъ, не задѣвъ его. И разсчетъ его оказался математически вѣрнымъ.

Кантъ спасся отъ скептицизма!—Стоило на мгновеніе проснуться отъ „догматической дремоты", чтобы потомъ имѣть право спокойно, въ сознаніи полной

безопасности, уснуть на всю жизнь! Наука и мораль обезпечены, въ мірѣ явленій, соприкасающихся съ философами, безпорядка не будетъ—ну, а дальше? Дальше—кому охота заглядывать такъ далеко! И по настоящій день, какъ только Раскольниковы, Толстые, Достоевскіе и Нитше начинаютъ бить тревогу—имъ въ отвѣтъ тотчасъ раздается стройный хоръ вышколенныхъ голосовъ: назадъ къ Канту, Кантъ защититъ, Кантъ уйметъ бунтовщиковъ! И если бы Кантъ прочелъ приведенныя мною выше разсужденія г. Мережковскаго о Раскольниковѣ или иныя мѣста изъ перваго тома „Толстого и Достоевскаго", онъ, разумѣется, счелъ бы себя обязаннымъ погрозить пальцемъ и напомнить о мірѣ явленій, синтетическихъ сужденіяхъ a priori, антиноміяхъ, категорическомъ императивѣ, Ding an Sich и т. д. Но г. Мережковскій и самъ спохватился. Ему понадобились положительные выводы, идеалы, логика, мораль, міровоззрѣніе—а въ такихъ дѣлахъ безъ геніальнаго Канта, разумѣется, обойтись не легко.

VI.

А теперь спросимъ, наконецъ, въ чемъ же послѣдній синтезъ г. Мережковскаго? У него на этотъ вопросъ есть очень опредѣленный отвѣтъ: въ чемъ другомъ, а въ неясности его упрекнуть нельзя. Уже съ начала 5-й главы онъ приводитъ стихотвореніе З. Н. Гиппіусъ—„Электричество", стихотвореніе, которое ему кажется до такой степени полно и удачно выражающимъ его основную мысль, что онъ заключительныя его строки цитируетъ до десяти разъ. Стихотвореніе небольшое, и я его приведу цѣликомъ, въ виду той

значительной роли, которую оно играетъ въ книгѣ г. Мережковскаго.

Двѣ нити вмѣстѣ свиты,
Концы обнажены.
То „да“ и „нѣтъ“ не слиты,
Не слиты—сплетены.
Ихъ темное сплетенье
И тѣсно и мертво;
Но ждетъ ихъ воскресенье,
И ждутъ они его:
Концы соприкоснутся,
Проснутся „да“ и „нѣтъ“,
И „да“, и „нѣтъ“ сольются,
И смерть ихъ будетъ свѣтъ.

Какъ видитъ читатель, стихотвореніе едва ли можетъ быть названо удачнымъ. Оно схематично отвлеченно—въ сущности риѳмованное переложеніе параграфа изъ элементарной физики. Въ томъ же 5 номерѣ „Міра Искусства“, въ которомъ появилось „Электричество“ напечатана еще одна вещь З. Н. Гиппіусъ—„До дна“. „До дна“ прелестное, истинно поэтическое и глубоко правдивое стихотвореніе. А г. Мережковскому оно не понадобилось: въ немъ нѣтъ принциповъ, общихъ выводовъ, синтеза. Тамъ, непосредственно за такими, какъ будто бы подающими надежду стихами, какъ:

Люблю я отчаяніе мое безмѣрное,
Намъ радость въ послѣдней каплѣ дана

слѣдуютъ два другихъ, исполненныхъ столь человѣческой, презирающей синтезъ, горечи:

И только одно я здѣсь знаю вѣрное:
Нужно всякую чашу пить до дна.

Это—очевидное противорѣчіе, невыдержанность,—а съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцы установили, что противорѣчій быть не должно, г. Мережковскій теоретически не выноситъ непослѣдовательности, а потому не слушаетъ и не слышитъ человѣка, такъ мало „знающаго“, какъ авторъ стихотворенія „До дна“. И заглушивъ въ себѣ природную эстетическую чуткость, г. Мережковскій безконечно повторяетъ „Электричество“, не соображая, что при многократномъ чтеніи даже неопытный читатель можетъ догадаться, что „электричество“ — слабая вещь. По содержанію „электричества“ уже видно, какихъ „выводовъ“ добивается г. Мережковскій. Подобно всѣмъ идеалистамъ, и онъ убѣжденъ, что званіе писателя обязываетъ его сдѣлать знаменитое salto mortale,—перескочить черезъ всю жизнь къ свѣтлой идеѣ. Но salto mortale поражаетъ только у акробатовъ. Здѣсь на самомъ дѣлѣ отчаянный прыжокъ заставляетъ биться человѣческія сердца. Мы боимся за смѣлаго гимнаста и съ стѣсненнымъ дыханіемъ слѣдимъ за его движеніями. Въ области же мысли прыжки—самый безопасный, а потому мало на кого дѣйствующій пріемъ. И даже обѣщаніе свѣта, кажется, никого уже не прельщаетъ. Боже, сколько разъ намъ уже говорили объ этомъ свѣтѣ, и какъ бы намъ хотѣлось, чтобъ хоть на время прекратились свѣтлые разговоры!

И, вѣдь, чтобъ добиться свѣта, вовсе не нужны мистическія „посылки“. Какъ превосходно на эту тему говорятъ позитивисты—хотя бы тотъ же Тэнъ, на котораго ссылается по поводу Наполеона г. Мережковскій. Посмотрите, какой пышной тирадой заканчи-

ваетъ онъ свою послѣднюю главу „исторіи англійской литературы“... „Кто не чувствуетъ восторженнаго удивленія при видѣ колоссальныхъ силъ, находящихся въ самомъ сердцѣ всего существующаго, которыя безпрерывно гонятъ кровь по членамъ стараго міра, распредѣляютъ массу соковъ по безконечной сѣти артерій и раскидываютъ по поверхности вѣчный цвѣтъ юности и красоты? Наконецъ, кто не почувствуетъ себя выше и чище при открытіи, что этотъ рядъ законовъ примыкаетъ къ ряду формъ, что матерія переходитъ постепенно въ мысль, что природа заканчивается разумомъ и что идеалъ, около котораго вращаются послѣ столькихъ заблужденій всѣ человѣческія стремленія, есть та же самая конечная цѣль, въ виду которой работаютъ, не взирая ни на какія препятствія, всѣ силы вселенной?“... Чѣмъ это не „свѣтъ“? И какое блестящее, вдохновенное, великолѣпное краснорѣчіе!

Но, слушая его, хочется, вмѣстѣ съ Верленомъ, крикнуть въ догонку окончившему свое дѣло и удаляющемуся на покой Тэну: Prends l'eloquence et tords lui son cou! Не нужно, не нужно намъ всего этого...

Нельзя не упомянуть хотя вскользь о предисловіи г. Мережковскаго. Это не предисловіе, а большая статья въ 4 печатныхъ листа. Странно оно начинается, странно и кончается. Авторъ, повидимому, задался державинской задачею:

Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

„Довольно, пишетъ г. Мережковскій, мы говорили— надо дѣлать: русская литература есть великое слово

Россіи, за словомъ—дѣло, и дѣло Россіи должно быть достойно ея великаго слова. Начнемъ же дѣлать".

Что дѣлать? Къ сожалѣнію, прямого отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ, и мнѣ во второй разъ приходится догадываться. Повидимому, г. Мережковскій приглашаетъ насъ, писателей, вмѣшаться въ общественныя дѣла Россіи. Если моя догадка справедлива,—а ни въ какомъ иномъ смыслѣ я не могу понять его слова — то, собственно говоря, онъ запоздалъ и сильно-таки запоздалъ со своимъ призывомъ.

Вотъ уже болѣе полустолѣтія, какъ наша литература только и дѣлаетъ, что занимается общественными дѣлами, и если ее можно въ чемъ упрекнуть, то развѣ въ томъ, что она черезчуръ усердствовала въ этомъ направленіи и вносила общественно-политическую точку зрѣнія рѣшительно повсюду, даже въ тѣ области, гдѣ она была совершенно неумѣстна.

Но это дѣло второе. Гораздо интереснѣе, что г. Мережковскій, повидимому, уже въ самомъ предисловіи дѣлаетъ попытку вмѣшаться въ общественныя дѣла.

Обсуждая вопросъ о такъ называемомъ „отлученіи отъ церкви" гр. Толстого, г. Мережковскій начинаетъ подавать совѣты св. Синоду. И къ моему удовольствію (почему къ удовольствію—объ этомъ ниже), его первый опытъ оказывается совершенно неудачнымъ. Онъ, напр., предлагаетъ такую мѣру: разрѣшить гр. Толстому печатать въ Россіи всѣ свои „богословскія" произведенія.

Вотъ эта аргументація: „свобода мысли и слова никому въ Россіи въ настоящее время такъ не нужна,

какъ именно русской церкви, между прочимъ и для борьбы съ Л. Толстымъ. Если даже безоружность его, вслѣдствіе цензурныхъ запрещеній, есть только предлогъ, то насколько все-таки выгоднѣе было бы для церкви, чтобы и этого предлога не существовало: вѣдь мнимая безоружность и есть главное оружіе Л. Толстого, кажущаяся беззащитность—настоящая крѣпость, въ которую этотъ Голіафъ спасается отъ камня Давидова. Нужно отнять у него оружіе, выманить его изъ этой крѣпости, ибо церкви нужна побѣда не лукавая, открытая, а слѣдовательно и борьба открытая и т. д.“ Увы! всѣ эти соображенія слишкомъ элементарны и едва ли на кого подѣйствуютъ. Любому священнику или начальствующему лицу они уже давно и очень хорошо извѣстны и, если все-таки гр. Толстому не разрѣшаютъ печатать его сочиненія, то вѣроятно для этого имѣются очень и очень серьозныя основанія, которыхъ не знаетъ и не умѣетъ угадать г. Мережковскій. Правда, можетъ быть, г. Мережковскій пустился на хитрость: онъ думаетъ, что, если назвать Толстого безопаснымъ, то удастся выманить у власть имѣющихъ лишнюю прерогативу. Но это такой избитый способъ, имъ такъ часто пользовались либералы въ своей борьбѣ съ консерваторами, что имъ уже никого не обманешь и ничего не выманишь. Г. Мережковскій въ своемъ предисловіи хлопочетъ не только о привилегіяхъ для гр. Толстого, но еще о многихъ вещахъ. И приблизительно съ такимъ же искусствомъ. И я очень радъ, что онъ оказался плохимъ политикомъ. Это значитъ, что онъ скоро вернется обратно въ свою родную стихію — литературу.

А разъ уже вернется — то навѣрное убѣдится, что здѣсь еще многое, многое осталось сдѣлать, и что при всевозможныхъ обстоятельствахъ всегда найдутся люди, которыхъ, въ силу ихъ характера и дарованія, дѣло и борьба мысли будетъ занимать больше, чѣмъ политика. Ибо и въ литературѣ есть дѣло, есть страшная борьба, болѣе опасная и кровавая, чѣмъ борьба политическая и общественная...

Подведу итогъ сказанному: идеи г. Мережковскаго хорошія, благородныя, возвышенныя идеи — не хуже, можетъ быть, лучше другихъ идей, обращающихся нынѣ въ обществѣ. Бѣда въ томъ, что идеи не нужны. De la musique avant toute chose — et tout le reste est littérature.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 14 13 06 007 7